

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№04 (96), 2023

ISSN 2412-8953

9 772412 895000 >

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №04 (96). 195 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканиук Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Селеменова О.А. Направления изучения ономастического кода И.А. Бунина в лингвистических исследованиях	7
Языки народов Российской Федерации	13
Рубцова Б.Я. Почет и уважение старшего поколения в осетинской культуре: на примере пословиц.....	13
Славянские языки	19
Лукьянюк Ю.Н. Об особенностях семантических процессов в научной лексике.....	19
Тананайко С.О. Perceptual Characteristics of the Non-palatalized vs. Palatalized Consonant Opposition in Related Languages	28
Германские языки	36
Добринова О.Н. Структурно-семантические компоненты немецкоязычных фитонимов (на материале словаря лекарственных растений А.Ю. Болотиной).....	36
Деревянко А.А., Свистунов А.С. Передача экспрессивности мифологемы "hell" на морфологическом уровне в романе Г.Ф. Лавкрафта «Случай Чарльза Декстера Варда» и его переводе на русский язык	42
Зиновьева Э.А., Серых К.Д., Федькина Е.С., Романов А.В. Английская фразеология в деловой коммуникации	54
Романова М.А. Англицизмы в русском языке: а сколько их нужно?.....	62
Романские языки.....	74
Бурлак Т.А. Общие черты инаугурационных речей современных лидеров Латинской Америки.....	74
Самарина М.С. Franciscan Missionaries of the Middle Ages: A Linguistic Aspect.....	82
Теория языка	87
Васильев М.П., Хохлов К.М. Языковые маркеры гуманизма (на основе произведений «Бегущего по лезвию»)	87
Григорова В. А. Метафорическая модель «Биосфера – это живое существо» в экологическом дискурсе (на материале понятийной области «антропогенное воздействие на биосферу»)	96
Левина Д.А. Особенности перевода детской польской поэзии на русский язык (на основе произведений Яна Бжехвы).....	107
Повелица С.И. Формирование глоссария: к вопросу о признаках термина и его отличиях от терминоподобных единиц (имя собственное, номенклатура, терминоид, профессионализмы, профессиональный жаргонизм)	117

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	124
Андреева Е.В. Качественные прилагательные с отрицательной семантикой в английском языке: сопоставительный аспект	124
Ларина О.Р. Сопоставительный анализ контекстуальных парадигм русского числительного <i>четыре</i> и его английского эквивалента <i>four</i>	129
Новикова Л. А., Матросова К. И. Пословицы с компонентом «дерево» в русском, английском и удмуртском языках	135
Прикладная и математическая лингвистика	142
Романов А.В., Михайлов А.С., Чернобай М.А. Особенности формирования игрового сленга в жанре МОВА и шутерах от первого лица	142
Русская литература	149
Никулина Ю.А., Рымарева Е.Н. Утопия как социокультурный феномен: типы и виды положительных утопий.....	149
Сергиенко Е.Е. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» глазами его итальянских современников	157
Литература народов стран зарубежья	168
Подсвинова А.С. Жанрово-стилистические особенности фэнтези (на материале трилогии С. Гарбер «Караваль»)	168
Хасанова И.И., Шкилев Р.Е. Особенности перевода комического в художественной прозе на примере романа Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс»	175
Лингвокультурология	181
Лысенкова В. Н. Репрезентация пространственного кода культуры в английской фразеологической картине мира (на материале английских фразеологизмов с компонентами <i>home, house</i>)	181
Пасевич З.В., Мидзуки Ф. Концепт «Работа» в русской языковой картине мира (по данным ассоциативных словарей)	186

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Селеменова О.А. Направления изучения ономастического кода И.А. Бунина в лингвистических исследованиях

Селеменова Ольга Александровна

д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, РФ, г. Елец
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Directions of studying I.A. Bunin's onomastic code in the linguistic research

Selemeneva Olga Alexandrovna

Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor at the Department of the Russian language, Russian teaching methodology and document science
Bunin Yelets State University, Russia, Yelets

Аннотация. В статье рассматриваются направления исследования ономастикона художественного наследия И.А. Бунина в современной лингвистике. Актуальность работы обусловлена интересом ученых к особенностям языка и стиля отечественных писателей, в частности к вопросу моделирования лексического яруса языковой личности И.А. Бунина. Цель статьи – обобщить работы отечественных лингвистов, посвященные именам собственным в бунинской прозе и поэзии, и выявить ключевые направления изучения темы. Автором установлено, что ономастикон Бунина-художника описывается с позиций литературной ономастики, когнитивной лингвистики, лингвистического краеведения, лингвистики сверхтекста.

Ключевые слова: литературная ономастика, И.А. Бунин, язык художественного текста, собственное имя, семантика.

Abstract. The article discusses the main directions of studying the onomasticon of I.A. Bunin's artistic heritage in modern linguistics. The relevance of the work is due to the interest of scientists in the peculiarities of the language and style of Russian writers, in particular, the issue of modeling the lexical tier of I.A. Bunin's linguistic personality. The purpose of the article is to summarize the works of Russian linguists devoted to proper names in Bunin's prose and poetry, and to identify the key areas of study of the topic. The author has established that I.A. Bunin's onomasticon is studied from the standpoint of literary onomastics, cognitive linguistics, linguistic local lore, linguistics of the supertext.

Keywords: literary onomastics, I.A. Bunin, language of a literary text, a proper name, semantics.

Неослабевающий интерес отечественных лингвистов к именам собственным как уникальным единицам словаря любого художественного текста обусловлен самой природой онимов. Ведь они, аккумулируя в семантике культурно-историческую, автобиографическую, религиозно-философскую, нравственно-этическую и иные

типы содержательной информации, создают узнаваемый ономастический код идиостиля того или иного писателя.

Уже в течение многих десятилетий в фокус лингвистических исследований входят системы имен собственных Э. Берджесса, Д. Брауна, Д. Хармса, А.А. Ахматовой, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М.И. Цветаевой и других прозаиков и поэтов. Не является исключением и ономастикон художественных текстов И.А. Бунина, который вообще очень скрупулезно относился к выбору имен, поскольку считал, что «можно потопить хорошую вещь неудачным, неподходящим подбором имен» [1, с. 98].

В лингвистике научные труды, посвященные исследованию ономастикона бунинского художественного наследия, представлены прежде всего многочисленными работами по литературной ономастике. В контексте указанного направления исследований можно выделить несколько групп работ.

1) Исследования, в которых предлагаются критерии типологизации и систематизации онимов в художественном наследии писателя, предпринимаются попытки определить отношение И.А. Бунина к употребляемым в контекстах собственным именам (Г.Ф. Ковалев, С.М. Пронченко, М.Р. Милуд и др.).

Например, Г.Ф. Ковалев отмечает, что И.А. Бунин «особенно остро относился к географическим названиям – топонимам»: с любовью – к исторической топонимии, с возмущением – к неумелым переименованиям советской поры [2, с. 278–279].

С.М. Пронченко, обращаясь к изучению корпуса собственных имен в лирике И.А. Бунина, классифицирует онимы на основе двух аспектов: парадигматического и синтагматического. Парадигматический аспект включает восемь критериев: 1) *специфика референтивного значения* (иными словами, по семантике выделены агнионимы, антропонимы, астронимы, библеизмы и т.п.); 2) *способ художественной номинации* (индивидуально-авторские и узуальные); 3) *соотношение с национальным именником народа* (реальные и вымышленные имена); 4) *способ преобразования формы в художественных текстах* (имена из реального именника; имена из литературных произведений и др.); 5) *тип употребления* (обобщенно-символические и номинативные); 6) *участие в развертывании темы* (ключевые и упоминаемые); 7) *морфологический состав* (простые, составные); *встречаемость в ономастическом пространстве текста* (единичные и повторяющиеся) [3, с. 262–264]. В синтагматическом же аспекте онимы дифференцированы ученым в соответствии с двумя критериями: 1) *по роли в речевой структуре текста* и 2) *по характеру контекста* [3, с. 264–265].

2) Исследования, которые посвящены моделированию ономастического пространства конкретного текста И.А. Бунина (С.Я. Гехтляр, Е.А. Сотникова и др.).

Например, Е.А. Сотникова реконструирует систему антропонимов романа «Жизнь Арсеньева» [4], а С.Я. Гехтляр – повестей «Деревня» и «Суходол» [5]. Антропонимические единицы, отражающие элементы «социальной, возрастной имущественной и психологической характеристики» [5, с. 110], входят в эти бунинские произведения «семантически недостаточными», а выходят «семантически обогащенными», вызывая у адресата-интерпретатора «обширный комплекс ассоциативных значений» [4, с. 197–198].

3) Исследования, которые анализируют функции конкретной семантической подгруппы онимов, например, астрономов, антропонимов, топонимов, в определенном тексте (текстах) И.А. Бунина (Л.М. Бражник, В.А. Бурцев, М.В. Климова, С.В. Коростова, М. Романенкова, А.А. Чеботарева, Т.Ю. Яровая и др.).

Например, Т.Ю. Яровая, обращаясь к тексту романа «Жизнь Арсеньева», обнаруживает в нем имена персонажей русского и западноевропейского фольклора (сказочные антропонимы), построенные по разным моделям: *Василиса Премудрая* (модель «собственное имя сущ. + прилагательное-определение в постпозиции»), *Царь-Девуца* (модель «сущ. м.р. + сущ. ж.р.» с доминантой лексемы в ж.р.) и *Бова Королевич* (модель «собственное имя сущ. + апеллятив») [6, с. 106]. Именно такие лексические единицы, по мнению ученого, становятся знаками-иллюстраторами воспоминаний Алеши Арсеньева.

4) Работы, посвященные функционированию конкретного онима в художественно-эстетическом пространстве И.А. Бунина (Ю.Н. Гойко, Н.В. Комлева, Е.В. Рябова, И.Б. Фоменко и др.).

При обращении к подобной проблематике в исследованиях появляются сопоставительные аспекты. Например, И.Б. Фоменко представляет читателям историю, этимологию библеизма *Каин* в индивидуально-авторских картинах мира И.А. Бунина, М.А. Волошина, Н.С. Гумилева и Н.А. Клюева [7]. Это имя собственное характеризуется как относящееся к группе интернациональных, семантически детерминированное библейским текстом, первичное. В индивидуально-авторских картинах мира библеизм *Каин*, по мнению И.Б. Фоменко, способен получать новое осмысление. Если у Н.С. Гумилева – это «скиталец», то у М.А. Волошина – «металлург, музыкант, охотник, пророк, революционер, судья» [7, с. 22–24]. В творчестве И.А. Бунина семантика имени меняется. До 1917 года *Каин* – «строитель, бунтарь, великан, умный, сильный, гордый», а после – «дикарь, матросы,

красноармейцы, большевики-революционеры... вся Россия» [7, с. 24]. Изменение семантики детерминировано неприятием революции писателем и расширением синтагматических связей онима (*русский Каин, Каин России*)

5) Работы, синтезирующие различные подходы (лингвистический, литературоведческий и культурологический) при описании значительных по объему фрагментов ономастического пространства художественных произведений И.А. Бунина (Н.А. Бородина, О.А. Селеменова, Н.А. Трубицина).

Например, О.А. Селеменевой и Н.А. Бородиной проведена инвентаризация и систематизация мифонимов в лирике И.А. Бунина на основании пяти критериев (структурная организация, семантика, отношение к общезыковому мифонимикону, функция, частотность реализации в поэтической речи), определена роль разных подгрупп мифонимов и отдельных мифологических имен в эстетико-художественной писательской парадигме, выявлены их контекстуальные связи и отношения [8]. Ученые приходят к выводу об упорядоченности мифонимикона Бунина-поэта, аккумуляции в нем особенностей языковой личности писателя, которая формировалась постепенно под влиянием как русской, так и мировой культуры [8, с. 140].

Поскольку тексты И.А. Бунина изобилуют именами реальных и вымышленных мест, индивидуально-авторская топонимия становится благодатной почвой для исследований не только инструментарием литературной ономастики, но и лингвистического краеведения. Например, Т.В. Краснова детально рассматривает топонимы и микротопонимы «Бунинской России», Ельца и Елецкого уезда: *Черная слобода, Елец, Соборная площадь, Острожная улица, Острова, Покровская, Садовая улица, Скобяной ряд, Торговая улица, Чернавская дорога* и многие другие [9]. Она подразделяет топонимы на *реальные*, обозначающие реальные места, существующие или существовавшие, и *литературные*, искусственно созданные И.А. Буниным по имеющимся моделям. Благодаря введению реальных топонимов художественный текст приобретает документальность [9, с. 7]. Накладываясь на реальные, литературные топонимы позволяют «спроецировать на местности литературную топонимию, соотнести ее с фактической и определить ее истоки» [9, с. 16].

Ономастические единицы прозаических произведений И.А. Бунина рассматриваются и в рамках лингвистики сверхтекста, а конкретно – в контексте проблемы национально-прецедентных текстов. Так, Е.А. Попова обращается к корпусу прецедентных текстов региональной направленности, которые имеют

отношение к Липецкому краю и входят в Провинциальный сверхтекст русской литературы [10]. Анализируя составляющие Елецкого текста, в частности «Жизнь Арсеньева», «Деревня», «Над городом» И.А. Бунина, она отмечает, что агнионимам в нем отводится особое место. Ведь они несут богатую культурную информацию и участвуют в создании художественного образа [10, с. 150].

Ономастикон бунинских текстов изучается и через призму идей когнитивной лингвистики. Например, Н.В. Богданова и О.В. Руднева собственные имена, функционирующие в произведениях И.А. Бунина, упоминают в перечне средств экспликации концептов «Природа» и «Пейзаж» [11; 12]. Систематизируя знаки концепта «Природа» в ранней прозе и поэзии И.А. Бунина, Н.В. Богданова указывает, что в лексико-семантической группе «Небесные светила» значительное место занимают астионимы типа *Телец, Орион, Венера, Сириус, Стожары* и т.д. [11, с. 9]. Эти лексические единицы выполняют в индивидуально-авторской картине мира не столько номинативную функцию, сколько эстетико-аксиологическую. А О.В. Руднева, моделируя многослойный концепт «Пейзаж», в качестве единиц-репрезентантов фреймов *городской пейзаж, деревенский пейзаж* рассматривает астионимы, агоронимы, годонимы (*Россия, Москва, Кремль, Арбат, Петровка, Кузнецкий* и др.) [12, с. 24–25]. Отбор языковых единиц концептуализации пейзажа в художественной картине мира И.А. Бунина свидетельствует о сочетании реалистичной предметности с живописной яркостью.

Резюмируя, отмечаем, что лингвисты ономастический код прозы и поэзии И.А. Бунина в основном исследуют с позиций литературной ономастики, когнитивной лингвистики, лингвистического краеведения и лингвистики сверхтекста. Используя разные методы (сравнительно-типологический, контекстуальный, концептуальный, историко-генетический, описательный и др.), ученые приходят к одному и тому же выводу: онимы в бунинских произведениях служат средством выражения творческой индивидуальности писателя и способствуют формальной и содержательной организации его литературных текстов.

Список литературы

1. Бахрах А.В. Бунин в халате. Нью-Йорк: Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.
2. Ковалев Г.Ф. И.А. Бунин и советская действительность в зеркале ономастики // И.А. Бунин и XXI век: материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 275–281.

3. Пронченко С.М. Имена собственные в стихотворениях И.А. Бунина: системный подход (к 145-летию со дня рождения писателя) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 260–267.
4. Сотникова Е.А. Антропонимикон романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Актуальные вопросы гуманитарной науки: сборник материалов областной научной конференции, посвященной Году учителя. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. С. 193–198.
5. Гехтляр С.Я. Имена персонажей как содержательный компонент бунинской концепции «Русская деревня» (на материале повестей «Деревня» и «Суходол») // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-онوماстические чтения: сборник трудов конференции. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. С. 108–114.
6. Яровая Т.Ю. Русская литература в зеркале антропонимии романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И.А. Фигуровского. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 105–112.
7. Фоменко И.Б. Библейское имя КАИН в русской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. Владивосток, 2004. 27 с.
8. Селеменова О.А., Бородина Н.А. Мифологические имена в поэзии И.А. Бунина. Монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2022. 170 с.
9. Краснова Т.В. Российская топонимия в художественной прозе И.А. Бунина. Монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. 246 с.
10. Попова Е.А. Агионимы как составная часть Провинциального (Липецкого) текста русской литературы // Русская словесность как основа русского мира: материалы XV международного форума. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 149–159.
11. Богданова Н.В. Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. СПб., 2007. 19 с.
12. Руднева О.В. Концептуализация пейзажа в малой прозе И.А. Бунина (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. Сургут, 2007. 27 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.35

**Рубцова Б.Я. Почет и уважение старшего поколения в осетинской культуре:
на примере пословиц**

Рубцова Бэлла Ясиновна

Преподаватель кафедры английского языка № 1
Дипломатическая академия МИД РФ, Россия, Москва.
DAConfa@mail.ru

Honour and respect of the elders in Ossetian culture based on proverbs

Rubtsova Bella Yasinovna

Lecture of English chair #1 Diplomatic academy of Russia's Foreign Ministry
Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматривается, как осетинский язык формирует в сознании своего народа этические и этнические представления об отношении к старшему поколению. Цель статьи – показать, как в осетинских пословицах отражается менталитет народа, национальное своеобразие его жизнедеятельности. Данная цель может быть реализована через трактовку осетинских пословиц и таких понятий как воспитание, благородство, честь и добропорядочность.

Ключевые слова: языковая картина мира; ценности; пословицы; мировоззрение; честь; мораль; доброта; воспитание

Abstract. This article examines how the Ossetian language forms ethical and ethnic ideas about the attitude towards the older generation in the people's minds. The purpose of the article is to show how Ossetian proverbs reflect the mentality of the people, the national identity of their life. This goal can be realized through the interpretation of Ossetian proverbs and concepts such as upbringing, nobility, honour and decency.

Keywords: linguistic world-image; values; proverbs; world view; honour; ethic; kindness; upbringing

Сегодня, когда с невероятной быстротой рушатся прежние общественно-политические порядки и происходит ломка стереотипных представлений о поведении и образе жизни людей, образовавшийся вакуум в общественной жизни нередко заполняется явлениями, противоречащими не только лучшим традиционным нормам поведения наших предков, но и общечеловеческим ценностям. Современная тенденция пренебрежения молодежью мнением и советами старших, отвержение моральных и этнических норм родной культуры, бездумное подражание ложно понятой европеизированной культуре и новациям привели к потере культурной идентичности народов. Но, в тоже время, именно сейчас, в эпоху перемен, открылись прекрасные возможности для возрождения и развития национальной культуры,

национального языка, возрождения лучших традиционных нравственных устоев отцов и дедов.

У каждого народа существует своя национально-историческая система понятий и ценностей, которая формирует набор культуuroобразующих категорий, отражающих неповторимый склад мышления народов, их способность относиться к миру по-своему. Своеобразие национального склада мышления формируется и отражается в лексической системе языка, благодаря чему и рождается национальная языковая картина мира [3; 7].

Целью настоящей статьи является выделение ценностно-мировоззренческих единиц на основе паремий в осетинском языке и анализ их вербализации.

Для осетинского народа его язык и его этническое мировоззрение являются результатом величайшего исторического творчества. И это позволяет нам выделить осетинский язык как универсальный код национальной духовности. Основой и сердцевиной всей осетинской культуры является «Агъдау» - это целый комплекс этических, эстетических, поведенческих категорий и предписаний, регламентировавших жизнь людей на протяжении веков. В структуру понятия «Агъдау» входят *Ирон Фарн* (духовность), *Афсарм* (мораль, совесть), *Уаздандзинад* (благородство, скромность), *Ахсар* (отвага), *Лагдзинад* (мужество), *Кад* (почет, уважение), *Намыс* (честь, слава), *Ном* (имя), *Уарзондзинад* (любовь), *Расугъддзинад* (красота) [8]. Именно «Агъдау» определяет систему взглядов осетин на мир и место отдельного человека в нем, а также основные жизненные убеждения, идеалы, принципы познания мира, ценностные ориентации в повседневной жизни. Все этические нормы отразились, в том числе и в пословицах. Под пословицей для целей статьи мы будем понимать меткое, образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный смысл [9]. Пословицы это и прошлое народа, и его живой голос, так как народ сохраняет в своей памяти только то, что ему необходимо сегодня и потребуется завтра. Когда в пословице говорится о прошлом, оно оценивается с точки зрения настоящего и будущего: осуждается или одобряется в зависимости от того, в какой мере прошлое, соответствует народным идеалам, ожиданиям и чаяниям. Пословица создается всем народом, поэтому выражает его коллективное мнение. Удачный афоризм, созданный индивидуальным умом, не становится народной пословицей, если он не выражает мнение большинства. Конечной целью пословиц всегда было воспитание и образование, они с древнейших времен выступали как педагогические средства воспитания. В осетинских пословицах много материала практического характера: житейские советы, пожелания в труде,

правила взаимоотношений между мужчиной и женщиной, между людьми. Хочется подробнее рассказать о взаимоотношении между молодым и старшим поколением у осетин. У всех народов отношение к старшим определяется примерно одинаково: «*Старшим место уступи, младшим помощь окажи*» (хакасск.), «*Старшего слушай, молодого учи*» (чув., якут., шорск., тув., татар., кирг.), «*Молодой – на службу, старый – на совет*», «*Молодой – на битву, а старый – на думу*» (рус.) [5]. С давних пор Осетия считается одним из регионов Кавказа, отличающимся долголетием его жителей. Главная причина заключалась в том, что старшее поколение не чувствовало себя лишними людьми или тягостной обузой, а наоборот, вполне осознавали свою полезность, что способствовало их моральной и физической стойкости и выносливости. «*Урс сæр у рæстгæнæггæн*» («*Счастлив тот, кто стал седым*»), «*Зæронды хъис хъæбæр у*» («*Старая борода - признак силы*»). Такая забота и внимание вселяли в них уверенность. Старшие руководили трудовыми процессами, выступали поручителями и соприсяжными на народных судах, представителями семей на «*ныхасах*» (собрание), консультантами по свадебным и похоронно-поминальным обрядам; они же в дни народных праздников произносили молитвы в святилищах и церквях. Они жили активной жизнью. До конца своих дней оставались главами своих семейных коллективов, их величали: "не стыр фыд" (старейшина), с ними советовались: «*Зæронд хæдзарыл иузæрдыг у*» («*Старший руководит преданно*»). В целом старший пользовался непререкаемым авторитетом. Недаром в осетинском народе сохранилась интересная поговорка: «*Хистæрæн йæ фындз асæрф æмæ йæ уый фæстæ зондæй бафæрс*» («*Старшему сперва утри нос, а потом спроси у него мудрого совета*»). При этом высокое уважение к старшему выражалось независимо от его социального положения, национальной принадлежности.

Важнейшая форма проявления уважения к старшему у осетин – приветствие. Встречаясь с осетином, особенно старшим, вы обязательно должны поздороваться с ним первым. Всякий уважающий себя осетин считал себя обязанным встать при появлении старшего, независимо от того, знает он его или нет. «*Уважение к старикам и вообще к людям пожилых лет, – писал Н. Берзенов, – простерто у осетин так далеко, что каждый из них считает неременной обязанностью вставать при входе старшего и приветствовать его... Они никогда не нарушают этой учтивости, и даже в семействе соблюдают ее со всей строгостью*» [1]. Это нашло свое отражение в следующей поговорке: «*Хистæрæн кад, кæстæрæн рад*» («*Старшему - почет, младшему – черед*»). В присутствии старшего младшие должны были слушать его молча, не следовало начинать разговор раньше него,

вставлять свое слово в разговор старших, прерывать речь старшего, быть многословным: «*Кæстæрæн йæ хæс хистæрмæ хъусын*» («*Обязанность младшего слушать старшего*»). Малейшее желание старшего следовало предугадать и предупредить, услужить ему: младший знал свое место в обществе. Всякое непочтение к старшим осуждалось общественным мнением, считалось у осетин постыдным. Со своей стороны старший по отношению к молодым должен был вести себя корректно, тактично, не злоупотреблять своим положением. Умудренный опытом старший хорошо понимал свои права и обязанности, соблюдаемые вековой традицией, старался соответствовать им, прилагал усилия, чтобы преждевременно не одряхлеть, держаться на уровне, быть опрятным и подтянутым, например: «*Кæстæртæй тынгдæр æфсæрмы хъæуы*» («*Младшего надо стесняться еще больше*»); «*Зæронды царм фидар у*» («*Соответствуй званию Старший*»). Старшие старались внимательно относиться к младшим, воспитывали в них мужество, выдержку, стойкость. У осетин есть поговорка: «*Дон кæстæрæй нуазындæ*» («*Воду пьют, начиная с младшего*»). В данном случае старший, уступая очередь младшему, демонстрировал свою выдержку, стойкость перед таким сильнейшим чувством, как жажда. Хочется отметить один интересный факт. Управлял большой семьей ее глава - *Хæдзары хицау* (хозяин дома). Он везде олицетворял собой семью, именно поэтому во многих осетинских поговорках упоминается мужская шапка, к которой в семье относились очень бережно и почтительно, потому что она символизировала главу семьи. [6, с. 309] Об уважении к старшим в республике и сейчас говорят: «*Головной убор мужчины трогать нельзя*». А о том, что статусу главы семьи надо соответствовать, напоминают так: «*Для ношения шапки мужчина нужен*» или «*И волк смотрит, как надета шапка на пастухе*».

Конечно, все нормы поведения в осетинском обществе закладывались с рождения. Отец и мать должны были вкладывать в своих детей устои данного общества, а это можно сделать только своим примером: «*Сывæллон цы уына, уый кæны*» («*Ребенок становится таким, какими видит окружающих*»), «*Сывæллон хистæртæй цы хъуса, уый дзуры*» («*Ребенок говорит то, что слышит от взрослых*»). Процесс обучения и воспитания лучше начинать с самого рождения: «*Бæлас талайæ куынæ а`ртасын кæнай, уæд зæрондæй нал тасы*» («*Если ты не согнешь молодое дерево, зрелым его не согнешь*»), «*Бирæгъ дæр йæ лæппыны гыццылæй райдайы ахуыр*» («*Волк тоже щенка с первых дней обучает*»). О решающей роли родителей в воспитании очень ярко сказано в осетинской пословице: «*Мады зæрдæ рриссаг, фыды зæрдæ – мæтгæнаг*» («*Сердце матери болит, сердце*

отца заботится»). Слово родителей оценивается так же высоко, как и живая народная мудрость многих поколений: «Дæ мад æмæ дæ фыды фæндиаг бахъомыл у!» («Соответствуй в обучении и воспитании желаниям матери и отца»). Все народы внушают подрастающему поколению мысль о необходимости уважать воспитателей. В пословицах родительский авторитет и ценность родительской любви поддерживается особенно настойчиво: «Мады хъæбыс адджын у» («Объятия матери самые теплые»), «Мады рæвдыдæй адджындæр ницы и» («Нет ничего более сладкого, чем материнская ласка») или: «Кæй фæрцы слæг дæ, уый дæ рох ма уæд» («Не забывай своих воспитателей»), «Мад æмæ фыды фæллоу ничи бафиддæн» («Заботу отца и матери невозможно отплатить»). Родители в осетинском обществе выступают от имени народа, они являются связующим звеном между детьми и народом, подрастающим поколением и уходящим.

Итак, проанализировав данные пословицы можно сделать вывод, что: любовь и уважение детей к отцам, к человеку старшего поколения является одной из лучших этикетных норм осетинского народа. Младший обязан оказывать старшему уважение, внимание и помощь. Самые почетные места за столом - старшим, прежде всего за их здоровье поднимали тосты. Отношения старшего к младшему, и наоборот, младшего к старшему регламентировались основой осетинской культуры - «Агъдау», которую обе стороны соблюдали весьма строго. При этом важную роль в воспитании подрастающего поколения играли родители, которые являлись связующим звеном между старым и новым поколением. Именно родители, с помощью любви, заботы, ласки, вкладывали в детей этические и этнические принципы поведения в осетинском обществе.

Мы разделяем точку зрения, что пословицы и поговорки, представляя собой микрофрагменты языковой картины мира, требуют изучения как в лингвистическом, так и лингвокультурологическом аспекте. При лингвокультурологическом подходе, пословицы и поговорки рассматриваются как семантические явления и языковые знаки особого рода, сочетающие в себе признаки и качества единиц языковой системы и микротекста и являющиеся носителями определенных ценностных установок общекультурного и этноспецифического характера [2, с. 28].

Процесс передачи смыслового мира, культурных ценностей и традиций из поколения в поколение обеспечивает преемственность и сохранение устоев и порядков, сложившихся за всю многовековую историю существования народа. Каждое поколение имеет свои особенности: ценности и духовный облик, жизненный опыт и отношение к событиям эпохи, творческие достижения и сохранение традиций.

Оно усваивает достигнутый уровень развития и на этой основе становится инициатором преобразований, способствующих продвижению вперёд. Эти две стороны взаимосвязи поколений - освоение культурного наследия и новаторство - образуют основу исторического развития общества.

Список литературы

1. Берзенов Н. Очерки Осетии. Дигория. Том 98. № 391. 1852 [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Berzenov_N/text1.htm (дата обращения 15.04.2023)
2. Гасанова М.А, Паремии как объект лингвистических исследований // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 22-29.
3. Гусарова Н.Г. Английские поговорки и пословицы как отражение семейных ценностей англичан // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Квант Медиа. Москва. 2017. С. 40-47.
4. Гутиев К. Ц. Осетинские пословицы и поговорки (на осетинском языке). Орджоникидзе, «Ир», 1976. 355 с.
5. Зиновьев Н. Пословицы и поговорки народов мира. М., 2008. 384 с.
6. Цаллагова З.Б., Чибиров Л. А. Осетины (Серия «Народы и культуры»). М., Наука. 2012. 605 с.
7. Царькова Е.А. Вербализация ценностных ориентаций «богатство» и «общественное положение» в текстах английских народных сказок // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сб.материалов конференции. ДА МИД РФ. Москва. 2022. С. 590-595.
8. Чочиев А.Р. Нарты - арии и арийская идеология. М., АКАЛИС. 1996. 263 с.
9. Большой толковый словарь русского языка (под ред. С.А.Кузнецова) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/пословица> (дата обращения 15.04.2023)

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.161.1'37 + 811.161.1'373.46

ББК: 87.003 + 81.411.2-002

ГРНТИ: 16.41.21; 16.21.47; 16.21.51

Лукьянюк Ю.Н. Об особенностях семантических процессов в научной лексике

Лукьянюк Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент языкознания, зав. кафедрой технологий коммуникации и связей с общественностью, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск
lukianqk@mail.ru

On the features of semantic processes in scientific vocabulary

Lukyanuk Yulia Nikolaevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Linguistics, Head. Department of Communication Technologies and Public Relations, Belarusian State University Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматриваются особенности семантических процессов в научной лексике на примере полисемии. Отмечено, что теоретическое изучение терминологии, исследование закономерностей ее формирования, развития и функционирования терминосистем являются одним из приоритетных направлений лингвистических исследований, что позволяет получить объективные знания о становлении лексико-семантической системы языка в целом. Проведено лингвистическое исследование некоторых семантических особенностей терминологии белорусского и русского языков на примере полисемии. Представлены количественные характеристики многозначных терминов. Сделан вывод о том, что философская терминология обладает качествами, которые отличают ее от других терминологических систем (технической или естественной).

Ключевые слова: термин, терминосистема, терминопole, терминологические единицы; полисемия, идеологически обусловленная многозначность

Abstract. The article discusses the features of semantic processes in scientific vocabulary using the example of polysemy. It is noted that the theoretical study of terminology, the study of the patterns of its formation, development and functioning of term systems are one of the priority areas of linguistic research, which allows obtaining objective knowledge about the formation of the lexico-semantic system of the language as a whole. A linguistic study of some semantic features of the terminology of the Belarusian and Russian languages was carried out using the example of polysemy. Quantitative characteristics of polysemantic terms are presented. It is concluded that philosophical terminology has qualities that distinguish it from other terminological systems (technical or natural).

Keywords: term, terminological system, term field, terminological units, polysemy, ideologically conditioned ambiguity

Одним из самых существенных качеств терминов, отличающее их от слов-нетерминов, является семантическая определенность, которая тесно связана с такими семантическими явлениями как моносемия и точность.

Среди специалистов преобладает мнение, что терминологические единицы должны быть однозначными, так как полисемия нарушает точность термина. Д.С. Лотте подчеркивал, что «для достоверности терминологии достаточно, чтобы термин был однозначным в пределах данной и родственных дисциплин» [2, с. 259]. Такой же мысли придерживаются А.А. Реформатский, Э.А. Натансон, Б.М. Балин, Б.М. Тагунов, Н.П. Кузькин и др. Так, Н.П. Кузькин считал, что «термин должен быть однозначным в пределах данной терминологической системы» [цит. по 2, с. 89].

. С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина, анализируя исследования В.П. Даниленко, Б.М. Головина, Р.Ю. Кобрина, В.С. Ахманова, И.З. Котеловой, в которых терминология представлена как часть общелитературного языка отмечали, для терминов характерны те же лексико-семантические процессы, по которым развивается и лексика литературного языка в целом [2, с. 259]. Исходя из данного мнения, полисемию следует рассматривать как нежелательное явление для термина, поскольку является своего рода проявлением общелитературной закономерности, когда одна знаковая форма (звуковая или графическая последовательность) может включать в себя ряд значений [4, с. 82]. В.М. Лейчик в своей работе ссылается на В.П. Даниленко, оправдывая, в частности, явление «терминологической многозначности на основе метонимии и синекдохи» [7, с. 66]. В работе рассматривается особый вид многозначности – категориальную многозначность, когда содержание понятия состоит из признаков, принадлежащих одновременно нескольким категориям.

Существуют и другие подходы к явлению однозначности в терминологии. Например, О.А. Сапрыкина считает, что термин сам по себе однозначен, однако с точки зрения языкового знака, он имеет тенденцию к многозначности, что позволяет быть однозначным внутри определенной терминосистемы, но многозначным – за ее пределами [10, URL].

Л. М. Лещёва придерживается позиции Д.С. Лотте, который выделял абсолютную и относительную однозначность термина. Абсолютной однозначностью обладают термины, однозначные в пределах всей терминологической лексики [8, с. 152]. Например, термин *трансцэндэнтны* в философском тексте обозначает «тое, што існуе па-за свядомасцю і недаступнае ёй» [Ф: ККЛ, с. 23]. В БелЭн термин имеет следующую дефиницию: «*трансцэндэнтнае*, тое, што выходзіць за межы

пачуццёвага вопыту і эмпірычнага пазнання» [БелЭн. Т.15, 513]. Такое же значение термина дается и в ТСБЛЯ: «*трансцэндэнтнае*, тое, што недаступна свядомасці, ляжыць за межамі вопыту» [ТСБЛМ-96, 660]. Если исходить из семантики ключевых лексем приведенных дефиниций (*свядомасць* – ‘чалавечая здольнасць да ўзнаўлення рэчаіснасці ў мысленні’; ‘думка, пачуцце, поўнае разуменне чаго-небудзь, уменне ацэньваць з’явы жыцця, разбірацца ў рэчаіснасці’ – ТСБЛМ-96, 592; *свет* – ‘увесь свет, бясконцы ў часе і прасторы, разнастайны па формах, якія прымае матэрыя ў працэсе свайго развіцця’ – ТСБЛМ-96, 639; *розум* – ‘здольнасць чалавека лагічна і творча мысліць, абагульняць вынікі пазнання’ – ТСБЛМ-96, 564; *вопыт* – ‘адлюстраванне ў свядомасці людзей законаў аб’ектыўнага свету і грамадскай практыкі, атрыманае ў выніку іх актыўнага практычнага пазнання’ – ТСБЛМ-96, 116), синонимии слов *існуе*, *выходзіць*, *ляжыць*, то очевидно, что в понятийном плане они (дефиниции) равнозначны, а это значит, что и в сфере функционирования, и в сфере фиксации термин имеет одно и то же значение. Термин *экзістэнцыялізм* имеет следующее определение: «ірацыяналістычны накірунак у філасофіі, цэнтральным паняццем якога з’яўляецца “экзістэнцыя” (чалавечае існаванне); узнік напярэдадні першай сусветнай вайны ў Расіі, пасля ў Германіі, Францыі і іншых краінах» [ТСФ, с. 79]. В этом же значении данный термин встречается и в сфере функционирования: «модная філасофская плынь ў Зах. Германіі, Францыі і інш. *Экзістэнцыялізм* лічыць першароднай філасофскай праблемай пытанне аб смерці, аб страху, аб пакутах...»; «як і ўсе экзістэнцыялісты, (Ясперс) лічыць смерць самай важнай філасофскай катэгорыяй» [Весці АН БССР. 1956. №3, 104]; «назва *экзістэнцыялізм* перакладаецца як *філасофія існавання*. Яго ідэі пачалі распрацоўвацца перад першай сусветнай вайной у Расіі (Л. Шастоў, М. Бярдзязеў) і Германіі, а ў перыяд другой сусветнай вайны – у Францыі» [Ф: ККЛ, с. 30]. В данном случае также очевидна абсолютная однозначность термина.

Относительная однозначность проявляется в тех случаях, если термин однозначный в рамках данной терминологии [3, с. 99]. Так, термин *катэгорыя* в философии имеет только одно значение: «агульнае паняцце, якое адлюстроўвае найбольш істотныя сувязі і адносіны рэальнай рэчаіснасці і пазнання» [ТСБЛМ-96, с. 285]. В других отраслях научной терминологии этот же термин имеет другую дефиницию: «родавае паняцце, якое абазначае разрад з’яў, прадметаў ці найбольш агульную іх прымету» [ТСБЛМ-96, с. 285], например: *граматычная катэгорыя*, *гістарычная катэгорыя*, *катэгорыя мастацтва* и т.д. В данном случае можно говорить о межотраслевой полисемии. Что это межотраслевой полисемант, а не

омоним, следует из того, что в разных областях науки понятие *катэгорыя* выделяется на основе определенной дифференциального признака (параметра), что лежит в основе дробления большой совокупности однородных явлений, предметов, понятий на ограниченное количество разрядов, классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением этого признака. В каждой отраслевой терминологии термин *катэгорыя* наполняется особенным содержанием, обусловленным соответствующей понятийной системой, не теряя при этом общей категориальной семы 'множество'.

Термин *валюнтарызм* входит в системы философской, политической и психологической терминологий. Так, в философии *валюнтарызм* – это «ідэалістычная плынь, якая аб'яўляе волю вышэйшым, творчым прынцыпам быцця» [ТСБЛЯ-96, с. 105]. В политологии «*валюнтарызм* – суб'ектывісцкія і адвольныя рашэнні, якія ігнаруюць аб'ектыўна існуючыя ўмовы і заканамернасці» [ТСБЛЯ-96, 105]. В психологии *валюнтарызм* «выяўляўся ў прызнанні прымату волі ў дачыненні да астатніх псіхічных функцый» [БелСЭ. Т.2, с. 587]. Очевидно, что термину *валюнтарызм* свойственно также межотраслевая многозначность: в данных дефинициях присутствует общая сема – 'то, что связано с волей'.

Несмотря на различные подходы к однозначности, среди специалистов преобладает мнение, что полисемия – явление отрицательное в терминологии. Однако, на наш взгляд, если термин соотносится с понятиями, которые системно не связаны друг с другом, то есть проявляется в различных терминологических полях, ему характерна межотраслевая многозначность, что существенно не усложняет коммуникацию. В таких случаях контекст обнаруживает конкретное терминопole, а через это и соответствующее значение термина. Подобную многозначность терминологии можно считать допустимой. Недопустимым явлением многозначность становится в том случае, если термин объединяет близкие понятия одного терминопole [6, с. 46]. Это усложняет коммуникацию, препятствует правильному пониманию сущности различных явлений, которые обозначены одним и тем же термином. Стоит привести мнение С.Е. Никитиной, которая проводила семантический анализ научных терминов и пришла к выводу, что в одном терминопole могут встречаться проявления полисемии, что для термина являются нежелательным, поскольку нарушают его функциональность [9, с. 89].

Исследователи, которые отрицают полисемию в терминологии, рассматривают терминологические единицы независимо от контекста. Например, в работах А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой отмечается взаимосвязь терминов не

с контекстом, а с терминологическим полем, которое и заменяет собой контекст, тогда как общеупотребительные слова реализуются именно в контексте [11, с. 67]. Тем не менее согласно О. В. Барабаш, термин в своем основном значении понимается вне контекста, однако в рамках контекста данное значение может быть уточнено [1, с. 89].

Таким образом, несмотря на то, что термин обладает тенденцией к однозначности, философские терминологические единицы, в частности, делятся на многозначные и однозначные. В этой связи в определенном контексте полисемантичесность терминологических единиц снимается, реализуется только одно из его значений, поэтому все-таки нельзя говорить об абсолютной независимости термина от контекстуальных условий.

Приведем примеры. Термин *матэрыя* в «Тэрміналагічна-тлумачальным слоўніку па філасофіі» А.А. Скикевича и В.С. Щура имеет следующие значения: «1) аб'ектыўная рэальнасць, якая існуе па-за і незалежна ад чалавечай свядомасці і адлюстроўваецца ёю; 2) бясконцае мноства ўсіх існуючых у свеце аб'ектаў і сістэм, субстрат любых уласцівасцей, сувязей, адносін і форм руху» [ТСФ, , 41].

Рассмотрим этот термин в следующих контекстах:

1. «Паняцце матэрыі азначае незалежную ад свядомасці рэальнасць, што з'яўляецца субстанцыяй і агульным зместам усіх рэчаў і з'яў» [АФ, с. 21]. В данном контексте реализуется первое из приведенных выше значений термина.

2. «Матэрыя захоўваецца як субстанцыя – аснова ўсяго існуючага» [Ф: ККЛ, 50]. Здесь термин употребляется в своем втором значении.

Для философской терминологии, как и для других общественно-политических дисциплин (таких, как политология, социология, этика и некоторых других) характерен особый вид полисемии, который не встречается в технических и естественных науках, – это идеологическая многозначность. Как отмечала Т.Б. Крючкова, «в современном мире одновременно существует две антагонистические идеологические системы, которые в свою очередь ложатся в основу теоретических построений в области общественных наук, что порождает многозначность многих общественно-политических терминов» [5, URL].

Из этого следует, что часть философских терминов означает такие понятия, которые относятся как к марксистской, так и к буржуазной идеологии. Например, термин *ідэя* в философии имеет значение: «форма адлюстравання рэчаіснасці, якая выяўляе галоўную думку, накіроўны тэарэтычны прынцып, сутнасць, закон існавання і развіцця з'яў» [БелСЭ, Т.5, с. 49]. В БелСЭ отмечается, «што ў розных філасофскіх сістэмах катэгорыя *ідэя* ўжываецца па-рознаму» [БелСЭ, Т.5, с.49].

Подчеркивается несовпадение значения термина *ідэя* в диалектическом материализме и в буржуазной философии: «Роля *ідэй* у грамадскім развіцці вызначаецца тым, якому класу – прагрэсіўнаму ці рэакцыйнаму – яны належыць, наколькі правільна яны выяўляюць патрабаванні матэрыяльнага жыцця грамадства. Ідэі марксізма-ленінізма, якія адлюстроўваюць жыццёвыя інтарэсы рабочага класа, большасці чалавецтва, з’яўляюцца *прагрэсіўнымі*. Ідэі сучаснай буржуазнай філасофіі,... што адлюстроўваюць інтарэсы рэакцыйных класаў, *рэакцыйныя*, бо затрымліваюць развіццё грамадства» [БелСЭ. Т.5, с. 49].

Таким образом, в данном случае речь идет об идеологически обусловленной многозначности. В зависимости от того, представителями какой идеологии используется данный термин, он будет приобретать то или иное значение. Термин *роўнасць* также обладает идеологической полисемией. Сравним: «*Буржуазная роўнасць* валодае толькі прававою роўнасцю грамадзян перад законам пры захаванні эксплуатацыі чалавека чалавекам, палітычнай і маёмаснай няроўнасцю, пры бяспраўі працоўных мас. Таму *буржуазная роўнасць* фармальная... Марксізм-ленінізм звязвае *роўнасць* перш за ўсё са знішчэннем эксплуатацыйных класаў...» [БелСЭ. Т.9, с. 156-157]. Очевидно, что значение термина *роўнасць* зависело от того, в текстах какой идеологической системы он применялся.

Термин *трансцэндэнтальны* имеет следующее значение: «у ідэалістычнай філасофіі – абстрактна-лагічны, незалежны ад вопыту» [ТСБМ. Т.5. Кн.1, с. 509]. В БелСЭ: «*трансцэндэнтальнае* – вучэнне аб трансцэндэнтным у ідэалістычнай філасофіі» [БелСЭ. Т.10, с. 286]. В ТСБЛЯ приводится такая же дефиниция: «*трансцэндэнтальны* – які адносіцца да пазнання абстрактных, нібыта незалежных ад вопыту з’яў» [ТСБЛМ-96, с. 660]. Сравним с употреблением термина в тексте: «*трансцэндэнтальнае* ўказвае на саму свядомасць, на тое, што можа быць пазнана, сапраўды пазнаецца» [Ф: ККЛ, с. 23]. Первые две дефиниции (с учетом отсылочной пометы в БелСЭ) строятся на двух существенных семах: ‘абстрактность’, ‘невозможность познания’, что свидетельствует о их семантической определенности в идеалистической философии. Диалектический материализм признавал узнаваемость вещей и то, что идеи являются отражением материи. Две следующие дефиниции базируются, по существу, на идеологии, что признает абстрактность вещей, но принципиально отрицает невозможность их познания. Таким образом, в данном случае мы можем говорить о том, что понятийное содержание термина *трансцэндэнтальны* сформировался на основе представлений, взглядов различных идеологических концепций. И хотя в пределах каждой из них термин имеет четкую

семантическую определенность, но в терминопле философии ему свойственна идеологически обусловленная многозначность.

До 1990-х гг. XX в. в мире основное место занимали две антагонистические идеологии: марксистско-ленинская и буржуазная. Такая политическая ситуация оказывала влияние на все общественно-политические науки, в том числе и на философию. Для того, чтобы показать, что термин выражает понятия враждебной, буржуазной философии, использовалась такая особенность философской терминологии, как идеологическая коннотация. В сфере фиксации и определениях присутствовали прилагательные, которые придавали термину отрицательное (*буржуазны, ірацыянальны, ідэалістычны, капіталістычны, рэакцыйны*) или положительное (*сацыялістычны, пралетарскі* и др.) значения.

В данном случае Н.В. Козловская приводит слова А.М. Брутяна о том, что «как ни оценивай несомненную полисемантическую философию языка – как ее дефект или преимущество – понятно, что это ее неотъемлемое качество. В языке философии многозначности терминов избежать невозможно. И если бы моносемантическую философию терминологии можно было достичь, то это означало бы потерю философией своей гносеологической и социальной функций» [5, URL].

На сегодня по причине идеологического плюрализма уже не существует такого влияния идеологии на социальную жизнь общества. Это, на наш взгляд, стало причиной деидеологизации философских терминов.

В таблице представлены количественные характеристики многозначных терминов.

Источник	Общее количество	Идеологическая многозначность	
		в цифрах	в %
БелСЭ	217	41	18,9
БелЭн	283	–	–
ТСБМ	286	35	12,2
ТСБЛМ-96	299	–	–
ТСФ	821	–	–
АФ	614	–	–
Ф:ККЛ	426	–	–
ХФЗ	60	–	–
КТСФТ	108	–	–
ЧГ	139	–	–
Агульная колькасць тэрмінаў	3253	76	15,1

Таким образом, приведенный выше фактический материал свидетельствует о том, что именно философская терминология обладает качествами, которые отличают ее от других терминологических систем (технической или естественной). Это различие – идеологическая оценка, которая в современных общественно-политических условиях постепенно утрачивается.

Список литературы

1. Барабаш О. В. Подходы к пониманию феномена полисемии // О. В. Барабаш / Вестник Пензенского государственного университета. — Пенза: Изд-во ПензГУ, 2015. — № 1(9). — С. 88—92.
2. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. К вопросу о полисемии в языке и в мышлении. — М.: ИИУ МГОУ, 2014. — С. 258–264.
3. Зеленко С.В. Концептуализация этнонима русин в поэзии Александра Духновича / С.В. Зеленко // Русин. — № 4. — 2018. — С. 90–105.
4. Калиущенко В.Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды / под ред. Л.Н. Ягуповой. — Донецк: ДонНУ, 2016. — 281 с.
5. Козловская Н. В. Авторский философский термин как объект лингвистического описания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2018. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-filosofskiy-termin-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 05.05.2023).
6. Кудрейко И. А. Полисемия терминов родства (на материале славянских языков) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2021. — № 4. — С. 45-49.
7. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. — М.: Либроком, 2019. — 264 с.
8. Лещёва Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещёва. — М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. — 254 с.
9. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики / С.Е. Никитина. — М.: ЛИБРОКОМ, 2014. — 146 с.
10. Сапрыкина О. А. Термин как феномен языка и культуры (к истории слов и понятий) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kak-fenomen-yazyka-i-kultury-k-istorii-slov-i-ponyatiy> (дата обращения: 04.05.2023).
11. Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 246 с.

Список условных сокращений

- АФ – Асновы філасофіі (Курс лекцый) / Бадакоў А.В., Кірвель Ч.С., Бародзіч А.А. Гродна, 1994. 283 с.
- БелСЭ – Беларуская савецкая энцыклапедыя: У 12 т. Мінск: Галоўная рэдакцыя БелСЭ, 1969 – 1975. Т. 1 – 12.
- БелЭн – Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск: Бел. Эн., 1996. 2002. Т. 1-15.
- КТСФТ – Кароткі тлумачальны слоўнік філасофскіх, сацыяльных і культуралагічных тэрмінаў / Склад. М.Н.Бяспамятных, А.А. Бародзіч і інш. Гродна, 1992. С.4 – 13.
- ТСБЛМ-96 – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск: Бел. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1996. 784 с.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977. 1984. Т.1 – 5.
- ТСФ – Скікевіч А.А., Шчур У.С. Тэрміналагічна-тлумачальны слоўнік па філасофіі. Мінск: Беларуская навука, 1996. 96 с.
- Ф:ККЛ – Бліхарж Р.І., Краўчанка Л.Р., Мартынаў М.Г. Філасофія: Кароткі курс лекцый. Мінск: Універсітэцкае, 1993. 158 с.
- ФЭС – Філасофскі энцыклапедычны слоўнік / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
- ХФЗ – Хрысціянскі Філасофскі Зборнік. Філасофія / Нац.асв. цэнтр імя Ф.Скарыны. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. С. 152-166.
- ЧГ – Чалавек і грамадства: Энцыкл. даведнік / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд), Я.М. Бабосаў, С.Ф. Дубянецкі і інш. Мінск: БелЭн, 1998. 287 с.

UDC 81'22

Тананайко С.О. Perceptual Characteristics of the Non-palatalized vs. Palatalized Consonant Opposition in Related Languages

Tananaiko Svetlana Olegovna

PhD in Linguistics, Associate Professor at the Department of Phonetics
Saint-Petersburg State University

Перцептивные характеристики оппозиции непалатализованных и палатализованных согласных в родственных языках

Тананайко Светлана Олеговна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики
Санкт-Петербургский государственный университет
stananaiko@mail.ru

Abstract. The work concerns the study of how typologically and genetically related distinctive features of phonemes manifest themselves when two related languages come into contact and how these features are recognized in native and accented speech in these languages. The article deals with the phonetic interference and how it affects non-palatalized and palatalized consonants in Polish-Russian language contact. Russian and Polish speakers are being studied to identify non-palatalized and palatalized consonants in their native language and in the non-native language (Russian auditors in Polish and Polish in Russian), as well as what phonetic characteristics auditors rely on in the identification process.

Key words: language interference, phonetic interference, non-palatalized and palatalized consonants, contacts of related languages, differential phoneme features, accented speech

Аннотация. Работа посвящена изучению того, как типологически и генетически сходные дифференциальные признаки фонем проявляются при контакте двух родственных языков и как эти признаки распознаются в родной и в интерферированной речи на этих языках. Исследуется действие фонетической интерференции в области твердости-мягкости согласных при контакте польского и русского языков. Выясняется, как носители русского и польского языков опознают твердые и мягкие согласные в родном языке и в неродном языке (русские аудиторы в польском и польские в русском), а также на какие фонетические признаки аудиторы опираются в процессе опознания.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, фонетическая интерференция, твердые и мягкие согласные, контакты родственных языков, дифференциальные признаки фонем, акцентная речь

The matter of the correlation and interaction of genetically and typologically similar phonemic distinctive features in case of the related languages contacts has long attracted the attention of scientists. Thus, U. Weinreich pays considerable attention to this issue in his classical work "Languages in Contact" [4]. This problem is relevant both from a theoretical

point of view, since it directly concerns the mechanisms of interlingual phonetic interference, and in the applied aspect it allows you to pay special attention to the relevant aspect of phonetics when teaching foreign languages. Russian and Polish auditors' perception of the presence or absence of consonant palatalization in Russian and Polish languages is considered in this study as a special case of such interaction, specifically, the peculiarities of perception by auditors (Russians and Poles) of the presence or absence of consonant palatalization in Russian and Polish languages. These Slavonic languages are related, both have an opposition of non-palatalized and palatalized (in Polish - partially palatal) consonants [3, p. 46; 1, p. 55] which goes back to the opposition of non-palatal and palatal consonants in the Proto-Slavic language [2, p. 44]. Accordingly, it is necessary to establish whether auditors in both languages will use similar phonetic characteristics to recognize non-palatalized and palatalized consonants, or whether the set of characteristics will be different for each language, and also whether auditors will use the perceptual mechanisms of the native language to recognize distinctive features in the non-native.

The material for the study was Russian and Polish words containing stressed syllables C+V, C'+V, C+/j/+V, C'+/j/+V types. All consonants of the corresponding language were present in the material in combination with all possible vowels for this language. These words were included in the sentences read by three groups of speakers:

Standard Russian speakers (three men and two women, 25-30 years old, higher philological education), who read Russian sentences;

Standard Polish speakers (two men and three women, 20-25 years old, incomplete higher humanitarian education), who read Polish sentences;

Polish speakers studying Russian (two men and three women, age 20-25 years, incomplete higher philological education), who read Russian sentences.

To limit the positional influences of neighboring sounds on a given syllable in Russian and Polish, words were selected, if possible, where this syllable was in similar phonetic contexts, for example, related words in both languages: *карьер* – *kariera*, *первый* – *pierwszy*, etc. The syllables studied were located closer to the beginning of the sentence and did not correlate with the phrasal stress, since the duration of the vowel was not taken into account. Syllables were segmented from the speakers' speech and then randomly presented for listening to two groups of auditors of 10 people each (age 20-30 years, higher humanitarian education): Russian listeners who did not know Polish, and Poles who spoke Russian fluently. In total, 9 series of syllables for listening were compiled; each series included syllables from different languages and different types. Each series consisted of 95-96 syllables; each stimulus was repeated 3 times with an interval of 1 second. The task for

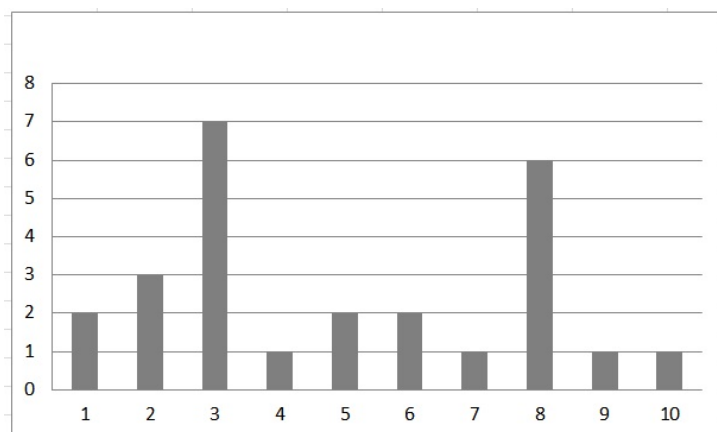
the auditors was to identify the syllable and write it down in any way convenient for the auditor.

When processing the results of the listening analysis, it was necessary to give a generalizing quantitative assessment of the general and specific features of the non-palatalized and palatalized consonants perception in Russian and Polish by two groups of auditors. The methodology was required that would allow, firstly, to compare the results of perception of the same consonants by different groups of auditors and, secondly, to consider the peculiarities of different languages consonants perception by each group of auditors. To do this, Spearman's rank correlation method was used according to the formula,

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)}$$

where d is the difference between the ranks of conjugate observations, and n is the number of pairs of these conjugate observations. The indicators (in %) of the correct identification of the non-palatalization or palatalization of a given sound and the correct identification of the phonemic quality of this sound were considered conjugate. Since the values of the rank correlation quotient $|\rho|$ modulo turned out to be in the span $0.086 < |\rho| < 0.975$, i.e. $|\rho|$ took almost all possible values for it, the Guilford scale was used to assess the significance of the correlation, according to which the correlation is considered very high if $0.8 < |\rho| < 1$; high if $0.6 < |\rho| < 0.8$; medium if $0.4 < |\rho| < 0.6$; weak if $0.2 < |\rho| < 0.4$ and absent if $|\rho| < 0.2$. This method makes it possible to establish the conjugation of the recognition of sounds of different languages by the same auditors and the conjugation of the recognition of the feature of non-palatalization or palatalization of consonants of the same language by different groups of auditors.

Considering the data of the correlation study of the results of the listening analysis one can make some generalizations.

Figure 1. Correlation quotient ρ /distribution in the span 0 to 1 (on the abscissa)

Firstly, all the rank correlation quotients were analyzed and it was found that the value of the rank correlation quotient ρ modulo is within $0.086 < \rho < 0.975$, i.e. practically ρ can take any values from -1 to +1. All values of ρ modulo were plotted, and then the histogram was made (Figure 1) showing how many points fall on each interval of the histogram corresponding to 0.1; all this made it possible to determine the areas of concentration that account for the largest number of values of

ρ . These are the ranges around 0.3 and around 0.8. One can conclude that there is a tendency to divide the correlation quotients into two groups corresponding to a strong and weak dependence between, on the one side, the recognition of the consonant non-palatalization-palatalization and on the other, some other indicator. Obviously, the studied correlation dependence turned out to be stronger when the identification of the differential feature of non-palatalization-palatalization presented a certain difficulty for the auditor, and this forced him to look for other additional criteria for classifying the consonant as non-palatalized or palatalized. The weak correlation showed that the identification of the consonant non-palatalization-palatalization was not difficult for the auditors.

In some cases, the attitude of auditors to consonants was ambiguous, and when identifying consonants, sounds were divided into two groups with a different type of correlation dependence within each of them. Most often, these groups could be characterized as the main and additional. Moreover, the distribution of sounds into groups was largely regular. Thus, when studying the relationship between the recognition of the consonant non-palatalization-palatalization and the recognition of the phonemic quality of this consonant, (as well as in one case, when studying the relationship between the recognition of the same consonants by Russians and Poles), systematically an additional group (whose sounds were recognized worse than the sounds of the main group) included anterior-lingual sonorants, affricates and Polish palatals. Apparently, the patterns of perception of these sounds differ from the perception patterns of most consonants; this may be explained by the known difficulty of identifying these sounds themselves, that is, their quality.

Summarizing the data obtained during the study of the results of the listening analysis, it should be remembered that when perceiving speech sounds, native speakers use two different levels of description – universal phonetic, associated with the general manifestation of language competence, and phonological, associated with phonological relations in their native language [6, p. 147]. The involvement of native speakers of languages with different phonological systems as auditors gives a chance to try to identify both the

universal perceptual characteristics of the non-palatalization-palatalization opposition, and the perception specifics of the phonetic implementation of this phonological feature caused by the system of the auditors' native language.

When describing the results of the listening analysis, the following patterns were revealed in the perception of the presence or absence of the consonant palatalization. In the syllables of both languages and by both groups of auditors, the non-palatalization of consonants was recognized much better than palatalization. The current research also revealed the perceptual pattern explaining this fact. Based on the results of correlation analysis (in particular, the analysis of the correlation between the recognition of the consonant non-palatalization feature and the recognition of a consonant phonemic quality, as well as the analysis of the correlation between the perception of a certain group of consonants by Russian auditors and the perception of the same consonants by Polish auditors), we can say that when identifying non-palatalization of consonants, both groups of auditors were guided by the similar criteria, while in the perception of palatalization, auditors of different groups mainly relied on different criteria. This is probably due to the fact that in both languages the feature of palatalization of a consonant is marked as opposed to the feature of non-palatalization, and the fact that the phonetic correlates of palatalization are different in Russian and Polish, while the phonetic correlates of non-palatalization are very similar.

Another feature of the consonant perception, common to both groups of auditors, turned out to be that the feature of the presence or absence of palatalization was always best recognized in labial consonants, somewhat worse in posterior-lingual ones. This is probably due to the nature of palatalization of labial consonants: the most essential characteristic of palatalization for this group of consonants is the subsequent [i]-shaped transition to the next vowel and the consonant itself (because of its labial, not lingual articulation) has only very weak signs of palatalization or none at all. As for the anterior-lingual group, it, depending on the auditors' assessment of the quality of the consonant, fell into 2 subgroups: the main one, whose members were identified as palatalized or non-palatalized quite regularly, and an additional one, into which sonorants and affricates systematically fell. According to the listening analysis, Polish palatals can also be included in this subgroup. The sounds of this subgroup were recognized much worse than all the others, and the identification of their phonemic quality, as well as the presence or absence of palatalization in them, was quite irregular and inconsistent. Obviously, we can say that these consonants have some perceptual characteristics that make it difficult to identify them as palatalized or non-palatalized. With a high degree of probability, it can be assumed that these perceptual

characteristics have become, in the case of Polish palatals, the result of the fact that palatal articulation, which is additional for all other palatalized consonants, turns out to be the main one for palatals.

The result of the study of the perception dependence of a consonant non-palatalization or palatalization on the subsequent vowel turned out to be unexpected. This dependence proved to be statistically significant only for 18 percent of consonants – these are mainly palatalized consonants of the non-native language. Russians and Poles did not rely on the characteristics of the vowel following the consonant, and also, as the results of correlation analysis show, they did not rely on the phonemic quality of the consonant (this quality did not affect the identification of the consonant as palatalized by either Russian or Polish auditors).

Obviously, the decisive criterion for classifying a consonant as non-palatalized or palatalized, as well as when deciding on the presence of /j/ between a consonant and a vowel, were not the characteristics of the consonant itself or the transitional part of the vowel, but the presence (or absence – for non-palatalized), as well as the very nature of the [i]-shaped transition to the next vowel, i.e. the specific transients between consonant and vowel. Moreover, the [i]-shaped transition played a significant role in the perception of palatalized labials. When referring to non-palatalized or palatalized non-labial consonants, this transition was less significant. It should be added, however, that before the vowels of the front row, the palatalization of consonants was recognized by both groups of auditors better than before the vowels of the non-front row. Obviously, it is caused by a greater degree of palatalization of consonants in this position and mainly by the laws of phonemic distribution of both languages: in both Russian and Polish standard pronunciation, only a palatalized consonant can be combined with the vowel /i/, therefore its presence in the syllable automatically meant the palatalization of the preceding consonant. In addition, asynchronous palatalization was much weaker in syllables with vowels of the front row (and before the vowel /i/ didn't take place at all), which made it easier for Russian auditors to identify the palatalization of consonants in these syllables. Thus, at the level of tendency, we can say that in the position before the vowels of the front row, the palatalization of consonants is recognized better than before the vowels of the non-front row.

An important feature of syllable recognition was that the difference between Russian syllables of type C+/j/+V, C'+/j/+V and C'+V was recognized regularly only by Russian auditors. Poles, though they spoke Russian fluently, in most cases did not perceive this difference. As for Russian auditors, they did not recognize the difference between the Polish syllables C'+V and C'(or C)+/j/+V, often perceiving the syllable C'+V as C'(or C)+/j/+V. So

one can surmise that Russian has a different way of implementing palatalization from Polish language: in Polish, the transitional [i]-shaped section is longer than in Russian, and often transforms into non-syllabic [i] [6, p. 75]. Russian phonological hearing is unaccustomed to such palatalization, so the [i]-shaped section was regularly perceived by Russians as an independent phoneme /i/ or /j/. The main difference of Polish palatalized consonants from Russian is a lower degree of their palatalization and of the asynchronous implementation of this palatalization (elongation of the [i]-shaped transition). This is what caused completely different perception by Russian and Polish auditors of syllables C+/j/+V, C'+/j/+V type, of Standard Polish palatalized syllables and of Russian syllables pronounced by Poles with palatalized consonants.

In general, the results of the audit analysis allow not only to identify some of the most common perceptual features of the palatalized-non-palatalized consonants opposition, but also make it possible to determine the specific characteristics of non-palatalized and palatalized consonants in Russian and Polish languages, as well as to identify similarities and differences in the perceptual base of Russian and Polish auditors and explain this similarity and difference, based on the phonological systems of both languages. The data obtained allow us to draw the following conclusions.

1. Both Russian and Polish auditors best recognize the palatalization of consonants before the vowels of the front row, which is easily explained: there are simply no non-palatalized consonants before the vowel /i/ in both languages, and before /e/ the consonant is palatalized in most cases.

2. Recognition of syllables containing non-palatalized consonants with vowels of both native and non-native languages does not cause significant difficulties, which indicates similar articulatory and perceptual mechanisms involved in this process.

3. As for the syllables like C'+V and C'(or C)+/j/+V, it is obvious that the mechanisms of their implementation and, consequently, perception differ in Russian and Polish. Russian has a transitional [i]-shaped section between a consonant and a subsequent vowel that is somewhat longer than in Russian and is more autonomous, which leads to interesting results in the perception of Russians and Poles. Polish auditors, although speaking Russian fluently, do not distinguish between the syllables C'+V and C'(or C)+/j/+V, perceiving both as C'+V. Russian auditors, who also do not distinguish between these two types of Polish syllables, perceive both as C'(or C)+/j/+V.

List of literature

1. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М, «Юрайт», 2023. 217 с. Kolesov V.V. Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka [Historical phonetics of Russian, 2nd ed.]. Moscow, Youright Publishers, 2023. (In Russ.)
2. Попов М.Б. Фонетика современного русского языка. СПб, Изд-во СПбГУ, 2014. Popov M.B. Fonetika sovremennogo russkogo yazyka [Phonetics of modern Russian]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg Univ. Press, 2014. (In Russ.)
3. Jaskuła K. Average or unique – Polish place-names and word-initial consonant groups // Poznan Studies in Contemporary Linguistics. Volume 59 Issue 1 March 2023; <https://doi.org/10.1515/psicl-2022-1016>. (Application date 09.04.2023).
4. Weinreich, U. Languages in contact. The Hague, Paris, NY, Mouton Publishers, 1968
5. Wierzchowska B. Fonetyka i fonologia języka polskiego. Warszawa, Wrocław, Krakow, Gdansk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980. 186 s.
6. Yizhou W. et al. Same vowels but different contrasts: Mandarin listeners' perception of English /ei-/i:/ in unfamiliar phonotactic contexts. // Journal of Phonetics Volume 97, March 2023; <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2023.101221>. (Application date 09.04.2023).

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11-112

Добринова О.Н. Структурно-семантические компоненты немецкоязычных фитонимов (на материале словаря лекарственных растений А.Ю. Болотиной)

Добринова Оксана Николаевна

преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Московский международный университет, РФ, г. Москва
oks.dob@yandex.ru

**Structural and semantic components of German-language phytonyms
(based on the dictionary of medicinal plants by A.Y. Bolotina)**

Dobrinova Oksana Nikolaevna

Lecturer of the department of Linguistics and Intercultural Communication
Moscow International University, Russia, Moscow

Аннотация. В статье проанализирован материал словаря лекарственных растений А.Ю. Болотиной (2009 год) с целью характеристики его структурно-семантических компонентов; исследовано порядка 100 терминов с применением сопоставительной, интерпретационной методики. Наиболее характерные примеры фитонимов представлены в настоящей работе. Делается вывод о специфике категориальной соотнесённости их номинаций с аспектами интерпретации языка как главной характеристики народа, его духовной составляющей.

Ключевые слова: фитоним, лекарственные растения, словарь, картина мира, немецкоязычные эквиваленты, зооним

Abstract. The article analyzes the material of the dictionary of medicinal plants A.Yu. Bolotina (2009) in order to characterize its structural and semantic components; about 100 terms were studied using a comparative, interpretive technique. The most characteristic examples of phytonyms are presented in this work. The conclusion is made about the specifics of the categorical correlation of their nominations with aspects of the interpretation of the language as the main characteristic of the people, its spiritual component.

Keywords: phytonyms, medicinal plants, terms, dictionary, worldview, German-language equivalents, zoonyms

Исследовательское внимание к концептосфере флоры, выраженной номинациями фитонимов, с самого начала сосредотачивалось на вопросе определенного тождества картины мира и языковых форм [1, с. 229]. Теоретическое изучение этого вопроса привело к появлению понятия «фитонимическая картина мира» [2, с. 157; 6, с. 228], что, с одной стороны, говорит о безусловном интересе научного сообщества к проблеме, а с другой, обуславливает необходимость дальнейшего её осмысления. По мнению Т.Р. Писарской и Н.Е. Якименко,

ассоциативный потенциал фитонимов чрезвычайно широк [4, с. 88]. Высока частотность использования наименований растений во фразеологических оборотах, пословицах и поговорках. Это объясняется тем, что растения являются неотъемлемой частью жизни человека, а их наименования воссоздают картину мира человечества в целом и каждого индивида в отдельности [4]. Вполне закономерно фитонимы стали компонентами культурных традиций немецкого народа.

Целью настоящей работы становится анализ лексического наполнения словаря лекарственных растений А.Ю. Болотиной. В словаре содержится обширный ареал латинских терминов лекарственных растений (около 12000 наименований) с эквивалентами на английском и немецком языке и их русскоязычными соответствиями. Сфера нашего исследования ограничивается немецкоязычными вариантами. В качестве задач предполагается рассмотрение фитонимов с точки зрения словообразовательных моделей и представление тематической классификации лекарственных растений.

Тезаурус А.Ю. Болотиной обнаруживает прежде всего такую деривационную модель как словосложение, – главным образом, двух–трех основ, например: *die Kornblume, die Kornflockenblume*.

В первом случае это сложение основ *Korn* и *Blume*, во втором случае добавляется третья основа *Flocken*. Стержневой компонент в этих примерах – морфема *Blume*. Русскоязычный эквивалент – *василек (синий, голубой, посевной)*. В словаре встречаются также термины, состоящие из четырех компонентов, например:

Der Bockshornfrüchtebaum – рожковое дерево, сладкий рожок, цареградский стручок.

Весьма разнообразны лексемы, выступающие в роли стержневого компонента в сложных существительных:

Das Auge (глаз), das Kraut (травя, ботва; зелье), die Blume (цветок), die Pflanze (растение), die Wurz, das Gras (травя), der Baum (дерево), der Mandel (миндаль), der Rohr (труба, трубка), die Zwiebel (луковица), der Lauch (зеленый лук), die Aloe (алоэ), die Malve (мальва), der Stoff (вещество), die Säure (кислота), die Möhre (морковь), die Rebe (виноградная лоза), der Wein (вино), das Mittel (средство), der Strauch (куст), die Heide (вереск), der Klee (клевер), der Kopf (голова), der Kren (хрен), die Wurzel (корень), die Linse (чечевица), der Kaktus (кактус), die Kamille (ромашка), die Palme (пальма), der Fuss (нога, лапа), der Spinat (шпинат), der Farn (папоротник), die Kerze (свеча), der Zimt (корица), der Kohl (капуста), das Gras

(трава), *das Gift* (отрава, яд), *der Reis* (рис), *das Blatt* (лепесток), *die Rose* (роза).
Высокая степень частотности у лексем *die Blume* и *das Kraut*.

Почти половина немецкоязычных наименований лекарственных растений имеет форму атрибутивных словосочетаний: имя прилагательное (причастие) в качестве определения плюс имя существительное. Например,

Echtes Tausendgüldenkraut – золототысячник (зонтичный, обыкновенный).

Тесные связи и взаимопроникновения растительного и животного миров прослеживаются в группе фитонимов с компонентом-зоонимом, обозначающим либо домашних животных, либо животных из мира дикой природы.

1 подгруппа (зооним – домашнее животное)

Die Gans (гусь): *das Gänsesterbekraut* – желтушник левкойный;

Der Hahn (петух): *die Hahnenklötenwurzel* – безвременник осенний;

der Hund (собака): *der Hundskohl* – кендырь;

die Katze (кошка): *der Katzenschwanz* – хвощ полевой;

das Pferd (лошадь, конь): *die Pferdekastanie* – конский каштан;

das Ross (высок. конь): *die Roßklettenwurz* – лопух лечебный;

das Vieh (скот): *das Viehkraut* – вероника лекарственная;

der Stier (бык): *das Stierkraut* – очиток пурпурный;

II подгруппа (зооним – животные, рыбы, птицы из мира дикой природы)

Der Bock (самец млекопитающего): *der Bockshornfrüchtenbaum* – рожковое дерево, сладкий рожок, цареградский стручок;

Der Fisch (рыба): *die Fischweide* – ива корзиночная, ива прутовидная;

Der Aal (угорь (речной, морской)): *der Aalohrenbaum* – бузина черная;

Der Bär (медведь): *das Bärenklaukraut* – борщевик обыкновенный;

Der Frosch (лягушка): *das Froschmaul* – льнянка обыкновенная;

Der Fuchs (лиса): *die Fuchstraube* – вороний глаз четырехлистный, воронец;

Die Geiß (коза, самка серны): *der Geißbaum* – ясень обыкновенный, ясень высокий;

Die Krähe (ворона): *der Krähenfuß* – живокость полевая, василек рогатый;

Der Krebs (рак): *die Krebsdistel* – татарник колючий, онопордум колючий;

Der Kuckuck (кукушка): *das Kuckucksbrot* – барбарис обыкновенный;

Der Löwe (лев): *das Löwenblatt* – стеблелист василистниковидный;

Die Maus (мышь): *der Mäusenschierling* – болиголов крапчатый, болиголов пятнистый;

Die Ratte (крыса): *die Rattenwurz* – цикорий обыкновенный;

Die Schlange (змея): *die Schlangelilie* – драконово(е) дерево, драконник, драцена;

Die Schwalbe (ласточка): *die Schwalbenwurz* – ваточник, эскулапова трава;

Der Tiger(тигр): *die Tigerlilie*–т игровая лилия;

der Vogel (птица): *das Vogelbrot*–очиток едкий;

der Wolf(волк): *der Wolfzahn* –спорынья;

das Aas (труп животного): *der Aashornbaum* – бузина черная.

Отдельной группой можно обозначить фитонимы с компонентом «насекомое»:

das Insekt (насекомое): *die Insektenpulverpflanze* –пижма;

die Biene (пчела): *der Bienenbalsam*– монарда точечная;

die Fliege (муха): *der Fliegenschwamm*–мухомор красный;

der Floh (блоха): *der Flohquendel*–тимьян блошиный, тимьян блошницевидный;

die Spinne (паук): *die Spinnendistel* –кардобенедикт;

der Wurm (червяк): *das Wurmgra s*– пырей ползучий.

Следует отметить, что в ботанической терминологии кроме научных названий лекарственных растений есть и большая группа народных названий.

Характерная особенность народных номинаций в том, что одно и то же растение имеет несколько наименований по различным признакам. Особенно разнообразен в этом смысле немецкоязычный материал по сравнению с англоязычным и русскоязычным. Например, сочетание *рябина домашняя* (лат. *Sorbus domestica*, англ. *Service tree, mountainash*) в немецком языке представлено десятью вариантами: *die Hausvogelbeere, der Spierling, die Spierlingsvogelbeere, die zahme Eberesche, die Hauseberesche, der Spierapfel, der Speierbaum, der Speierling, die Sperbe, die Spermervogelbeere*.

Обобщая сказанное, можно заметить, что многочисленные связи человека и окружающего мира находят свое отражение в семантических компонентах фитонимов. Проанализированные нами лексемы, выступающие в роли таких компонентов, можно дифференцировать по тематике: времена года (*Frühling, Sommer, Herbst, Winter*), части света (*Norden, Süden, Westen, Osten*), мифологические антропонимы (*Adonis, Jupiter, Merkur, Venus, Richard*), библейские антропонимы (*Abraham, Christus, Gott, Jesus, Jochann, Jakob, Marien, Zacharias, Peter, Margaret*), топонимы (*Alpen, Amur, Baikal, Ceylon, Harz, Jamaika, Jerusalem*) и производные топонимические прилагательные (*französisch, virginisch, indisch, chinesisches, griechisch, himalajisch, japanisch, kaukasisch, türkisch, spanisch, kanadisch, sibirisch,*

mexikanisch), гендерная принадлежность (*Mädchen, Jungfer, Frau, Mann*), числительные (*zwei, drei, fünf, tausend*), локация и ландшафт (*Feld, Felsen, Acker, Alm, Gebirge, Garten*), inferнальные фольклорные образы (*Teufel, Satan, Drude, Hexe, Zauber, Zwerg*), ботанические понятия (*Ähre, Knollen, Knospe, Pilz, Rispe*), состояния (*Leben, Schlaf, Tod*), стихии (*Wasser, Stein, Sand, Erde, Feuer, Himmel, Meer, Luft*), явления природы (*Donner, Wind*), части тела человека (*Achsel, Brust, Haar, Herz, Hirsch, Hand, Leber, Zunge, Lungen, Blut, Ziest*), цвет (*blau, braun, Indigo, bunt, grau, rot, schwarz, violett, silbern, golden, weiß*), одежда (*Kappe, Kapuze*), обозначения по роду деятельности (*Meister, Soldat, Pastor, Pater, Schuster*), светила (*Sonne, Mond*), вещества / напитки (*Honig, Kaffee, Koka, Wein*). Прямые причинно-следственные связи обнаруживаются в первую очередь между лингвистическим и биологическим (растительным) разнообразием. Культурная память человека объективируется в языке, что иллюстрируется в том числе через исследование многообразия фитонимических наименований, семантические компоненты которых были проанализированы в настоящей работе.

Список литературы

1. Исаев Ю.Н. Фитонимы как составная часть языковой картины мира // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 229-231.
2. Ишмуратова Л.Н. Языковая картина мира: компонент действия в фитонимах и зоонимах (на материале русского языка) // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : материалы VI Международной научно-практической конференции, Уфа, 17 апреля 2020 года. Том 1. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 157-164.
3. Немецко-русский словарь. Deutsch-russisches Wörterbuch / под ред. А.А. Лепинга и Н.П. Страховой. 5-е изд., доп. М.: Сов. энцикл., 1968. 992 с.
4. Писарская Т.Р., Якименко Н.Е. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сборник научных статей XXVII Международной научно-практической конференции (23-24 июня 2017 г.) / под общ. ред. М. В. Пименовой; Военный институт (инженерно-технический) ВИАМО. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 88-92.
5. Словарь лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский). 2-е изд., стереотип / сост. А.Ю. Болотина. М.: АБВУ Press, 2009, 256 с.
6. Хамитова Р.Р. Языковая картина мира: легенды, мифы и предания о происхождении названий растений // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки (к 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию Башкирского государственного университета) : Материалы V Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 11–12 апреля 2019 года / Ответственный редактор Ф.Г. Фаткуллина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 228-233.

7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 23.04.2023). – DWDS 19. Duden-online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 23.04.2023).
8. Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik: [mehr als 10000 feste Wendungen, Redensarten und Sprichwörter] / [Redaktionelle Bearbeitung: Werner Scholze-Stubenrecht (Projektleitung), Angelika Haller-Wolf]. 4., neu bearbeitete und aktualisierte Aufl. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S. – WDI 21. Lexikon fürs Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 23.04.2023).

УДК 811.111

Деревянко А.А., Свистунов А.С. Передача экспрессивности мифологемы "hell" на морфологическом уровне в романе Г.Ф. Лавкрафта «Случай Чарльза Декстера Варда» и его переводе на русский язык

Деревянко Алина Александровна

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
dalixa90@yandex.ru

Свистунов Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
wanted_007_@mail.ru

The transfer of the expressiveness of the mythologeme "hell" at the morphological level in the novel "The Case of Charles Dexter Ward" by G.F. Lovecraft and its translation into Russian

Derevyanko Alina Alexandrovna

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Svistunov Alexander Sergeyeovich

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема передачи экспрессивности в тексте перевода на русский язык английской мифологемы "hell" в структуре суффиксально образованного прилагательного "hellish". Статья раскрывает содержание понятия «экспрессивность» в сравнении с понятиями оценочности и эмоциональности. Особое внимание уделяется передаче экспрессивности на морфологическом уровне. Основное содержание исследования составляет анализ взаимодействия денотативного и коннотативного значений указанной лексической единицы с позиции её экспрессивности. Авторы приходят к выводу, что экспрессивность мифологемы "hell" реализуется в парадигме отрицательной оценочности и её коннотативное значение является преобладающим, в результате чего модуляция значения выступает основным переводческим решением. Также авторами обосновывается мысль использования опущения указанной мифологемы в тексте перевода в условиях нейтрализации её экспрессивности в оригинальном тексте.

Ключевые слова: экспрессивность, мифологема, морфологический уровень, денотативное значение, коннотативное значение, оценка.

Abstract. This article deals with the problem of conveying expressiveness in the text of the Russian translation of the English mythologeme "hell" in the structure of the suffixally formed adjective "hellish". The article reveals the content of the concept of "expressiveness" in comparison with the concepts of evaluation and emotionality. Particular attention is paid to the transfer of expressiveness at the morphological level. The main content of the study is devoted to the analysis of the interaction between the denotative and connotative meanings of the given lexical unit from the position of its expressiveness. The authors deduce that the expressiveness of the mythologeme "hell" is realized in the paradigm of negative evaluation and its connotative meaning is predominant, as a result of which the modulation of meaning comes as the translator's main decision. The authors also substantiate the idea of using the omission of the given mythologeme in the translation text in the conditions of neutralizing its expressiveness in the original text.

Keywords: expressiveness, mythologeme, morphological level, denotative meaning, connotative meaning, evaluation.

Современные переводчики, работающие с художественными текстами, нередко сталкиваются с проблемой передачи экспрессивно-эмоциональных и оценочных компонентов отдельных лексических единиц, поскольку идейно-художественный замысел оригинала остаётся для них нераскрытым в силу отсутствия развитых переводческих навыков. В этой связи самый простой перевод – дословный – выступает явно неудачным и слабым решением, требующим корректировки. Дополнительную сложность представляют мифологемы, поскольку их трансформированное в сюжетной линии глобально-образное значение может быть интерпретировано неверно именно по причине неглубокой проработки исходного материала, где первичное, основное значение лексической единицы оказывается второстепенным, уступая вторичному, чья семантическая составляющая находится в прямой зависимости от экспрессивности. Особенно любопытной и неоднозначной проблемой для переводчика становится работа с морфологически преобразованной мифологемой. Для глубинного анализа обозначенных нами переводческих проблем и формулировки их возможных решений необходимо обратиться к таким понятиям как экспрессивность, денотативное и коннотативное значения (или компоненты), собственно мифологема. Материалом для данной статьи был выбран роман американского писателя Г.Ф. Лавкрафта «Случай Чарльза Декстера Варда» ("The Case of Charles Dexter Ward"), а также его перевод, выполненный Р. К. Шидфаром.

Понятие экспрессивности не является однозначным в современной лингвистике, поскольку находится в тесном и непосредственном взаимодействии с понятиями эмоциональности и оценочности. На лексическом уровне языка существует смешанное понятие экспрессивно-оценочной лексики, «слов, отражающих эмоционально выраженную прагматику языка (от греч. «дело»,

«действие»), т.е. отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения» [1]. Как становится очевидным из данного определения, понятие экспрессивно-оценочного интерпретируется через понятие эмоционального. Эмоциональное напрямую связано с отношением к объекту и его оценкой реципиентом: давая характеристику тому или иному объекту оценивания, мы вооружаемся пониманием системы ценностей, позволяющей определить положительное или отрицательное качество данного объекта в нашей субъективной картине мира; через оценку мы формируем отношение к объекту, а затем как следствие выражаем эмоцию. Иными словами, эмоция является результатом оценивания, его следствием, и не может существовать вне его. «...Оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом, а эмоциональный компонент не может появиться в слове без оценки, ибо любая эмоция носит оценочный характер, хотя не всякая оценка обязательно эмоциональна» [2, с. 31].

Экспрессивность существует как в парадигме оценочности, так и вне её, выступая, таким образом, более независимой от оценочности категорией, чем эмоциональность. «...Понятие экспрессивности гораздо шире понятия эмоциональности, поскольку может пронизывать как эмоциональное, так и рациональное» [3, с. 194]. По существу, экспрессивность являет собой выразительность, интенсивность передаваемого смысла, т.е. целевая установка экспрессивности – привлечь внимание к объекту речи через ускоренную передачу коннотативного, т. е. дополнительно-ассоциативного, значения. «...Экспрессивность слова можно определить как семантический феномен, выделяющий слово специальным набором денотативных и коннотативных сем с целью более эффективного воздействия на получателя за счет ускоренного доведения до его восприятия смысла высказывания, а также для самовыражения и выражения своего отношения к объекту речи, к субъекту и к ситуации общения» [4, с. 66].

На морфологическом уровне для реализации экспрессивности используют аффиксы, а именно и прежде всего, уменьшительно-ласкательные и увеличительные суффиксы. Лексические средства с аффиксальными производными являются одним из наиболее эффективных способов выражения экспрессивности, так как способны обладать выразительностью и вне контекста. «Эксплицитно экспрессивность может выражаться с помощью ряда морфологических средств, т.е. посредством словообразовательных префиксов, суффиксов с ласкательным, уничижительным, фамильярным и т.д. значением... Безусловно, экспрессивные морфологические средства, входя в сферу лексической семантики, изменяют сему предметно-

логического значения исходного номинанта в сторону экспрессивности и начинают демонстрировать смысловую и эмоциональную окрашенность знакового образа, его субъективно-эмоциональное содержание» [5, с. 111].

В русском языке экспрессивность может быть передана посредством таких формообразующих уменьшительно-ласкательных суффиксов, как, например: *-ичк, -еньк, -ек, -ечк* («денёчек», «водичка», «сладенький»). Принято характеризовать данные суффиксы как отображающие позитивное отношение, одобрение, как морфемы передающие исключительно положительную оценку говорящего. Однако в данном случае следует принимать во внимание не только денотативное (т.е. логическое, первичное, предметное), но и коннотативное значение слова, т.е. дополнительное, возникающее в контексте. Слово русского языка с уменьшительно-ласкательным суффиксом может легко поменять положительную коннотацию на противоположную при выражении горькой иронии или досады, например: «Ну и денёчек у меня сегодня выдался!» Коннотация, таким образом, придаёт экспрессивности новую направленность, меняет её функционально-прагматическую сущность, что, несомненно, нельзя не учитывать в процессе перевода с английского языка на русский и наоборот.

Английские суффиксы также выполняют особую функцию в тексте: например, слова с суффиксами *-y, -ie, -let* (“dear – dearie”, “miss – missy”, “stream – streamlet”) имеют, как правило, положительную коннотацию, а добавление суффикса *-ish* (“childish”, “mannish”, “bookish”) к именам существительным образует прилагательные с преобладающей отрицательной коннотацией, хотя и здесь следует учитывать контекстуальное влияние на семантику слова.

Таким образом, мы сталкиваемся с дополнительными сложностями понимания денотативного и коннотативного значений лексических единиц, поскольку в контексте произведения коннотативный компонент способен расширять семантику лексической единицы вплоть до противопоставления себя денотативному компоненту, что может быть ориентировано на достижение большей экспрессивности высказывания. «Коннотативный компонент дополняет предметно-логическое значение языковых единиц и придаёт им экспрессивную функцию» [6, с. 181]. Неясный, неоднозначный характер коннотативного компонента способен породить множественную интерпретацию смыслов в определённом контексте. Более того, в связи со всем вышесказанным возникает вопрос передачи или сохранения экспрессивности в переводе лексических единиц с суффиксальными производными, поскольку английский и русский языки значительно различаются на

морфологическом уровне, следовательно – говорить о калькированном переводе исходных морфологических единиц, т.е. через замену оригинальных морфем на копирующие их структуры в языке перевода, не приходится вследствие их полного несовпадения.

В романе «Случай Чарльза Декстера Варда» (“The Case of Charles Dexter Ward”) американского писателя Г. Ф. Лавкрафта нагнетание атмосферы мистики и ужаса достигается, в частности, благодаря использованию лексических средств с суффиксальными производными. Одним из центральных образов в данном произведении является могущественная потусторонняя сила, связанная с преисподней или миром зла, и одним из ключевых слов-определений в контексте романа выступает прилагательное “hellish”, образованное от существительного “hell” («ад») посредством присоединения к основе суффикса “-ish”. С точки зрения лингвистической репрезентации первобытного сознания, данная лексическая единица выступает в качестве мифологема, т.е. «мифологическим сюжетом, сценой, образом, характеризующимся глобальностью, универсальностью и имеющим широкое распространение в культурах народов мира» [7, с. 70]. Иными словами, «... мифологема обладает сюжетообразующей функцией и определяет развитие сюжета как целого художественного произведения, так и отдельных его фрагментов» [8, с. 22]. В рассматриваемом романе мифологема выступает связующим звеном в череде образов потусторонних сил и в описаниях мистических переходов из мира живых в мир мёртвых и наоборот. Переводчику первостепенно и крайне важно помнить и, соответственно, грамотно использовать потенциал мифологема как неотъемлемого компонента культурологической природы. «Во-первых, это некая когнитивная сущность, ментальное образование, включающее пласт тезаурусной информации: ассоциации, образы, память предшествующих употреблений и т. п. Во-вторых, мифологема предполагает овнешнение данной ментальной сущности, её вербальное оформление, т. е. уровень языкового воплощения» [9, с. 55]. Помимо этого, непременно соотносясь с культурным пространством, которое неизбежно формирует систему ценностей определённого социума, мифологема, в свою очередь, отличается сформированной в её структуре оценочностью: «Мифологема размещается между двумя противопоставленными сущностями, чётко очерчивая добро и зло, плюс и минус» [9, с. 55].

Несомненно, узуально закреплённая денотация существительного “hell” не требует более углублённого проникновения в своё первичное значение и расширения негативной коннотации в суффиксе с преобладающей негативной оценкой (в отличие

от вышеупомянутого примера со словом “childish”, например, где “child” не содержит в себе отрицательный денотат). Данный суффикс решает в тексте свою основополагающую задачу, а именно – образует прилагательное, выполняющее функцию определения в предложении, а категория экспрессивности реализуется на многих других языковых уровнях, помимо собственно словообразующего. Нам остаётся решить, что выступает на первый план в процессе реализации негативной оценки данной лексической единицы в тексте и каким образом переводчик решает проблему передачи экспрессивности в условиях полного отсутствия совпадающего морфологического компонента в языке перевода. Рассмотрим некоторые из примеров.

Первое упоминание слова “hellish” в романе видим в контексте лексических единиц с ярко выраженной негативной оценкой:

*Mrs. Ward, who had been listening in despair outside her son’s locked laboratory, shivered as she recognised its **hellish** import; for Charles had told her of its evil fame in dark books and of the manner in which it had thundered, according to the Fenner letters, above the doomed Pawtuxet farmhouse on the night of Joseph Curwen’s annihilation [12].*

Автор фокусирует всё внимание читателя на негативной оценке происходящего посредством активного использования слов, чьё денотативное значение очевидно и прямо указывает на неприемлемость происходящего в глазах как миссис Вард, так и читателя: “despair”, “hellish”, “evil”, “doomed”, “annihilation”. Слова “dark”, “shivered” и “thundered” семантически связаны с указанными словами и благодаря преобладающей в контексте негативной оценке получают соответствующую коннотацию. Достижение экспрессивности высказывания становится возможным именно через насыщение текста лексическими единицами с эксплицитно выраженным негативным значением: некоторые из этих значений являются негативным на денотативном уровне, другие – на коннотативном. Особая экспрессивность лексической единицы “hellish”, на наш взгляд, реализуется в актуализации его денотативного значения «ад», которое отражено здесь прямо и непосредственно как основополагающее в мифологеме: голос, услышанный миссис Вард, доносился из потустороннего мира и предвещал смерть. При отсутствии всего вышеуказанного набора лексических единиц с негативной оценкой прилагательное “hellish” потеряло бы часть своей экспрессивности и могло бы интерпретироваться как отображение неприятного предмета или события без отсылки к смерти и к аду в их прямом смысле (ср. “My immediate reaction is that this will be a *hellish* bureaucratic procedure” [13]).

Переводчик, имея задачу сохранить экспрессивность данной лексической единицы, прибегает к использованию стилистической трансформации с элементами описательного перевода, заменив эпитет-прилагательное на художественное сравнение в виде развёрнутого словосочетания, в структуре которого ключевым является имя существительное с заглавной буквы:

*Миссис Вард, стоявшая за дверью лаборатории, задрожала, припомнив, что говорил ей сын в прежние дни о голосе, **словно исходящем из самой Преисподней**, о котором со страхом повествуют древние мистические книги. Она вспомнила также рассказ Феннера о том, как прогремел этот голос над обреченной на гибель фермой в Потуксете в ту ночь, когда был убит Джозеф Карвен [14].*

Написание слова с заглавной буквы, бесспорно, нацелено на привлечение внимания к смысловому содержанию высказывания, к его семантике, стремится к усилению экспрессивности высказывания на уровне всего предложения: ассоциативно-образная составляющая мифологемы “hell” конкретизируется через насыщение коннотативного значения семой смерти («обречённый на гибель», «убит»).

В следующем примере переводчик добивается экспрессивности значения мифологемы посредством смещения её денотативного значения в одном случае и использовании коннотативного значения в другом:

*What **hellish** consciousness or voice, what morbid shade or presence, had come to answer Charles Ward's secret rites behind that locked door? [12].*

*Какое **дьявольское** существо, какая тень, вырвавшаяся из ада, явилась к Чарльзу Варду в ответ на его заклинания, произнесенные за крепко запертой дверью лаборатории? [14].*

Ассоциативно-образная связь между прилагательными “hellish” и “morbid” («болезненный, нездоровый; ужасный, отвратительный; патологический» [15, с. 473], оба из которых содержат отрицательную оценку, используется переводчиком таким образом, что денотативное значение первой лексической единицы в оригинальном тексте перемещается во вторую лексическую единицу, становясь её коннотативным значением (“morbid” – «вырвавшаяся из ада»), а денотативное значение первой лексической единицы, в свою очередь, прирастает коннотативным значением (“hellish” – «дьявольское»). Семантическое осмысление мифологемы “hellish” привело к контекстуальному расширению её значения до уровня двух лексических единиц: произошло подавление денотата второй лексической единицы с целью

усиления экспрессивности коннотативного значения первой лексической единицы, т.е. переводчик применил модуляцию значения, основываясь на общности оценки двух единиц. «Суть модуляции состоит в использовании слова (словосочетания), которое отличается в исходном и переводящем языках, для передачи одной и той же идеи. Другими словами, происходит изменение точки зрения, направленности мысли по отношению к исходному языковому выражению» [10, с. 198]. Перенаправление значений способствует передаче идеи (или образов) потусторонних сил, что является ключевым в рассматриваемом нами произведении.

Наиболее яркими примерами передачи экспрессивности в переводческом тексте являются переводы словосочетания “hellish altar” в эпизоде, посвящённом описанию подземелья, в которое спускается ищущий таинственную лабораторию доктор Виллетт. Экспрессивность прилагательного “hellish” возрастает в его контекстуальном употреблении: оксюморонное сочетание “hellish altar” выводит экспрессивность на уровень противопоставления значений лексических единиц с отрицательной и положительной оценочностью. Тем не менее, переводчик не всегда реализует задачу усиления экспрессивности посредством сохранения оригинальной лексической единицы, иногда прибегая к опущению данной единицы как таковой. Рассмотрим следующие примеры:

*What the thing was, he would never tell. It was like some of the carvings on the **hellish altar**, but it was alive* [12].

*Впоследствии доктор не мог описать это существо, он говорил лишь, что оно напомнило ему одну из фигур, вырезанных на **чудовищном алтаре*** [14].

В приведённом примере переводчик снова применил модуляцию значения, успешно реализуя коннотативный компонент в его стилистическом аспекте: экспрессивность достигается за счёт преобладания экспрессивно-эмоционального составляющего, поскольку в предлагаемом контексте денотат “hell” лишён эксплицитно выраженной прямой и логической связи с семантикой потустороннего мира, а, скорее, погружён в ассоциативно-образный план отрицательных эмоций, испытываемых главным героем.

В нижеприведённом примере мы наблюдаем опущение прилагательного “hellish” в тексте перевода без выраженной лексико-стилистической компенсации данной потери:

*Once his shaking fingers touched something which he knew must be the steps leading to the **hellish altar**, and from this spot he recoiled in loathing. At another time he*

encountered the pierced slab he had removed, and here his caution became almost pitiful [12].

*Его дрожащие пальцы нащупали ступень, ведущую к **алтарю**, и он с отвращением отдернул руку. Немного позже он наткнулся на просверленную плиту, затем — на край отверстия, и стал двигаться еще осторожнее, почти не отрывая ладони от пола [14].*

Вопрос, насколько оправданным может считаться применение указанного приёма в данном текстовом отрезке, остаётся открытым для дискуссии, но, на наш взгляд, экспрессивность оригинальной лексической единицы здесь стремится к нейтральной именно за счёт неоднократного её повтора в англоязычном тексте. Переводчик прибегнул к опущению прилагательного “hellish”, исходя из стилистической необходимости: контекстуально экспрессивность и отрицательная оценочность данной лексической единицы получают своё отображение в последующем “loathing” («отвращение»), т.е. данные лексические единицы функционируют как семантически связанные через коннотативный компонент “hellish”. Как и в предыдущем примере, денотативное значение прилагательного “hellish” второстепенно, поскольку не имеет прямого отношения к обозначаемому объекту, но первичным становится коннотативное значение ужаса и отвращения. Однако оно утрачивает свою экспрессивную остроту в избыточном повторе, что можно проследить на следующем примере:

*Failing to find a lantern, he chose the smallest of the lamps to carry; also filling his pockets with candles and matches, and taking with him a gallon can of oil, which he proposed to keep for reserve use in whatever hidden laboratory he might uncover beyond the terrible open space with its unclean altar and nameless covered wells. To traverse that space again would require his utmost fortitude, but he knew it must be done. Fortunately neither the frightful altar nor the opened shaft was near the vast cell-indented wall which bounded the cavern area, and whose black mysterious archways would form the next goals of a logical search. So Willett went back to that great pillared hall of stench and anguished howling; turning down his lamp to avoid any distant glimpse of the **hellish altar**, or of the uncovered pit with the pierced stone slab beside it [12].*

Не найдя фонаря, он взял самую маленькую масляную лампу, положил в карман несколько коробок спичек и пачку свечей и сунул за пояс банку с маслом вместимостью около галлона. Если тайная лаборатория Чарльза находится где-то в глубине подземелья, позади центрального зала, с его богохульным алтарём, окружённым бесчисленными колодцами под каменными крышками, ему

понадобится снова заправить лампу. Виллетту понадобилось собрать все свое мужество, чтобы вновь пройти тем же путем. На этот раз он пошел вдоль изрытой нишами стены. К счастью, алтарь и открытый колодец были далеко от него, в противоположной стороне. Доктор решил начать поиски лаборатории с осмотра множества узких проходов, открывающихся в стене. И вот он снова среди воя и смрада, пробирается между тяжёлых колонн под нависшими сводами подземного зала. Он немного прикрутил фитиль лампы, чтобы при тусклом свете нельзя было даже издали различить очертания **алтаря** и зияющее отверстие открытого колодца [14].

Семантико-экспрессивная связь словосочетаний “unclean altar”, “frightful altar” и “hellish altar” очевидна: возможно, автор посчитал нужным многократно акцентировать внимание читателя на отрицательной оценке лексической единицы “altar” и посредством данного приёма отобразить её эмоциональную составляющую. Следует признать, что сам Г.Ф. Лавкрафт выражал недовольство романом, называя его “cumbrous, creaking bit of self-conscious antiquarianism” [11], иными словами – слишком громоздким и перенасыщенным устаревшими формами текстом. В данном случае, мы бы отнесли к явному стилистическому недостатку и множественное дробление экспрессивно-эмоционального компонента в параллельных конструкциях с определением общей семантики на небольшом отрезке текста, в результате чего нивелируется его экспрессивность как таковая. С большой долей вероятности смеем предположить, что переводчик отказался от перевода двух последних определений, включая “hellish”, именно из соображений их стилистической и экспрессивно-эмоциональной значимости.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам в данном исследовании: в условиях контекстуального использования морфологически преобразованной мифологемы “hell” экспрессивность неизменно функционирует в парадигме отрицательной оценочности и её денотативное значение уступает коннотативному; как следствие преобладания коннотативного значения переводческим решением выступает модуляция значения оригинальной лексической единицы; как неотъемлемый компонент культурологической природы мифологема семантически связывает лексическую единицу “hellish” с другими лексическими единицами текста, но в процессе многократного повторения в рамках небольшого текстового отрезка её экспрессивность сводится к нейтральной, нивелируется, что, в свою очередь, обуславливает переводческое решение отказаться от данной мифологемы (прибегнуть к её опущению в тексте перевода).

Считаем, что результаты данного исследования могут быть использованы для более детального изучения морфологических средств выражения экспрессивности в других художественных текстах и механизмов её воспроизведения в текстах перевода.

Список литературы

1. Хачецукова З.К., Хабекирова З.С. и др. Языковые механизмы экспрессивности: анализ базовых понятий // Филологические науки. – 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-mehanizmy-ekspressivnosti-analiz-bazovyh-ponyatij/viewer> (дата обращения: 29.04.2023).
2. Али Наджа Х.А. Оценочные номинации персонажа в художественной прозе А.П. Чехова // дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01. Воронеж. 2018. 168 с. URL: http://www.science.vsu.ru/dissertations/5809/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%90%D0%BB%D0%B8%20%D0%9D%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B0_%D0%A5.%D0%90.pdf (дата обращения: 29.04.2023).
3. Никитенко Т.В. Соотношение терминов «эмоциональность», «экспрессивность», «оценочность» применительно к лексической системе // Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова. – 2020. – С. 192-197. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/242578/1/192-197.pdf> (дата обращения: 29.04.2023).
4. Кузнецова Н. Н. Категория экспрессивности и связанные с нею понятия // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2007. – № 4 (50). – С. 63-74. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17951388_23394753.pdf (дата обращения: 29.04.2023).
5. Петрянина О.В., Ефремова Ю.И. Морфологические средства выражения экспрессивности (на материале немецкого языка) // Материалы II Всероссийской лингвометодической конференции. 2017. С. 106-112. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_34974967_40250527.pdf (дата обращения: 28.04.2023).
6. Куликова Ю.Н. Способы формирования коннотативных значений концепта "Russie" во французской прессе (на материале газет "Le Monde" и "Le Figaro") // РГПУ им. Герцена. 2011. С. 180-184. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/kulikova_130%20_180_184.pdf (дата обращения: 29.04.2023).
7. Чарыева М. Понятие мифа, мифологемы // Слово о Слове: исследования молодых ученых-филологов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Астрахань, 07 апреля 2021 года. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2021. – С. 68-71. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45966148_18645913.pdf (дата обращения: 28.04.2023).
8. Варламова В.Н. Лингвистические особенности мифологемы в художественном тексте // Вопросы методики преподавания в вузе, 2016. — № 5. — С. 20-27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-mifologemy-v-hudozhestvennom-tekste/viewer> (дата обращения: 29.04.2023).

9. Иванова С.В. Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 54-59. – URL: https://www.researchgate.net/publication/356731674_MIFOLOGEMY_AMERIKANSKOGO_POLITICESKOGO_MEDIADISKURSA_EPOHI_D_TRAMPA_TIPOLOGICESKIJ_ASPEKT (дата обращения: 29.04.2023).
10. Лайкович А.О. Лексические трансформации при переводе с английского языка на русский (на материале научно-технических текстов) // Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы. – 2021. – С. 195-200. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/272974/1/195-200.pdf> (дата обращения: 29.04.2023).
11. Leach E. Evan Leach's Reviews. The Case of Charles Dexter Ward / E. Leach. – 2013. – URL: <https://www.goodreads.com/review/show/592278031> (дата обращения: 29.04.2023).

Список источников

12. Lovecraft H.P. The Case of Charles Dexter Ward / H.P. Lovecraft. – URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/cdw.aspx> (дата обращения: 28.03.2023).
13. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/hellish> (дата обращения: 28.04.2023).
14. Лавкрафт Г.Ф. Случай Чарльза Декстера Варда. – URL: <https://avidreaders.ru/read-book/sluchay-charlza-dekstera-varda.html> (дата обращения: 29.04.23).
15. Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. – 5-е изд. – М.: Изд-во «Русский язык», 2000. – Т. 2. – 832 с.

УДК 811

**Зиновьева Э.А., Серых К.Д., Федькина Е.С., Романов А.В.
Английская фразеология в деловой коммуникации**

Зиновьева Эльвира Афгановна

студент 2 курса факультета ССР, гр. ИКТр-13 Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, РФ, г. Самара
zinovevae373@gmail.com

Серых Ксения Дмитриевна

студент 2 курса факультета ССР, гр. ИКТр-13 Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, РФ, г. Самара
Kseniaschastlivaya3@gmail.com

Федькина Екатерина Сергеевна

студент 2 курса факультета ССР, гр. ИКТр-13 Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия
guntershtein@gmail.com

Романов Андрей Валерьевич

старший преподаватель кафедры ИНО Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия
ch.isaac69@mail.ru

English phraseology in business communication

Zinovieva Elvira Afganovna

2nd year student of the Faculty of SSR, IKTr-13 Povolszsky State University of Telecommunications and Informatics, Russia, Samara

Serykh Ksenia Dmitrievna

2nd year student of the Faculty of SSR, IKTr-13 Povolszsky State University of Telecommunications and Informatics, Russia, Samara

Fedkina Ekaterina Sergeevna

2nd year student of the Faculty of SSR, IKTr-13 Povolszsky State University of Telecommunications and Informatics, Russia, Samara

Romanov Andrey Valerievich

senior lecturer department of FLD Povolszsky State University of Telecommunications and Informatics, Russia, Samara

Аннотация. Основное внимание в статье уделяется слою лексики делового английского языка, известному как специальная фразеология и отмеченному лежащим в основе слиянием терминологических и метафорических свойств. Использование аутентичных образцов делового дискурса позволило выявить и представить структурно-семантические характеристики анализируемого слоя. Результаты исследования приводят к лучшему пониманию природы, разнообразия и функций

специальной фразеологии как низкочастотного, но динамичного и открытого слоя лексики делового английского языка.

Ключевые слова: деловая коммуникация, деловое общение, фразеологизм, английский язык, английская фразеология, фразеологическая единица, структурно-семантический анализ, идиома, афоризм.

Abstract. The article focuses on the vocabulary layer of business English, known as special phraseology and marked by the underlying fusion of terminological and metaphorical properties. The use of authentic samples of business discourse made it possible to identify and present the structural and semantic characteristics of the analyzed layer. The results of the study lead to a better understanding of the nature, diversity and functions of special phraseology as a low-frequency, but dynamic and open layer of business English vocabulary.

Keywords: business communication, business interaction, phraseology, English, English phraseology, phraseological unit, structural and semantic analysis, idiom, aphorism.

Формирование культуры делового общения является важным этапом для развития общества и государства. Без знаний о ведении деловых отношений в сфере бизнеса эволюционное развитие человечества не происходит, поскольку коммуникация охватывает все сферы человеческой деятельности, и без ее знания осознать и найти свое место в мире современному человеку довольно сложно. Деловое общение помогает не только понять услышанное, но и установить новые контакты и решить насущные вопросы. Понимание человеком сферы бизнеса и деловых отношений проявляется в лексическом и фразеологическом составе области делового общения объем исследований, которого постоянно увеличивается, поскольку коммуникация, особенно в этой области, постоянно меняется. В настоящее время все предыдущие приобретения компетентных ученых в области лингвистики и делового общения английского языка помогут глубже проанализировать его развитие [2].

В данной статье осуществлена попытка проведения структурно-семантического анализа фразеологических единиц (ФЕ), входящих в состав фразеосемантического поля деловой речи.

Сравнительное изучение слов и фразеологических единиц было предложено Жуковым Власом Платоновичем [6], Наталией Николаевной Амосовой [1] и многими другими языковедами, которые определили три основных типа фразеологических значений. Учёные обосновали свои исследования на обширном фактическом материале и продемонстрировали, что особенности лексических значений слов и фразеологических значений в русском языке зависят от природы этих языковых единиц. Работы Назаровой Татьяны Борисовны и Щукиной Галины Олеговны послужили базой для выявления проблем по данной тематике [8,16].

В структурном плане значение фразеологизма выражается не одним словом, а обязательным сочетанием не менее чем двух компонентов. Составные части слов (морфемы) не являются самостоятельными языковыми единицами, тогда как компоненты фразеологизмов являются словами-прототипами, которые могут функционировать вне языка. Лексические значения слова и фразеологизма не идентичны, хотя могут иметь много общего. Явления синонимии и антонимии характерны как для слов, так и для фразеологизмов.

В современной лингвистике активно развивается изучение ФЕ в семантическом, грамматическом и структурном аспектах. Такой многогранный подход к изучению фразеологии становится все более популярным.

Сегодня не существует единого определения понятия «фразеологическая единица». В лингвистике известны более 20 определений ФЕ. Термин «фразеологическая единица» был введен Виноградовым Виктором Владимировичем и употреблялся для определения тех соединений, которые не образуются в процессе речи, а воспроизводятся по традиции. Итак, воспроизводимость, по мнению ученого, является основным признаком фразеологизма [5].

Фразеологизмы в деловом английском общении составляют быстро развивающуюся значительную часть. Это позволяет предложить классификацию этих фразеологизмов по тематическому принципу. ФЕ семантического поля делового общения представляют особый интерес для лингвистов, поскольку бизнес и отношения между людьми в этой сфере являются основным источником дохода в частности и человеческого существования в целом. Следовательно, бизнес — это общекультурное понятие, лежащее в основе как материальной, так и коммуникативной сфере общества. Поэтому такое явление не могло не отразиться во фразеологии.

Вполне очевидно, что изучение фразеологии делового английского языка помогает разрушить барьеры межкультурного восприятия [11], субъективные и односторонние устойчивые представления об особенностях той или иной нации или культуры. В связи с этим следует обратить пристальное внимание на экономические термины-фразеологизмы [10] с компонентом именем собственным, особенно подчеркивающим национально-культурное своеобразие изучаемой фразеологии. Фразеологические единицы такого характера способствуют более глубокому ознакомлению обучающихся с историей развития международных экономических отношений [14,13].

В работе Юршевой Людмилы Александровны изучена специфика и структура словарного состава делового английского, выявлена особенность грамматики бизнес-английского, описано региональное варьирование в устной и письменной формах деловой коммуникации, исследован семиотический аспект бизнес-английского, рассмотрена онтология экспрессивности в деловой корреспонденции на английском языке, немало внимания уделено филологическому вертикальному контексту и смежным явлениям в аутентичном англоязычном бизнес-дискурсе [17].

Одной из категорий в классификации ФЕ бизнес-дискурса являются устойчивые выражения, свойственные лишь языку бизнеса и понятные узкому кругу специалистов, например: «blue collar» (дословно «синий воротничок») – рабочий класс; «eager beaver» (дословно «нетерпеливый бобёр» – трудоголик; «white collar» (дословно «белый воротничок») – офисный работник.

Фразеологизмами, заимствованными из общеразговорного английского языка, например: «It is sally system go» (дословно «все системы работают нормально») – готовность работы над новым заданием; «started the ball rolling by» дословно «покатить мяч») – готовность к делу; «call the night» (дословно «позвать ночь») – завершить работу, «cash cow» (дословно «дойная корова») – надёжный источник дохода.

Еще одна категория фразеологизмов – это ФЕ с компонентом географического названия места, например: «send somebody to Coventry» дословно «отправить кого-либо в Ковентри») – прекратить общение с кем-либо. Фраза образовалась во время Гражданской войны в Англии, когда солдат-роялистов отправляли в Ковентри, где их холодно встречали; «Brummagem button» (Brummagem - это искажённое Birmingham, город, где в XVII в. подделывали серебряные монеты в 4 пенса) – фальшивая монета. В 17 веке в Бирмингеме были популярны чеканные фальшивые монеты.

В ходе ознакомления с деловой фразеологией английского языка важно проследить генетические корни особенностей культурологического восприятия англичанина [12] в процессе формирования деловой терминологии фразеологического характера, в составе которой имеются компоненты, обозначающие национальность или название страны, например: «Greek to me» (дословно «это для меня греческий язык.») – мне это совершенно непонятно. Выражение произошло в средние века, когда монархи переписывали книги, большая часть из которых была написана на греческом языке; «Dutch courage» (дословно «голландская смелость») – смелость, которую дает алкоголь. Первый джин появился в Голландии. Англичане заметили, что военные голландцы постоянно

«разогреваются» джином перед боем, поэтому и сделали вывод, что алкоголь придает им храбрости.

Внимание авторов сконцентрировано на выявлении актуальности использования фразеологизмов в качестве средства выразительности на материале выступлений бизнесменов, таких как Джефф Безос, Илон Маск, Стив Джобс и другие. Рассмотрим в качестве примеров ФЕ и проведем структурно-семантический анализ данных единиц, применив классификацию Кунина Александра Владимировича [7].

Речи Илона Маска известны своей убедительностью, воодушевлением, а иногда и противоречивостью, что может вызвать как восхищение, так и критику со стороны различных аудиторий. В целом, его выступления, как правило, передают чувство безотлагательности и призыв к действию для решения некоторых из самых насущных мировых проблем. Описывая переход работы компании Tesla на график 24/7, Илон Маск применяет фразеологизм, который можно перевести как «работать до поздней ночи» (дословно «Сжечь полуночное масло») - *“To burn the midnight oil”* [20]. Состав: глагол (to burn) + прилагательное (midnight) + существительное (oil). Данное высказывание – идиома.

Стив Джобс был известен своей харизмой и способностью вдохновлять и мотивировать свою аудиторию. Он часто использовал рассказывание историй и визуальные эффекты, чтобы передать свое сообщение, и умел упрощать сложные идеи. Его выступления часто были сосредоточены на инновациях, дизайне и важности реализации своих увлечений. В своей речи на выпускной церемонии в 2005 году Стив Джобс, обращаясь к студентам Стэнфордского университета, процитировал афоризм из книги Стюарта Брэнда *The Whole Earth Catalog* 1968 года: «... *stay hungry, stay stupid...*». В данном предложении мы наблюдаем наличие фразеологизма со значением «никогда не довольствоваться текущим уровнем знаний или успехов и всегда быть готовым идти на риск и пробовать что-то новое» (дословно «оставайтесь голодными, оставайтесь глупыми») [18]. Стив Джобс призывал студентов сохранять любопытство и всегда стремиться к большему, даже перед лицом проблем и неудач. Он считал, что поддержание «голодного» мышления и готовность учиться и совершать ошибки необходимы для успеха. Состав: глагол (to stay) + прилагательное (hungry) + глагол (to stay) + прилагательное (stupid).

В своих выступлениях на TED Talks Джефф Безос рассказал об успехе Amazon, инновациях и своем видении будущего. Он подчеркнул важность удовлетворения клиентов, экспериментирования и способности адаптироваться к изменениям. Он также говорил о роли неудачи в достижении успеха и необходимости сосредоточиться

на долгосрочных целях. Во время своего одного из выступлений Джефф Безос сказал: «...*don't put all your eggs in one basket*...», что означает «не вкладывать все свои ресурсы в одну идею или проект» (дословно «не кладите все яйца в одну корзину») [19]. Состав: глагол (to put) + местоимение (all) + существительное (eggs) + предлог (in) + числительное (one) + существительное (basket). Эта идиома произошла от старой поговорки.

«When it comes to business, *money talks*. You need to be able to understand the language of finance in order to succeed» написал Брайан Трейси в книге «Наука денег» имея в виду «что время является ценным ресурсом, который стоит использовать бережно, так как время, как и деньги, невозможно восстановить» (дословно «деньги говорят»). Брайан Трейси делится с читателем собственными секретами о том, как ориентироваться в сложном финансовом мире, систематизировать знания и покончить с путаницей. Вы научитесь применять советы автора на практике, чтобы улучшить свое финансовое состояние [4]. Состав: существительное (Money) + глагол (to talk). Это идиома – заимствованная из других языков.

Книга Наполеона Хилла «Думай и богатей» — это книга о личном развитии и самопомощи, в которой излагаются принципы достижения успеха и богатства с помощью позитивного мышления, визуализации и настойчивости. На одной из страниц рукописи читатель встречает фразу «Remember that *every adversity carries with it the seed of an equal or greater benefit*, so stay positive and keep pushing forward», которой автор хотел описать, что каждое трудное положение, несет в себе семя равной или большей выгоды. (дословно «в каждой неприятности есть зерно пользы») [9]. Состав: местоимение (every) + существительное (adversity) + гл. (to carry) + предлог (with) + местоимение (it) + существительное (seed) + предлог (of) + прилагательное (equal) + союз (or) + прилагательное (greater) + существительное (benefit). По нашему предположению – это афоризм.

Фил Найт — соучредитель Nike и автор мемуаров «Shoe Dog», в которых рассказывается история первых дней существования всемирно известной компании и ее превращения в глобальный спортивный и модный бренд. «So I *hit the ground running*, driving around Portland and beyond, meeting retailers and trying to sell shoes» или *начать работать быстро и эффективно с самого начала* (дословно «взять быка за рога») [15].

«If you truly believe in your financial goals, you need to *put your money where your mouth is*» или *действовать согласно своим словам и обещаниям* (дословно «отвечай за свои слова») пишет Бодо Шефера в книге «Мани, или Алфавит денег», которая

представляет собой практическое руководство по управлению деньгами и достижению финансовой независимости [3]. Состав: глагол (Put) + местоимение (your) + существительное (money) + местоимение (where) + местоимение (your) + существительное (mouth) + глагол (is). Данное высказывание – идиома.

Таким образом, мы можем сказать, стилистически окрашенная речь лидеров бизнеса служит для привлечения внимания, часто содержит образный переносный смысл. В структурном плане наблюдаются ФЕ, состоящие из словосочетаний, а также простых нераспространенных или сложных распространенных предложений. Эмпирическим путем мы пришли к следующим результатам: фразеологизмы делового общения (рассмотрены шесть примеров) представлены в виде 4 идиом и 2 афоризмов.

Научной новизной нашего исследования служит структурно-семантический анализ английских фразеологизмов в деловой коммуникации на примерах выступлений Джеффа Безоса, Илона Маска, Стива Джобса и других. Теоретической базой послужили труды Кунина А.В. и других ученых.

Анализируемая проблематика довольно обширна и требует более глубокого изучения, которое невозможно привести в рамках данной научной работы. Исследования в области английских фразеологизмов в деловой коммуникации продолжается как филологами, лингвистами, так и переводчиками.

Теоретические данные могут быть использованы для изучения английских фразеологизмов с профессиональной точки зрения, а также могут быть полезны всем интересующимся, изучающими английский язык.

Список литературы

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии, 1963.
2. Аракин В.Д. Английская фразеология и устойчивые нефразеологические словосочетания; Сборник трудов / Под ред. В.Д. Аракин и др. – М.: Наука, 1978. - 231 с.
3. Бодо Шефер «Мани, или Азбука денег», Попурри, 2020 г. – 160с.
4. Брайан Трейси «Наука денег», Попурри, 2018 г. – 210с.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
6. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М., 1980.
7. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. - М.: Изд-во Международ. отношения, 1972. - 288 с.
8. Назарова Т. Б., Потапова А. В. Фразовые глаголы в письменном англоязычном деловом дискурсе: динамика количественных составляющих и качественных характеристик // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – №3(66). – Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2015. – С. 149–155.

9. Наполеон Хилл «Думай и богатей», Эксмо, 2021 г.– 300с.
10. Федуленкова Т. Н. Новые тенденции в организации преподавания иностранных языков в вузе // Человек, рынок, образование на рубеже XXI века: Материалы международной науч.-практ. конф. Томск, 1999. С. 120–122.
11. Федуленкова Т. Н. Проблемы онтогенеза фразеологической терминологии // Терминоведение / Под ред. В. А. Татарина. М., 1997. Вып. 1–3. С. 95–97.
12. Федуленкова Т. Н. Фразеологические единицы в языке экономики и бизнеса // Инновационные методы преподавания иностранных языков: Межвуз. сб. науч.-метод. тр. Тюмень, 1998. Вып. 1. С. 22–25.
13. Федуленкова Т. Н. Фразеология английского языка на специальном факультете // Методология обучения иностранным языкам в вузах: Материалы международной науч.-практ. конф. Новосибирск, 1999. С. 171–174.
14. Федуленкова Т. Н. Фразеология как средство активного обучения иностранным языкам // Активные формы обучения иностранным языкам на современном этапе: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. Тюмень, 1997. С. 100–102.
15. Фил Найт «Shoe Dog», Эксмо, 2021 г.- 260с.
16. Щукина Г. О. Виды фразеологической номинации в английском языке. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2014. – 24 с.
17. Юршева Л. А. Воспроизведение и речетворчество в английском языке делового общения. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 186 с.
18. Stanford // Steve Jobs' 2005 Stanford Commencement Address [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://youtu.be/UF8uR6Z6KLc>
19. TED Talks // Джефф Безос о следующих инновациях в интернете [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://www.ted.com/talks/jeff_bezos_the_electricity_metaphor_for_the_web_s_future/transcript?language=ru
20. The Sunday Morning // 'Burning the midnight oil': Tesla goes 24/7 as it ramps up its Model 3 production [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.42f6372d-641874e3-d58f922e-74722d776562/https/www.smh.com.au/business/companies/burning-the-midnight-oil-tesla-goes-24-7-as-it-ramps-up-its-model-3-production-20180418-p4za78.html

УДК 81'373.43

Романова М.А. Англицизмы в русском языке: а сколько их нужно?

Романова Марина Анатольевна

ст.преподаватель кафедры англ.языка №1, Дипломатическая академия МИД РФ
Россия, Москва
DAConfa@mail.ru

English Borrowings in the Russian Language: how many of them do we need?

Romanova Marina Anatolyevna

Senior lecturer of English chair #1, Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry
Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются объективные и субъективные причины появления англоязычных заимствований в современном русском языке и их противоречивое влияние на русский язык и культуру. Заимствования проанализированы с точки зрения структуры, степени ассимиляции и особенностей употребления. Выявлены случаи неправильного и неправомерного использования заимствований. Подчеркивается важность языка для формирования и сохранения идентичности.

Ключевые слова: заимствования; употребление; ассимиляция; язык; культура

Abstract. The article studies the influence of English borrowings on modern Russian. On the one hand, English borrowings are looked upon as a result of scientific and technical progress, as well as developing socio-cultural and economic ties in the world. On the other hand, the overusage of borrowings can be dangerous for the native language and native culture as a whole. Borrowings are analyzed from the point of view of their assimilation into the Russian language. The article also underlines the importance of language to form and preserve identity.

Key words: borrowings; overusage; assimilation; language; culture

Любой язык представляет собой динамичную систему, которая постоянно развивается и пополняется. Он всегда находится в непрерывном развитии и имеет свойство приспосабливаться к новым потребностям общества. Язык пополняется и изменяется при помощи заимствований. Невозможно не согласиться и с утверждением И. Бодуэн де Куртене: «...Нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого. Смешение есть начало всякой жизни...» и что «с помощью исследования заимствованных слов мы можем с большей точностью делать выводы о культурном влиянии одного народа на другой» [1, с. 12].

«Чистого, исконного русского языка» в природе не существует. Русский язык вбирает в себя иностранные заимствования, начиная примерно с VI века новой эры. В него десятками и сотнями влились балтизмы (например, *кови, кувшин, янтарь,*

деревня); финно-угризмы (*пельмени, мойва, сауна*); грецизмы (*известь, сахар, скамья, тетрадь, фонарь*); арабизмы (*матрац, адмирал, лак, кофе*). В нем множество латинизмов, тюркизмов и заимствований из десятков других языков — мертвых и живых, от санскрита до английского. Мало того, русский язык заимствовал приставки и суффиксы из греческого и западноевропейских языков и при их помощи образовывал собственно русские слова. Огромное количество слов и терминов из голландского, немецкого, английского и французского языков влилось в русский в эпоху Петра I.

Л.П. Крысин под заимствованием понимает: а) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; б) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода» [2, с. 15].

Русский язык - один из самых богатых и древних языков мира. С развалом СССР, изменениями в политической системе и в обществе языковые средства и способы словоупотребления претерпевают сложные изменения. Современное российское общество открыто для международных контактов, и во многом ориентируется на западную культуру, образ жизни, что обуславливает массовое вхождение в русский язык заимствованной лексики. В последнее десятилетие этот процесс имеет массовый характер, и вызывает интерес исследователей к этой проблеме.

Среди причин заимствований можно выделить 2 их ряда [3, с. 8]:

Причины лингвистические:

- потребность в наименовании новых предметов, понятий и явлений, ранее отсутствующих в языке-реципиенте: *квиз* - игра в вопросы и ответы *прокси-война* – военные действия, ведущиеся чужими руками;

- отсутствие соответствующего (более точного) наименования в русском языке: *хоспис* - хорошая больница для безнадежных больных; *лизинг* - предоставление компаниям оборудования в аренду с правом выкупа; *коворкинг* - схема организации труда, при которой несколько самозанятых работников трудятся в одном помещении;

- уточнение или детализация соответствующего понятия: *киллер* –именно профессиональный наемный убийца; *эйчар* (human resources - человеческие ресурсы) – узкий специалист по подбору и адаптации персонала, в то время как в русском языке кадровик - специалист по кадровому делопроизводству. Не эквивалентны по своей семантике слова *плеер* и проигрыватель, так как *плеером* можно назвать компактный

магнитофон с наушниками. Такой тип заимствований образует с русскими понятиями ряды квазисинонимов с легко различимыми семантическими различиями;

- необходимость выразить при помощи англицизма описательные обороты короче, экономичнее, удобнее, чем в русском языке: *саммит* - встреча на высшем уровне, *импичмент* – отстранение от должности, *дайджест* - обзор прессы и другой периодической литературы;

- восприятие иноязычного слова как более престижного и значимого: *амбассадор* - посол, *презентация* – представление; *эсклюзивный* - исключительный.

Среди внешних причин можно выделить:

- тесные политические, экономико-промышленные и культурные связи между народами;

- социальные, экономические и политические изменения внутри страны заимствующего языка;

- политическая роль страны и языка, из которого происходит заимствование;

- заимствование понятий вместе с их наименованиями;

- общемировая тенденция к интернационализации лексического фонда;

- восприятие иноязычного слова как более престижного и значимого.

Проблема заимствования лексики из одного языка другим языком сложна и многоаспектна: с одной стороны, это отрицание заимствованных слов, стремление употребить только исконное слово, с другой – опасность перенасыщения языка иноязычной лексикой,

Еще в начале XIX в. ярые противники «иностранщины» во главе с Г.Р.Державиным и А.С.Шишковым предлагали заменить «калоши» на «мокроступы», «лабиринт» на «блуждалище», а «индивидуальность» на «яйность». С ними не соглашался А.Н.Толстой, указывая, что от заимствований не нужно отрешиваться, главное – не злоупотреблять ими [4].

Падение «железного занавеса», ориентация России на вхождение в единый «общеевропейский дом» и, соответственно, на нормы западной цивилизации, привели к повышенному вниманию к западному образу жизни и западным технологиям. Основная масса заимствований в первую очередь пришлась на профессиональную терминологию из самых разнообразных областей, большая часть которых - компьютерные термины: *интерфейс*, *провайдер*, *сайт*, *дисплей*, *браузер*, *трафик*, *файл*, и т.д. Чаше всего употребление подобных профессиональных терминов оправдано, а язык, таким образом, обогащается новыми понятиями.

Подобные заимствования в разных объемах можно найти практически в любом языке.

В профессиональной среде, где участники коммуникации хорошо знакомы с используемой терминологией, профессионализмы используются широко, что кажется вполне естественным и допустимым: «Европейский еврейский конгресс сумел не заметить символику СС, свастики и *глорификацию* нацистских *коллорационистов* киевским режимом». (С.В. Лавров, Министр Иностранных Дел РФ) []. Иногда английский аналог просто короче. Проще сказать «*фидбек*», чем «обратная связь».

Благодаря процессу цифровизации и широкому использованию компьютерной техники в повседневной жизни, профессиональная ранее терминология была мгновенно подхвачена молодым поколением, которое чрезвычайно активно осваивает социальные сети, быстрее и легче впитывает новации в языке. Высокая частотность употребления англицизмов очень быстро привела к их ускоренной ассимиляции к правилам русского языка. В результате в молодежном сленге появились такие англицизмы как: *юзать* - пользоваться (англ. to use - использовать); *агрить(ся)* - злить(ся) (англ. angry - злой); *фолловить* - подписаться на кого-то в соцсетях (англ. to follow - быть поклонником); *гамать* - играть (англ. game – игра; *свайпить* - скользить пальцем по экрану (англ. to swipe – скользить); *войсить* - (англ. to voice – произносить) отправлять голосовые сообщения. Зачастую подобные заимствования затрудняют акт коммуникации, поскольку непонятны людям старшего поколения.

В последнее время интенсивность заимствования вызывает у ряда ученых определенную тревогу. «... стало особенно модным блеснуть знанием современной политической терминологии, часто скачанной из соответствующего американского источника» [5, с. 621]. По мнению ученых, язык столичных и региональных СМИ нарочито перегружен ненужными и неуместными заимствованиями из английского языка как самого распространенного языка международного общения. «Современный «глобальный английский» выступает, прежде всего, как средство экономной передачи информации, эффективной деловой коммуникации, как инструмент рационализации бизнеса и карьерного роста» [6, с. 33].

Уже никого не удивить такими англицизмами как *имиджмейкер*, *хит-парад*, *шоумен* и т.п., которые в изобилии мелькают в языке СМИ. Такие заимствования стали уже настолько обыденными, что мы к ним уже начинаем привыкать. По данным Э.Ф. Володарской [7, с. 102] в течение XX в. доля англицизмов в словарном составе

русского языка возросла с 2,57% в начале века до 25% в конце. Это свидетельствуют о том, что использование англоязычных элементов в повседневной жизни современного российского общества постепенно становится нормой речевой и письменной коммуникации. Англицизмы в изобилии присутствуют в СМИ, в статьях и сообщениях на самые разные темы.

В традиционном понимании СМИ занимается сбором, обработкой и распространением информации на массовую аудиторию. Но они также формируют взгляды общества, также оказывая влияние и на речевое поведение. Язык СМИ это не только «мощный инструмент воздействия на аудиторию и средство манипуляции общественным сознанием» [8, с. 13], но и, по Н.И.Конраду, это «усредненный язык нации».

В советское время в СМИ господствовала установка на стирание межклассовых различий, что предполагало унификацию языка общеполитических и массовых изданий.

Язык средств массовой информации за последние 20 лет претерпел изменения. «До недавнего времени СМИ были образцом нормативности, ... остро реагировали на нарушение грамматической, стилистической, орфоэпической правильности речи. ... Современная ситуация принципиально иная. С развитием перестроечных процессов ... в газеты и журналы потоком полилась спонтанная речь участников митингов и собраний, народных депутатов» [9, с. 23]. «Прямой эфир вывел на официальный экран телевизора спонтанную устную речь с неизбежными для нее ошибками речи <...>, что привело не только к их распространению среди населения, но и их санкционированию» [10, с. 6]. Вследствие этого утратилась нормированность письменной речи, и приоритет переходит к звучащей речи. Современные авторы текстов не сковывают себя литературными традициями и не ограничивают тщательным выбором слов. Тенденция к демократизации публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации привели, с одной стороны, к отказу от советского официоза, с другой - к расшатыванию литературной нормы русского языка.

В России в последние годы сохраняется своеобразная мода на использование англицизмов. Причиной такого использования заимствований Л. П. Крысин видит в высокой коммуникативной актуальности англицизма и его «повышении в ранге» [11, с. 27] по сравнению с существующим синонимичным понятием, которое в русском языке не обладает ореолом дополнительной престижности. «На самом деле, следствием засилья таких заимствований является то, что жители российской

глубинки оказываются фактически отрезанными от политической и культурной жизни в столицах и воспринимают ее неадекватно, предвзято» [5, с. 621]. По мнению ученых, в конце XX в. «существовала угроза превращения богатейшего литературного русского языка в страшное по своим последствиям англо- жаргонно-просторечное его извращение» [12, с. 6].

В результате этого мы все чаще встречаем обороты речи типа «Горбачев-фонд», «Ельцин-центр»; Верховный Совет теперь - *парламент*; Совет министров - *кабинет министров*; его председатель - *премьер-министр* (или просто *премьер*); заместитель - *вице-премьер*. В городах появились *мэры, вице-мэры, префекты, супрефекты*. Советы уступили место *администрациям*. Главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эксклюзивные интервью* своих шефов. [11, с. 28]

Кроме того в городском пейзаже появились слова-кентавры, сочетающие в себе кириллицу и латиницу: *Закусity* (сеть кафе), *Orangerея* (название магазина), *Beerлога*, *Bierлин* (название ресторанчиков, от англ. и немец. *beer/bier*). Подобные же слова можно найти и в печатной прессе, например, популярный бренд *Fanta* обыгрывается в следующем образом:

Fantастический пирог: *Спешу поделиться чудесным рецептом (Fanta является одним из ингредиентов пирога) (Готовим дома, 24.12.2009) [13, с. 190-191].*

Займствования часто вводятся в язык в качестве синонима понятию, уже имеющемуся в русском языке: *тренд* (тенденция), *менеджер* (управляющий), *бэбиситтер* (няня), *тинейджер* (подросток). Англицизмы сейчас активно употребляют политики, дикторы радио и телевидения, предприниматели, молодёжь. Для одних это способ продемонстрировать свою эрудиции и выглядеть внушительнее в глазах окружающих, другие просто следуют моде, стремясь таким образом обозначить свою причастность к «мейнстриму», ничуть не задумываясь о правильности и целесообразности использования займствований.

Но мода на престижные иностранные слова часто приводит к засорению языка, затрудняют понимание. «Англицизмы, употребляемые немотивированно в журналистских текстах, по сути, являются агнонимами, т.е. словами, значение которых непонятно, неизвестно большинству носителей языка...» [14, с. 97].

Все ли уловят смысл следующих высказываний:

- Этой весной вам понадобится *лонгслив*, как у Зои Салдана - он преобразит любой *аутфит* [23];

- *Pop-up-магазины* (to pop up – неожиданно возникать, появляться), которые открываются на время спектакля, могут продавать *мерч* (merchandise – товар), где использованы узнаваемый юмор, национальные коды вашей территории [24];

- С 2020 года Миддлтон является *амбассадором* благотворительной организации Pets As Therapy [25].

Подобные новации коснулись и солидных государственных СМИ, нацеленных, в основном, на зрелую аудиторию, и язык которых традиционно считается эталонным; многие англицизмы настолько быстро подхватываются средствами массовой информации, что аудитория просто не успевает к ним адаптироваться, что потенциально способно затруднить акт коммуникации и вызвать негативные эмоции у массового адресата:

- Именно открытия в физике меняют нашу жизнь. Пусть *экстрасенсы*, *визионеры* или политики думают иначе [26];

- Также не надо забывать, что для эффективной модели дискаунтера нужно владеть большим количеством клиентов – как минимум надо охватить хоть несколько больших районов города [27];

- Журнал «Звезда» запустил *краудфандинг*, призванный обеспечить работу редакции и выход номеров в 2022 [28];

- Беременные жительницы Воронежа раскрыли *лайфхак* для самого быстрого тестирования на коронавирус [29];

- Запрещать *овербукинг* авиабилетов нельзя, его нужно грамотно регулировать [30];

- Участники туристического рынка рассказали газете, что мошенники с помощью ботов научились резервировать все свободные слоты на сайте визовых центров, чтобы потом продать их гражданам [31];

- Почему *спиннеры* и *кликеры*, заполонившие интернет своей рекламой, очень вредны [32].

Мода на англицизмы в официальных заявлениях должностных лиц также свидетельствует о возникновении принципиально иных речевых норм и стилистических стандартов:

- RT очень талантливый *троль* [33];

- Потолок станции нового участка «Мичуринский проспект» – настоящий *арт-объект*. По всей станции рассыпаны светодиодные панели с иероглифами: вы сможете почувствовать тонкий азиатский *вайб* (vibe – вибрации, атмосфера) [34];

- Мы активно расширяем возможности «Московской электронной школы» для удобства школьников. И теперь у ребят будет возможность *зачекиниться* (to check in - зарегистрироваться) в учреждениях культуры [35];

- У всех нас разные обстоятельства и *бэкграунд* (background - исходные данные). Объездив под сотню стран, зная английский, и имея пару профессий на случай *даунишфтинга* (*downshifting* – переход на более низкооплачиваемую работу), я мог бы уехать [36];

- Очень условно фиты можно разделить по целям, для которых мы их будем использовать [37].

Вследствие непривычности, «непрозрачности» иноязычного слова его смысл является зашифрованным, непонятным для многих носителей языка, а непонятность служит символом псевдоучености. По мнению ученых, «все это происходит на фоне цивилизационного слома, грандиозной социальной мобильности, социальной динамики» [15, с. 625].

Проблема приобрела такие масштабы, что ряд ученых заговорил о культурной экспансии и даже «вестернизации» российского общества через призму лингвистики. Согласно толковому словарю английского языка Уэбстера «вестернизировать» - значит «оказывать влияние западными идеями и обычаями». Особенно активной вестернизации подверглась система образования и воспитание. И это понятно. Через систему воспитания и образования базовые ценности общества передаются новым поколениям, сохраняя таким образом самобытность культуры. А ведь состояние языка и культуры речи всегда являлись индикаторами общей культуры российского общества.

Ученые неоднозначно оценивают возможные последствия этой языковой экспансии. С одной стороны, многочисленные англицизмы, проникающие в нашу речь, - это закономерное явление, отражающее процессы интеграции, активизировавшиеся связи и взаимоотношения России с Европой и США, но ведь язык, как известно, «не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее». Тем самым «язык из категории чисто лингвистической превращается в реальную общественно-политическую силу» [5, с. 620].

Большинство лингвистов (Л.П. Крысин, М.А. Кронгауз, Л.А.Вербицкая и др.) не видят в этом никакой угрозы для русского языка и культуры, полагаясь на «способность языка к самоочищению» [16, с. 37].

Мария Каленчук, д.филол.н., с.н.с. Института русского языка РАН, отмечает, что регулировать «...языковую практику указами сверху, во-первых, невозможно, а

во-вторых, бессмысленно. Язык живой, он не останавливается в своем развитии. И он обладает способностью к самоочищению: те слова, которые нам объективно не нужны, просто немножко в нем поварятся и уйдут». Она полагает, что если бы удалось прекратить процесс заимствования и убрать из языка то, что уже в нем используется в той или иной степени, это «... будет означать лишь, что язык умер» [17].

Между тем спрос на ограничение бездумного использования заимствованных слов в российском обществе существует давно: насколько необходима заимствованная лексика, возможна ли регулировка процесса заимствования, возможна ли борьба с конкретными иноязычными словами, которые большинству исследователей кажутся ненужными, засоряющими русскую речь. Впервые этот вопрос официально был поднят председателем Совета Федерации В.Матвиенко. На заседании Совета при Президенте по реализации госполитики в сфере защиты семьи и детей она, в частности, выступила против использования в обиходной речи слов «кешбэк», «перформанс» и «каршеринг» [17].

Люди реализуют свою идентичность через выбор языка и построение высказываний. Язык, на котором они говорят, создает особую реальность, предлагая им некоторые семантические и прагматические элементы для самовыражения [18, с. 27]. Язык кодирует своего носителя, а принимая во внимание, что русский язык - язык неточный и потому образный, а если учитывать современную смесь нижегородского с английским, можно представить тип и качество мышления людей, говорящих на подобном языке. События последних лет показали, что защита языка – условие национальной безопасности и сохранение цивилизационной идентичности. Бездействие предоставляет широкий простор агрессивной политике в отношении русского языка.

В 2023г. Госдума приняла поправки к закону «О государственном языке Российской Федерации» [19], который призван защитить его от засилья иностранных слов. С 1 января 2025 года «маркетплейсы», «бизнес-коучинг», «кэшбеки», «тренды» станут вне закона в рекламе, в СМИ, при показе фильмов в кинозалах, при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения зрелищных и развлекательных мероприятий. Документ подчеркивает объединяющую роль русского языка как государственного в едином многонациональном государстве.

Развитие технологий, которое идет по всему миру, вводит новые термины. Многие инновации, которые приходят в нашу действительность, приходят с

зарубежными названиями. Такие слова не угрожают русскому языку, они довольно быстро лексикализуются (напримар, *Интернет*).

Возможности современных информационных технологий, которые используют средства массовой информации, а также современные способы рекламы и популяризации могут и должны послужить, наконец, и благому делу, а именно – пропаганде правильного русского языка и хорошей русской речи [20, с. 71].

Чингиз Айтматов говорил: «Бессмертие народа в его языке» [21]. Практически все исследователи подчеркивают, что идентичность создается и дискутируется с помощью языка. И если мы хотим сохранить культуру и самобытность нашего народа, нам необходимо беречь уникальность родного языка.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст].: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. М. : Изд-во АН СССР, 1963.
2. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни// Русский язык конца XX столетия. М., 1996
3. Рубанов В.Г. Риторика: Учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2008. 246 с..
4. Славим русское слово [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cont.ws/@fkmrf123/825103> (дата обращения 16.03.2023)
5. Хромов С.С. Русский язык и современное российское общество: регуляция и саморегуляция? // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.: в 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
6. Игнатенко И.И.К особенностям современного преподавания иностранного языка: Методическое пособие. – Ярославль-Москва: Канцлер, 2021. 160 с.
7. Володарская Э.Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 102-104.
8. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2008. Вып. 8.
9. Ремнева М.Л. Язык и культура // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2004.
10. Сиротинина О.Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов, СНИГУ им. Чернышевского. 2008. с. 5-13.
11. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
12. Сиротинина О.Б. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. СНИГУ им. Чернышевского. Саратов, 2009. С. 6-11.
13. Коптелова И.Е. Кентавры, химеры, монстры: окказиональные слова с иноязычными графическими элементами // Русский язык в современном мире: настоящее и будущее. Сб. статей. ИНИОН РАН. Москва. 2021. С. 184-193.

14. Коряковцева Е.И. Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы речевой агрессии // *Współczesna komunikacja językowa*. Prace. Slawistyczne 125 SOW. — Warszawa, 2008.
15. Бушев А.Б. Языковая динамика и социодинамика: Некоторые феномены в современном русском языке // *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.:* в 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
16. Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2014. №2. С. 32—43.
17. Козин Н. Чиновников обяжут говорить на чистом русском языке. *Парламентская газета*. 27.10.2022 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/chinovnikov-obyazhut-govorit-na-chistom-russkom.html> (дата обращения 21.04.2023)
18. Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Русский язык и языковой капитал граждан Российской Федерации // *Русский язык в современном мире: настоящее и будущее*. Сб. статей. ИНИОН РАН. Москва. 2021. С. 24-46.
19. Федеральный закон о внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» 28 февраля 2023 года N 52-ФЗ. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440549/?ysclid=lh7s2ilxnd187973641 (дата обращения 21.04.2023)
20. Химик В.В. Болезнь языка или язык болезни? // *Современная русская речь: состояние и функционирование*. Вып. II. СПб. СПбГУ. 2006.
21. Чингиз Айтматов: афоризмы, фразы, цитаты, высказывания. Сайт «Афоризмы» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aphorism.ru/authors/chingiz-ajtmatov.html?ysclid=lh7pdml7ee918007000> (дата обращения 21.04.2023)

Список источников

22. МИД РФ прокомментировал призыв извиниться за сравнение "еврейского вопроса" с "русским" 19.02.2023 ТАСС [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/16835903?ysclid=lh7tb1zig1804124786> (дата обращения 21.04.2023)
23. Marie Claire Russia. Журнал. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marieclaire.ru/inspiration/zoi-saldana-na-maiorke-id861610/?ysclid=lh7teefn6g401319289> (дата обращения 15.04.2023)
24. Информационное агентство «Республика», Карелия [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/culture/v-petrozavodsk-obsudili-kak-mozhno-prodvigat-teatralnye-idei-v-istoriyu-i-v-narod/> (дата обращения 15.04.2023)
25. Миддлтон Джеймс. Википедия_Россия [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D0%B4%D0%BB%D1%82%D0%BE%D0%BD,%D0%94%D0%B6%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D1%81> (дата обращения 15.04.2023)
26. Морозов А. Европейские ученые рассказали о неизвестной силе на Большом адронном коллайдере. *Комсомольская правда*. 16 января 2023 [электронный текст]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27452/4706808/?ysclid=lh7tnl1y2k184949769> (дата обращения 15.04.2023)

27. Аптеки-дискаунтеры [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medinfo24.ru/blogs/news/apteki-diskauntery-ponyatie-spetsifika-perspektiva?ysclid=lh7u3ly21i41486642> (дата обращения 14.04.2023)
28. Литературный журнал "Звезда" запустил краудфандинг для поддержки своей деятельности. ТАСС. 18 декабря 2021 [электронный текст]. Режим доступа: <https://tass.ru/kultura/13237359?ysclid=lh7u6bl374798379092> (дата обращения 15.04.2023)
29. Вести [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2663598> (дата обращения 15.04.2023)
30. Как решить проблему овербукинга. Ведомости. 12 августа 2018. [электронный текст]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/08/13/777966-reshit-problemu-overbukinga?ysclid=lh7uff3152630072334> (дата обращения 14.04.2023)
31. РБК: 13 февраля 2023 [электронный текст]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/13/02/2023/63e99e399a7947ed352ceabb?ysclid=lh84v vzzqx946315136> (дата обращения 14.04.2023)
32. Last Day Club [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lastday.club/pochemu-spinner-i-fidget-cube-vrednyi-dlya-zdorovya/?ysclid=lh84zoh8c236213199> (дата обращения 15.04.2023)
33. Время покажет. Передача. 1й канал. 23.06.2021. Режим доступа: <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet?ysclid=lh855rg86j367807493> (дата обращения 15.04.2023)
34. Московское метро. Официальный сайт [электронный ресурс]. Режим доступа: https://mosmetro.ru/news/detail/?news=973&ysclid=lh8535c1mm620298300&utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения 15.04.2023)
35. Лента. Новостной портал [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/11/29/mesh/?ysclid=lh8589byh0383808697> (дата обращения 15.04.2023)
36. Тимонов. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://t.me/m_timonov/9467 (дата обращения 15.04.2023)
37. VC Платформа [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/u/1273268-bahtiyar-aliev-zakulise/483179-fity-pochemu-na-zapade-eto-sobytie-a-u-nas-net?ysclid=lh85jscg7q787767811> (дата обращения 15.04.2023)

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 808.5

Бурлак Т.А. Общие черты инаугурационных речей современных лидеров Латинской Америки

Бурлак Татьяна Альбертовна

ст.преподаватель кафедры романо-германских языков
Дипломатическая академия МИД РФ, Россия, Москва
DAConfa@mail.ru

Common features of inaugural speeches of Latin America's contemporary leaders

Burlak Tatyana Albertovna

senior lecturer of Romano-Germanic Chair Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry
Russia, Moscow

Аннотация. Страны Латинской Америки различаются между собой площадью территории, населением, природными богатствами и степенью промышленного и сельскохозяйственного развития. Но, с другой стороны, у них есть много общего, и этому способствует как общая историческая судьба, так и современные интеграционные процессы. В предлагаемой статье выявляются и анализируются общие темы в выступлениях во время инаугурации президентов ведущих стран Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка; инаугурационная речь; латиноамериканские лидеры; общий контент; характерные черты.

Abstract. The countries of Latin America differ among themselves in territory, population, natural resources and the degree of industrial and agricultural development. But, on the other hand, they have a lot in common, and it is facilitated by both a common historical way and modern integration processes. The article identifies and analyzes common topics in inaugural speeches of the presidents of Latin America's leading countries/

Key words: Latin America; inaugural speech; Latin American leaders; common content; characteristics

Предыдущие исследования автором инаугурационной риторики президентов трех ведущих латиноамериканских государств – Мексики, Аргентины и Чили [1; 2; 3; 4] - подвели к задаче сравнить и выделить общие черты и темы, объединяющие выступления политических лидеров, если таковые имеются.

Среди публичных выступлений политиков, адресованных обществу, различают ритуальные и информативные жанры. В ритуальных жанрах информативность замещается фатикой, а форма сообщения подчиняет себе вербальные составляющие текста. К ритуальным жанрам можно отнести инаугурационное обращение, юбилейные выступления, традиционные речи политиков, которые, прежде всего,

ориентированы на выражение идеи интеграции, единения народа, общности судьбы [5, с. 169].

Объектом настоящего исследования являются инаугурационные речи А.Мануэля Лопеса Обрадора (Мексика), А.Фернандеса (Аргентина) и Г.Борича (Чили). Всего 4 выступления, т.к. два выступления А.Мануэля Лопеса Обрадора рассматриваются как инаугурационные. **Предметом** являются предметно-содержательные темы этих выступлений. В исследовании применяется сравнительный и контент анализ президентских выступлений.

Главной характеристикой выступления является представление основных действий правительства и его подробной программы действия, охватывающей различные общественно-политические проблемы, как те, что достались в наследство от прежних руководителей страны, так и те, которые предстоит решать новому [6, с. 712].

Первое, что необходимо отметить, это содержащийся в каждой речи *обзор или анализ текущего внутреннего положения страны* (экономического и социально-политического). Разумеется, в зависимости от характера и особенностей, накопившихся в той или иной стране проблем, от политического опыта президентов, уровня их профессионализма и даже от их общего образовательно-культурного уровня эти выступления могут отличаться друг от друга степенью глубины такого анализа, актуальностью имеющих в их странах проблем. Тем не менее, традиционно практически каждая инаугурационная речь вышеупомянутых латиноамериканских руководителей начинается с обзора текущего положения в стране. Так начинает своё выступление и президент Мексики А.Мануэль Лопес Обрадор, и руководитель Аргентины Альберто Фернандес. У молодого президента Чили Г.Борича по сравнению с его более опытными коллегами данная тематика занимает в его выступлении меньше места, но и он не отступает от общепринятой традиции и также уделяет внимание внутреннему положению своего государства.

Далее, как правило, следует *обозначение нерешённых в государстве или требующих безотлагательного решения проблем*, а также *постановка перед обществом целей и задач*, призванных решить эти проблемы. «Коррупция в неолиберальный период стала основной функцией политической власти», - констатирует в своей инаугурационной речи президент Мексики А.М.Лопес Обрадор [7]. Также он считает необходимым преодолеть в мексиканском обществе бедность и маргинальность и тем самым снизить уровень имеющегося в стране социального неравенства. Руководитель Аргентины А.Фернандес, называя главные вызовы и

проблемы, стоящие перед страной, говорит, прежде всего, о выводе страны из глубокого экономического кризиса. Для президента Чили Г.Борича основными вызовами являются изменение климата, миграционные процессы, глобализация экономики, энергетический кризис.

Любопытно и весьма примечательно то, что все три лидера обозначают перед своими согражданами фактически одну и ту же цель. А.М.Лопес Обрадор формулирует её так: «Возрождение Мексики приведет к появлению образцовой державы, которая продемонстрирует миру более справедливое, демократическое, братское и счастливое общество» [7]. Лидер Аргентины А.Фернандес определяет ближайшую и конечную цели, стоящие перед страной, следующим образом: «Поставить Аргентину на ноги. Чтобы она вновь зашагала. Достоинно. В направлении развития социальной справедливости....создать страну для всех» [9]. Им вторит и президент Чили Г.Борич, по мнению которого целью всего чилийского общества должна стать идея «построения достойной и справедливой страны» [10].

Исходя из унаследованных от прошлого проблем и провозглашённых целей, затем определяются конкретные задачи. Для А.М.Лопеса Обрадора такой задачей становится борьба с коррупцией, преступностью, насилием, бедностью и социальным неравенством. Для А.Фернандеса главной задачей является переориентация национальных приоритетов, в первую очередь, в области экономики и в сфере производства. Для Г.Борича первостепенной задачей является перераспределение национальных богатств в пользу большинства населения и принятие страной новой конституции.

Причём, как правило, выполнение данных целей и задач возлагается непосредственно не только на новую администрацию и главу государства. К активной реализации поставленных перед страной целей и задач призывается всё общество в целом. Это можно услышать и в выступлении А.Фернандеса, и в выступлении Г.Борича, которые постоянно говорят «Мы», ассоциируя себя и своё правительство со всей нацией.

Характерно для инаугурационных речей лидеров региона *обозначение путей достижения целей и решения стоящих перед государством задач*. «Сегодня начинается трансформация, изменение политического режима. Мы начинаем проведение в Мексике Четвертой политической трансформации», - заявляет А.М.Лопес Обрадор [7]. Президент предлагает план социальных реформ, так называемых «программ благосостояния» (*los programas del bienestar*), разработанных новым правительством социально-экономических программ, которые

оно намерено проводить в жизнь, чтобы обеспечить повышение жизненного уровня простых мексиканцев [7]. По мнению А.Фернандеса, в Аргентине необходимо принять комплекс срочных мер в экономической и социальной сферах и приступить к их неотложной реализации. Новый президент Чили Г.Борич говорит о необходимости восстановления чилийской экономики, обеспечения её устойчивого развития.

Типичным для инаугурационных речей латиноамериканских лидеров является *преобладание внутренней повестки над международной*. По сравнению со своими собственными проблемами латиноамериканские президенты уделяют международным вопросам мало внимания. Развернутого анализа международной обстановки, положения в мире, современного состояния международных отношений в данных выступлениях почти не встретишь. Так, например, президент Мексики А.М.Лопес Обрадор просто констатирует, что Мексика поддерживает хорошие отношения со всеми странами мира, а также цитирует закрепленные в конституции принципы внешней политики страны: невмешательство в дела других стран, мирное решение конфликтов, сотрудничество в целях развития [7]. Президент Чили Г.Борич мимоходом напоминает, что «ко всем трудностям добавляется еще международный контекст, отмеченный насилием, происходящим во многих частях мира, а сегодня - еще и войной» [10]. О внешнеполитических задачах страны он тоже говорит коротко, заявляя, что «Чили всегда будет придерживаться принципа уважения прав человека, независимо от того, какой ориентации придерживается правительство, которое их нарушает». Он также отмечает, что его команда будет соблюдать принцип «политической независимости на международном уровне, не подчиняясь никогда никакой державе, и будет всегда придерживаться политики сотрудничества между народами» [10]. Аргентинский лидер А.Фернандес кратко заявляет, что «Аргентина будет придерживаться принципов мира, защиты демократии, полного соблюдения прав человека. Мы будем защищать свободу и независимость народов, их право самим решать свою собственную судьбу» [9]. В другой части своего выступления он напоминает международному сообществу о том, что Аргентина и дальше будет настаивать на своём суверенитете над Мальвинскими островами, Южной Георгией и Южными Сандвичевыми островами, а также над прилегающими к ним морскими пространствами [9]. В части речи, посвящённой экономическим проблемам страны, он делает короткое заявление о том, что его правительство будет выстраивать конструктивный диалог с МВФ и со своими кредиторами [9].

Оценку международного положения и положения в мире собственной страны, как правило, можно услышать в ежегодных посланиях президентов к Национальному Конгрессу (парламенту страны).

Характерно для инаугурационных речей латиноамериканских президентов и постоянное подчеркивание *принадлежности своего государства к единому латиноамериканскому сообществу*, к одной «латиноамериканской семье», состоящей из братских народов, населяющих страны региона. Например, лидер Мексики А.М.Лопес Обрадор называет Кубу «братской республикой», а экс-президента Боливии Эво Моралеса - «другом» [7]. Президент Аргентины А.Фернандес указывает, что Латинская Америка - «наш общий дом», напоминая об «историческом братстве наших народов» и призывая делать ставку «на сплочённую и объединённую Латинскую Америку» [9]. Новый лидер Чили Г.Борич говорит о Латинской Америке, подчёркивая, что «мы являемся стопроцентными латиноамериканцами». Передавая привет «братским народам», он заявляет: «Мы должны работать вместе с нашими братьями» [10].

Данное обстоятельство имеет вполне объективное и логичное объяснение. Учитывая интенсивное развитие в последние десятилетия в Латинской Америке различных интеграционных процессов, данная общая черта в выступлениях этих лидеров является вполне обоснованной и естественной. Поэтому в их инаугурационных речах можно встретить упоминание и об *общерегиональных проблемах*. А.М. Лопес Обрадор, например, в своем выступлении говорит о Договоре о свободной торговле с США и Канадой, а также о такой злободневной проблеме, как процесс миграции в Соединенные Штаты, который, по его мнению, необходимо превратить из вынужденного в добровольный процесс [7]. Президент А.Фернандес говорит о важности развития региональной интеграции в целом, но и о необходимости укрепления и торгового блока МЕРКОСУР. Развивать сотрудничество в рамках этого регионального объединения он намерен вместе своим основным торговым партнёром, Бразилией, с которым надо «создавать амбициозную, инновационную и креативную повестку» [9].

Относительно новым моментом в инаугурационных речах латиноамериканских лидеров, который, видимо, становится типичным, является упоминание в ходе выступления проблем проживающих в том или ином государстве коренных народов региона. Так, президент Мексики А.М. Лопес Обрадор в своей речи на площади Сокало особо выделяет и отдельно говорит о коренных народах Мексики, о необходимости защищать их права, свободы, уважать их древнюю культуру,

традиции и обычаи. «Мы будем уделять особое внимание коренным народам Мексики», «Во всех правительственных программах предпочтение будет отдаваться такой категории населения, как коренные народы, представляющие различные культуры страны», - заявляет он [8]. Президент Чили Г.Борич считает, что проживающие на юге страны индейцы племени мапуче имеют полное право жить на этих землях и что возникший там конфликт является конфликтом не только этого коренного народа, а конфликтом между мапуче и чилийским государством. По его мнению, представители коренных народов Чили также должны принимать участие в разработке и принятии новой конституции страны [10].

Все выступления латиноамериканских лидеров носят ярко выраженный *популистский характер*. Проявляется это, прежде всего, в обещаниях своим согражданам улучшить их жизнь, (в первую очередь, за счёт улучшения их материального положения с помощью увеличения зарплат, пенсий, стипендий, пособий, совершенствования систем здравоохранения и образования), а также модернизировать или трансформировать существующее общество (вести борьбу и искоренять такие социальные язвы, как безработица, , преступность, коррупция, наркотрафик, т.д.).

Лидер Мексики А.М. Лопес Обрадор подчёркивает, что «все люди имеют право быть счастливыми и жить хорошо» [7]. Исходя из этого, он сразу заявляет, что его правительство в своей повседневной работе будет уделять первостепенное внимание самым уязвимым слоям населения, таким, как бедные, малоимущие семьи, инвалиды. «Бедные прежде всего», - провозглашает он [7]. Поэтому подробно рассказывает о социально-экономических мерах, направленных на повышение уровня жизни рядовых мексиканцев (повышение зарплат, стипендий, различных социальных выплат). Кроме того, делает ряд других, довольно привлекательных, обещаний, таких, как: «Будет покончено с безнаказанностью», «Никому не будет позволено нарушать Конституцию и законы», «Подтверждаю взятое обязательство не лгать, не воровать и не предавать народ» [7].

Президент Аргентины А.Фернандес, говоря о необходимости «развития социальной справедливости» в стране, призывает «начать с самых обездоленных, чтобы охватить всех» [9]. При этом он подчёркивает, что «не должно быть аргентинцев первого и второго сорта», что каждый аргентинец, должен иметь «право на свой кусок от общего пирога» [9]. Далее подробно излагает ряд первостепенных задач правительства в социальной сфере (строительство жилья, улучшение систем здравоохранения и образования, развитие и совершенствование инфраструктуры,

т.д.), говорит о важности совершенствования судебной и правоохранительной систем, указывает на необходимость государства проводить более активную политику в области защиты прав человека и окружающей среды.

Президент Чили Г.Борич, говоря о необходимости перераспределения национальных богатств в пользу большинства чилийцев, призывает построить «лучшую и справедливую страну», «которая будет защищать нас, принимать, беречь, которая будет гарантировать соблюдение прав и справедливо воздавать за вклад и жертвенность, которые каждый из вас, жителей нашей родины, вносит в дело развития нашего общества» [10].

Преследуя популистские цели, эти лидеры довольно умело играют на национальных и патриотических чувствах своих сограждан. Например, говоря о необходимости отстаивать суверенитет Аргентины над Мальвинскими островами, континентальным шельфом и Аргентинской Антарктидой, А.Фернандес заявляет, что «находящиеся там природные ресурсы принадлежат всем аргентинцам» [9]. А.М. Лопес Обрадор произносит настоящую хвалебную оду мексиканскому народу, который, по его мнению, отличается большим трудолюбием, предприимчивостью, упорством, честностью, борцовскими качествами и любовью к ближнему.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в инаугурационных выступлениях ряда латиноамериканских лидеров явно просматриваются общие черты, в первую очередь с точки зрения затрагиваемых ими тем. Этот факт в значительной мере объясняется как схожими целями и задачами, стоящими перед этими руководителями и странами, так и их принадлежностью к единому сообществу латиноамериканских государств.

Список литературы

1. Бурлак Т.А. Отличительные черты первого выступления А.М.Лопеса Обрадора в качестве главы государства. Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник научных статей. Москва. Квант Медиа. 2021. С.24-34.
2. Бурлак Т.А. Сравнительный анализ выступления президента Мексики А.М.Лопеса Обрадора на площади Сокало и его инаугурационной речи в Национальном Конгрессе // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Научно-методический журнал. Киров. № 1(22). 2022. С.36-42.
3. Бурлак Т.А. Инаугурационная речь президента Аргентины А.Фернандеса как образец выступления зрелого политического деятеля. Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов IV ежегодной международной научно-практической конференции New World. New Language. New Age. 2021. С.17-23.

4. Бурлак Т.А. Инаугурационная речь Г.Борича. Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник научных статей. Москва. 2022. С.7-14.
5. Коптелова И.Е. Конвенциональные темы в ритуализованном политическом дискурсе // Политика и культура: пространство игры. Сб. научных статей. Будапешт-Киров. 2020. С. 167-172.
6. Коптелова И.Е. Риторика победы: предметно-тематический анализ объявления победы в президентской избирательной кампании в США (1996-2016гг.) // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации. Сб. материалов конференции. Москва. 2020. С. 711-719.
7. Discurso completo del Presidente López Obrador en su toma de posesión en el Congreso de Diputados: [youtube.com/watch?v=InmcZEE2aIGU](https://www.youtube.com/watch?v=InmcZEE2aIGU).
8. Primer discurso de AMLO en el Zócalo: [youtube.com/watch?v=FQMkGOIBbg](https://www.youtube.com/watch?v=FQMkGOIBbg).
9. La exposición del Presidente tras la jura. El discurso completo de Alberto Fernández en el Congreso. 10 de diciembre de 2019: <https://www.pagina12.com.ar/235729-el-discurso-completo-de-alberto-fernandez-en-el-congreso>.
10. Primer discurso en el Palacio de La Moneda del Presidente Gabriel Boric Font 11.03.2022 : <https://prensa.presidencia.cl/discurso.aspx?id=188237>.

UDC 811.131.1

Самарина М.С. Franciscan Missionaries of the Middle Ages: A Linguistic Aspect

Samarina Marina Sergeyevna

Doctor of Philosophy, Full Professor at Romance Philology
Department, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, The Russian Federation
m.samarina@spbu.ru

Францисканские миссионеры средневековья: лингвистический аспект

Самарина Марина Сергеевна

доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург,

Аннотация. В статье рассматривается лингвистический аспект деятельности средневековых францисканских проповедников в контексте отсутствия общенационального языка на территории Рومании, в условиях европейского многоязычия, а также в арабских странах, на Дальнем Востоке и в Новом Свете. Анализируются документы и свидетельства современников о степени владения проповедниками различными языками и диалектами. Подчеркивается, что в этих сложных лингвистических условиях миссионеры-проповедники были вынуждены не только овладевать новыми языками, но и использовать невербальные способы коммуникации. Делается вывод о том, что именно благодаря лингвистической активности миссионерских орденов католическая церковь распространила свое влияние по всему миру.

Ключевые слова: проповедь, францисканцы, диалекты, латынь, народные языки.

Abstract. The article deals with the linguistic aspect of medieval Franciscan preachers' activity in the circumstances of the lack of a common national language in Romania, also in the European multilingual environment, and in Arab countries, in the Far East and in the New World. Documents and contemporary accounts of the preachers' proficiency in different languages and dialects are analyzed. It is stressed that in those difficult linguistic conditions, missionaries were forced not only to learn new languages, but also to use non-verbal means of communication. The conclusion is drawn that it was owing to the linguistic activity of missionary orders that the Catholic Church spread its influence throughout the world.

Keywords: preaching, Franciscans, dialects, Latin, vernacular languages

The Franciscan order is a most important missionary organization within the Catholic Church. Their mission since its inception (1208) has been to preach Christianity to different peoples on all the continents. It is undoubtedly owing to their missionary work that Catholics in the world of today outnumber 1.3 billion people.

It is necessary to dwell on the specific linguistic diversity of the medieval world in which missionaries had to preach. The task of the preacher in the various linguistic

environment of medieval Europe was quite difficult, especially in the absence of a national literary language almost everywhere and the existence of a large number of dialects, especially in Italy. Of course, the availability of an inter-state and inter-church language, i.e. Latin, in medieval Europe played an extremely positive role and facilitated inter-ethnic communication at large [11]. However, Latin could not completely solve the problem because classical Latin was inaccessible to illiterate or semi-literate listeners, who were the majority. An itinerant missionary preacher, therefore, found himself in a difficult position: he had to know several languages, including dialects, and be proficient in what is known as "vulgar" vernacular Latin, understood by the lowest strata of the population, and, of course, to have an extraordinary ability to learn new languages.

Unfortunately, there are no exact surviving records of their sermons which gathered hundreds and sometimes thousands of listeners, and we can make only vague judgments as to their language. Their language was certainly the so-called *volgare* ("a vernacular language" that served an intermediate stage between Late Latin and the national languages), full of Latinisms and adapted to the language of the region as much as it was possible with the help of simple elementary clichés, borrowed from the well-known texts of the Bible. A large number of Latinisms did not hinder, but rather made it easier to understand the sermons, as these Latinisms were exclusively of liturgical origin and, therefore, were familiar to everyone. In this context it is reasonable to recollect an interesting work, the Franciscan *Chronicle* by Salimbene, which contains a vast material on the turbulent socio-political and cultural and, of course, linguistic history of Italy and of the whole Mediterranean region in the 13th century, as well as on the Franciscan preaching activities in an alien linguistic environment [3]. A major researcher of Italian history I. Baldelli reasonably argues that the activity of the Franciscans as itinerant preachers did a lot to seriously change the cultural and linguistic picture of Romania and Italy, in particular [4].

It was not always true that Franciscan sermons were easy from a linguistic point of view because of the alien dialectal surroundings, which made it difficult for the preacher to communicate with the audience. Thus, biographers of Francis of Assisi, the founder of the Order, tell of his sermon in Bologna in 1222 when he tried to reconcile the warring parties. Francis was addressing speakers of the Bolognese dialect (which is known to be among the most "obscure" of Italy's myriads of dialects), as well as the representatives of other Italian regions who were also present at the sermon. Despite the fact that Francis' native tongue was the Assisi version of the Umbrian dialect; his sermon was understood by all and any and achieved its ultimate goal of peace.

On the occasions when Francis of Assisi and his followers had to speak before a crowd who knew a particular dialect, they would simply and emotionally recite well-known texts of the Holy Scriptures, accompanying them with expressive gestures and scenes from biblical stories. On such occasions, preachers used all means of expression, including non-verbal, and the sermon became a theatrical performance, sometimes dramatic: Francis made a special impression on his audience by his so-called "mute sermon" in San Damiano, when he simply stood in the centre of a circle of ashes and sprinkled them upon his head. There are interesting historical records that for maximum clarity and concretization of his sermons Francis introduced the so-called *presepio*, i.e. figurines of the infant Jesus, the Virgin Mary, the Magi, the shepherds and other characters of the Nativity.

In the Franciscan literature of the time there exists interesting linguistic evidence which referred to the linguistic situation outside Italy. Thus in 1221, in the lifetime of Francis of Assisi, the founder of the Order, it was decided to send a group of Franciscans to preach 'beyond the Alps to the Teutonic Kingdom' [6]. Later, in 1224 another large group of Franciscan preachers landed in England, where they found themselves in a particularly difficult linguistic environment of the bilingualism. The Anglo-Saxon local populations of the time and their Norman rulers were speaking two different languages.

Notwithstanding the difficulties, the Franciscans did well and the Order soon became renowned for its polyglot preachers, i.e. Giovanni del Plano Carpine (a famous traveler to the Orient), Barnaba Teutonicus, Simon da Magdebourg (professor of theology at Magdebourg), Fernando of Lisbon (Fernando de Lisboa later named Antonio of Padua).

The Franciscan Order very quickly became international in its composition: the founder of the Order Francis of Assisi, being half-Italian and half-French, spoke Italian, French, Provençal and Latin; the outstanding preacher Antony of Padua was of Portuguese origin; the no less famous preacher Berthold von Regensburg was of German origin; the Order third general (1240-1244) Aimone of Faversham was of English birth. Many names of Franciscan preachers of the 13th and the beginning of the 14th century have come down to us, and these names evidence the diverse international community of the new Order [10].

A special emphasis should be made on the expansion of Franciscan missionary activity to other continents, especially to the Arab countries of North Africa. This above all refers to the work of Raymond Lullius, the founder of Catalan literature, who studied Arabic in order to preach Christianity among Muslims and eventually became the founder of European Arabic studies [5]. It should be emphasized that the study of Arabic in Europe had a long tradition as it was connected with the Arab conquest of Spain and Sicily, and with numerous contacts with Arab countries.

In Asia missionaries faced an even greater challenge as they had to communicate with the locals in a linguistic environment that was completely foreign to them: the Franciscans, for instance, were the first Europeans to visit the Mongol Empire. The account of the visit of the Franciscan papal envoy Plano Carpine to Khan Batyi (to the Golden Horde in 1245-1247) is still a fascinating source for the history of the Tatar-Mongol yoke, especially its famous description of the Tatar-Mongol horrifying ravaging of Russia and the siege and fall of Kiev [2].

Another mission consisting of Franciscan friars the Flemish Guillaume de Rubrouck and the Italian Bartolomeo da Cremona was sent to Khan Batyi in 1252 on orders from King Louis IX of France. They were to land in the Crimea (in the Italian fortress of Sudak) and reach the lower part of the Volga. Although their mission was unsuccessful (the Tatar Khan called himself 'Lord of the World' in his letter to the French King and demanded an oath of allegiance from him), its outcome was the book *Journey to the Orient* [1, c. 79-194] a geographical masterpiece of the Middle Ages, which greatly enlarged Europeans' knowledge of the Orient, of unknown peoples and their languages: Tatars, Kyrgyz, Tuvin, Koreans, and Chinese.

In later time, in the 14th century, the Franciscan preacher Odorico da Pordenone [8], who had preached in Armenia, Persia, India, and China, established a mission in Tibet. The Franciscan John of Montecorvino (Giovanni da Montecorvino), who had preached in India, founded a Catholic mission in China and Taiwan (Formosa island), became the first archbishop of Beijing, translated the Catholic Mass into Chinese and composed a poetic hymn in Chinese [7]. Having studied Chinese and Mongolian, he was also ambitious to teach Greek and Latin to children, build a Catholic church and language school just opposite the imperial palace in Beijing.

The linguistic problem was particularly acute when Christian missionaries arrived in the New World with Columbus' expedition in 1492 and faced the previously unknown languages of the American Indians. Those, as is well-known, are languages whose structure has nothing in common with the European languages. Nevertheless, the linguistic challenges were overcome and communication with the native population became possible fairly quickly, thanks to the missionaries' focus on learning local languages. Moreover, during the Age of the Great Geographical Discoveries Franciscans who always accompanied the intrepid explorers became not only missionaries and preachers, but also the first researchers of the New World culture, especially of Aztec antiquities. Bernardino de Sahagun's book *General History of the Affairs of New Spain* (1547-1577), written simultaneously in both

Spanish and Nahuatl [9] was the first comprehensive encyclopedia of the culture of that ancient civilization.

Thus we see that linguistic activity has played a paramount role in the spread of Christianity since its inception; it is owing to this fact that Catholicism is the largest faith in the world judging by the number of their believers, and, above all, Catholics all over the world are united by a common linguistic component - the Latin language.

List of references

1. Zafarana Z. La predicazione francescana// Espansione del francescanesimo tra occidente e oriente I secolo ne XIII. Atti del VI Convegno Internazionale. Assisi, 12-14 ottobre 1978. Assisi. 1979. P. 203 – 250
2. Салимбене де Адам. Хроника /Пер.с лат. М.:РОССПЭН, 2004. 984 с
3. Baldelli I. L'azione del francescanesimo nella promozione delle lingue popolari nel Vecchio e nel Nuovo Mondo// Fondamenti. N 7. 1987. P.141 – 159
4. Freed J.B. The Friars and German Society in the Thirteenth Century. Cambridge, 1977
5. Schneyer J.B. Repertorium der lateinischen Sermones des Mittelalters fur die Zeit von 1150 – 1350. 9 voll. Munster, 1969 – 1980.
6. Doctor Illuminatus: a Ramon Llull Reader. Ed.A.Bonner. Princeton, 1993
7. Плано Карпини. История монгалов именуемых нами татарами. Перевод А.И.Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпине и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. – 272 с
8. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А.И.Малеина М: Географгиз, 1957. – 232 с
9. Marcellino da Civezza. Storia universale delle missioni francescane. Vol.III. Roma 1859. P.739-781
10. Lauren Arnold. Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscain Mission to China and its Influences on the Art of the West, 1250-1350. Desiderata Press, 1999. – 239 p
11. Sahagun, Bernardino de. Historia general de las cosas de Nueva Espagna. Mexico. 1829

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81

Васильев М.П., Хохлов К.М. Языковые маркеры гуманизма (на основе произведений «Бегущего по лезвию»)

Васильев Михаил Павлович

студент кафедры лингвистического образования
Южного Федерального Университета, РФ, г. Ростов-на-Дону
mvasilyev15@gmail.com

Хохлов Кирилл Михайлович

студент кафедры менеджмента и инновационных технологий
Южного Федерального Университета, РФ, г. Ростов-на-Дону
khokhlov@sfedu.ru

Language markers of humanism (based on "Blade runner")

Vasiliev Mikhail Pavlovich

student of the Department of Linguistic Education Southern Federal University
Russian Federation, Rostov-on-Don

Khokhlov Kirill Mikhailovich

student of the Department of Management and Innovative Technologies
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don

Аннотация. Данная научная работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке лингвистики и философии. Статья представляет собой исследование проявления гуманизма в речи говорящего. Цель работы — рассмотреть языковые маркеры, которые указывают на выражение гуманизма, и выявить их проявления в речи. Статья акцентирует внимание на связь культуры и языка. Статья посвящена детальному анализу фэнтезийной вселенной «Бегущий по лезвию» и андроидов в этом мире. В результате исследования были выявлены характерные языковые конструкции, отражающие гуманистические ценности, проанализированы их особенности. Авторы попытались выявить "человечность" репликантов в «Бегущем по лезвию» с помощью анализа их речи. Дискуссионными остаются вопросы о социальном статусе репликантов и их месте в этом мире. Данная проблема не до конца проработана и требует дальнейших исследований. Работа рассчитана на специалистов в области лингвистики и философии.

Ключевые слова: гуманизм, языковой маркер, язык, речь, культура, сознание, мышление.

Abstract. This scientific work has an interdisciplinary character, written at the intersection of linguistics and philosophy. The article is a study of the manifestation of humanism in the speaker's speech. The purpose of the work is to consider the language markers that indicate the expression of humanism, and to identify their manifestations in speech. The article focuses on the connection between culture and language. The article is devoted to a detailed analysis of the fantasy universe "Blade Runner" and androids in this

world. As a result of the study, characteristic linguistic constructions reflecting humanistic values were identified, their features were analyzed. The authors tried to identify the "humanity" of replicants in "Blade Runner" by analyzing their speech. Questions about the social status of replicants and their place in this world remain debatable. This problem has not been fully worked out and requires further research. The work is intended for specialists in the field of linguistics and philosophy.

Keywords: humanism, language marker, language, speech, culture, consciousness, intellection.

Вопросы морали, человечности и гуманности волновали людей с давних времён. В современном мире гуманизм проник в сферы человеческой деятельности, вплоть до бытовых проблем. Гуманность проявляется в повседневности, при взаимодействии с культурой и обществом. Человек старается думать не только о своём благополучии, но и о благополучии других людей. Совокупность идей или идеологии, которые ставят высшей ценностью человека – так, вкратце, можно сформулировать понимание гуманизма в современной философской мысли. [1, с. 8]. Согласно толковому словарю Ожегова, гуманизм – человечность в общественной деятельности, в отношении к людям [10]. Гуманизм – принцип или движение, утверждающее, что все люди равны, независимо от их расы, пола, религии или экономического статуса. Гуманность имеет несколько духовно-культурных форм и значений. К таковым можно отнести естественные права человека, взаимоуважение, свободу воли, культурные и духовные ценности, справедливость, социальные и этические нормы [2, с. 73].

Итак, выше мы попытались разъяснить, что означает «гуманизм». Перед нами стоит задача: определить, кто и как может проявлять гуманность? Отвечая на вопрос “кто?”, мы с уверенностью можем сказать, что это человек. Именно люди способны проявлять гуманизм, потому что они обладают сложными мыслительными процессами, такими как: эмоции, социальные навыки, интеллект, речь, язык, которые позволяют им понимать и проявлять чувства. Вышеперечисленные процессы тесно связаны друг с другом.

Рассмотрим данную связь поближе. Каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой достигаются цели общения. Стоит уточнить, что язык – это система облечённых в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации, а речь – это процесс комбинации знаков; процесс говорения и результат этого процесса [11, 12]. Язык не может существовать вне культуры. Язык – часть культуры, основной инструмент её усвоения, форма мышления, которая

образует миропонимание [3, с. 539]. Также стоит отметить, что без мышления не существует языка, они едины. При этой связи мы говорим о языковом мышлении, которое коррелируется с коммуникативной и когнитивной функций [4, с. 107].

Культура даёт представление о мироустройстве, закладывает базовые этические установки, которые позже проявляются через язык, мышление и речь. Тем самым, культура предоставляет основание для понимания и реализации гуманности.

Мы рассмотрели то, как гуманизм связан с культурой и раскрыли формы гуманности. Теперь, отвечая на вопрос “как?”, наш взгляд должен перейти на методы выражения гуманности.

Социальная и общественная активность – участие в социальных движениях, волонтерство, борьба за права людей.

Коммуникативная интенция — выражение гуманизма через речь.

Так, мы можем понять, что принцип гуманизма выражается через мысли, слова и поступки, и как ранее мы указывали, основан на фундаменте моральных и этических норм.

Что же нам поможет понять, что гуманизм выражается через речь? Для ответа на наш вопрос перейдём к рассмотрению серий произведений «Бегущего по лезвию». Наш выбор остановился на книге Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», которая и послужила основой для создания двух фильмов «Бегущий по лезвию», также рассматриваемые в данной работе.

Филип К. Дик – американский писатель-фантаст, чьи работы стали известными своей оригинальностью и глубокой философской направленностью. Филип Дик является одним из самых влиятельных авторов в жанре научной фантастики, а также в смежных областях, таких как фантастика-детектив и фантастический хоррор. Его творчество повлияло на жанр фэнтези в кино. Ранее упомянутые части «Бегущего по лезвию», «Матрица», «Вспомнить всё» — это только малая часть фильмов, которая была вдохновлена идеями Филипа Дика. «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» – один из известнейших фантастических романов Дика. Мы можем увидеть влияние данного произведения на кинематограф, культурные аспекты и литературу. «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта и «Бегущий по лезвию 2049» Дени Вильнёва – это примеры воздействия творчества Филипа Дика на культуру. Именно эти произведения мы выбрали для рассмотрения в нашей работе, потому что роман и фильмы затрагивают широкий спектр философских, социальных, этических и культурных вопросов.

Действие книги и фильмов происходит в будущем в период 2019 и 2049 годов. В этом мире Земля находится на грани экологического краха, и большая часть населения переехала на другие планеты в поисках лучшей жизни. В этом мире люди занимаются созданием репликантов – синтетических людей. Андроиды не отличимы от людей, однако они созданы с более высокой силой и выносливостью для выполнения опасных и трудных задач. Люди верят, что репликанты не обладают человеческой душой, поэтому человечество не ставит андроидов на свой уровень, так как они видят в них только бездушных роботов-рабов. Существует несколько моделей репликантов, все они отличаются физическими и когнитивными характеристиками. Nexus-6 обладает высоким уровнем интеллекта и сильными эмоциональными реакциями. Они имеют ограниченный срок эксплуатации в 4 года и не обладают возможностью самоусовершенствования. В дальнейшем создаётся модель Nexus-8 – более усовершенствованная версия репликантов, которая обладает возможностью самоусовершенствования и улучшения своих физических и умственных способностей. Искусственные существа в данном фантазийном мире сталкиваются с проблемой собственной идентичности и статуса в обществе. Репликанты созданы, чтобы служить людям, и им не присваивается статус полноценного члена общества. Мы заинтересовались поиском языковых маркеров гуманизма именно в речи андроидов, потому что нахождение таких маркеров может указывать на то, что репликанты способны чувствовать и переживать как люди, они заслуживают уважения и равных прав. Проявление гуманизма в речи репликанта могут быть важными сигналами того, что граница между человеком и машиной не является абсолютной.

Мир «Бегущего по лезвию» задаёт вопрос о реализации сильного и слабого искусственного интеллекта. Слабый ИИ – машина, которая способна решать только узкий набор задач, своего рода имитация отдельных функций естественного интеллекта, в то время, как сильный ИИ – теоретический уровень искусственного интеллекта, который имеет возможность решить любые задачи наравне с человеком, который принимает решения в сложных и неопределённых задачах [5, с. 34]. Андроиды в этой вселенной явно являются сильным ИИ – превосходят человека в физических возможностях, могут обучаться и адаптироваться к любым условиям, а также решать любые задачи по образу и подобию человека. Они «рождаются» уже с определёнными знаниями о мире, так как они имеют представление о языке, у них сформирована речь, присутствуют эмоции, и роботы понимают мироустройство. Культура придаёт ценность, структуру знаний и социальные роли [6, с. 45].

Получается, что репликанты наделены культурой, которая помогает им во взаимодействии с другими членами общества. Тут и происходит столкновение идей гуманизма с концепцией трансгуманизма. Первая теория признаёт ценность и уникальность каждой личности, верит, что научно-технический прогресс должен помочь улучшить жизнь человека, в то же время, трансгуманизм видит в научно-техническом прогрессе путь невероятного совершенствования умственного и физиологического потенциала человека, то есть создание нового типа людей, который преодолет человеческие ограничения. [7, с. 173]. Конфликт между двумя принципами в «Бегущем по лезвию» проявляется через противостояние людей и андроидов. Человечество видит в репликантах низших существ без души, перед нами встают вопросы, могут ли «бесчувственные» роботы проявлять гуманизм через речь? Какие маркеры нам позволяют понять, что определённая реплика – это проявление гуманизма?

Так как наша задача состоит в рассмотрении языковых маркерах, то язык играет в изучении данного вопроса огромную роль, так как язык – больше, чем просто коммуникация. Язык – это форма выражения культуры [6, с. 195]. А как мы ранее утверждали, гуманизм тесно связан с культурой и речью, которые уже вложены в репликантов. Так как мы рассматриваем гуманизм в речи, то разговоры – это основная цель нашего исследования. В разговорах люди выстраивают культурные связи и знания, конструируют грамматику для самого разговора [6, с. 118]. Поэтому для построения диалога людям надо обладать теми же знаниями и теми же представлениями о мире.

Для дальнейшего рассмотрения языковых маркеров в речи, мы должны раскрыть понятие «языковой маркер»? К сожалению, данный вопрос мало освещен в научной сфере. Д. Эверетт утверждал, что маркер – это лингвистическая единица, которая помогает слушающему использовать информацию или отреагировать на неё, как задумывал говорящий [6, с. 157]. Способ реализации фактической функции, как речевой приём когнитивных высказываний – так описываются «языковые маркеры» Т. Т. Черкашиной [8, с. 112]. Попробуем дать определение данному понятию. Языковой маркер – это слова, выражения или конструкции языка, которые используются для выражения конкретных значений, и могут служить индикаторами определённых социальных, культурных и личностных характеристик говорящего. Изучение языковых маркеров может помочь понять, как язык связан с общественными и культурными нормами и ценностями, как они влияют на коммуникацию между членами общества.

Рассмотрим использование языковых маркеров гуманизма в речи в сериях произведений «Бегущий по лезвию». Одним из таких способов является извинение, которое служит гуманистической установкой. При извинении мы признаём ошибку, выражаем заботу о другом человеке, стремимся восстановить и поддержать межличностные отношения, а также проявить уважение к личности. «И простите меня, Изидор», говорит репликант Рой, когда андроид нагрубил Изидору [13, с. 218]. В фильмах также присутствуют примеры выражения гуманизма через извинения. Так, репликант Прис извиняется перед Себастьяном, что смотрела на игрушки без разрешения: «Прости, посмотрела» [14]. Репликант Лав приносит извинения перед офицером полиции за принесённые неудобства «Прошу прощения» [15]. Видно, что такие выражения и слова как «прости», «извини», «прошу прощения» служат как лексическим средством извинения, так и выражению гуманизма.

Ещё одним показателем гуманизма может являться выражение позитивных эмоции. «Вы – первый друг», так высказывается репликант Ирмаград по отношению к Изидору, который спас группу сбежавших андроидов [13, с. 209]. «Вы – прекрасный человек, Джон Изидор» говорит андроид Прис, выражая признательность за его честь [13, с. 215]. В фильмах также присутствуют примеры таких фраз. «Умница» – так высказывается репликант Рой Бати, когда видит Себастьяна, который приютил Прис. «Это мой спаситель» поддерживает разговор Прис и указывает на Себастьяна. «Ты – молодец» признаётся Рой при встрече с Риком Декардом [14]. «Выглядит прекрасно» – так высказывается репликант Джо об одежде своей возлюбленной. «...в два раза прекраснее» – делает комплимент офицер полиции своей девушке [15]. Поддержка, ободрение, воодушевление – это то, что могут выразить вышперечисленные фразы.

В разговоре проявление гуманизма может происходить через просьбы и предложения. Когда мы обращаемся за просьбой или предлагаем услугу, мы надеемся на человека, показываем готовность помочь, поддержать или сделать для него полезное. Так, в диалоге двух репликантов Ирмаград просит Прис перестать обзывать Изидора: «Не надо его так называть» [13, с. 208]. В фильме Дени Вильнёва имеется множество таких маркеров. Например, андроид Саппер предлагает Джо попробовать чеснок: «Хотите?» спрашивает бывший врач. Уже дома андроид просит свою возлюбленную не торопиться: «Не торопись» Репликант Джо заходит к дизайнеру воспоминаний и говорит: «Вы не против?», когда прерывает работу девушки [15]. В таком случае чужие приоритеты стоят выше личных.

Выражение благодарности также является признаком гуманизма. Репликант Прис, когда Изидор внёс редкую бутылку, говорит: «...с вашей стороны это было очень

любезно» [13, с. 192]. «Я вам очень благодарна», – говорит репликант Люба, разговаривая с Риком Декардом [13, с. 176]. В фильме Дени Вильнёва также можно обнаружить проявления гуманизма в виде благодарностей. «Спасибо, сэр», «Спасибо, мадам» — так высказывается репликант Джо, обращаясь со своими сослуживцами. Отвечая на вопрос репликанта Лав, Джо говорит, что доволен продукцией: «её реалистичностью, благодарю». Впоследствии Джо уходит из корпорации, благодаря за время, уделённое ему «Спасибо мистеру Уолессу за Ваше время» [15]. При благодарности мы подчеркиваем важность признания и оценки других людей, их вклад в нашу жизнь.

Демонстрация чувств через речь – это один из аспектов выражения гуманизма. Рик Декард верит, что эмпатия существует только в человеческом обществе [13, с. 43]. Однако позже репликант Рэйчел признаётся в любви к Декарду через слова «Я тебя люблю» [13, с. 254]. В фильме Ридли Скотта репликант Рэйчел говорит, что любит Декарда и верит ему: «Ты любишь меня? Люблю. Ты веришь мне? Верю» [14]. В кинокартине Дени Вильнёва показывается переживание репликанта Джо к возлюбленной Джой: «Нет, я не могу, только представь, малейшее повреждение и тебя не станет. Навсегда» [15]. Проявление переживания, любви и других эмоций в сторону другого – это явная черта проявления гуманизма.

Вышеперечисленные языковые маркеры подталкивают на осознание того, что перед нами находятся различные выражения гуманизма посредством эмоций, выраженных через речь. Мы интерпретируем это так потому, что используем контекст и культуру в данном вопросе. Без культуры и эмоций невозможны проявления человеколюбия и заботы к другим. Приведённые нами примеры помогли понять, что интерпретация высказываний или всего разговора возможна только на основе обширных знаний о культуре, местных обстоятельств, взаимоотношений между собеседниками и их личностями [6, с. 178]. Получается, что репликанты в этом мире являются носителями огромной культуры, которая помогает им выражать с помощью речи эмоции, желания, мнения. Можем ли мы сказать, что андройды не безэмоциональный сильный искусственный интеллект? Они мыслят? Чувствуют? Это новый вид организмов? Или это заложенный в машину код, который всего лишь имитирует такое поведение?

Пытаясь ответить на данные вопросы, сделаем утверждение, что репликанты имеют сознание. Почему же мы так заявляем? В языковых формах наши представления, чувства, мысли, порождаемые в сознании, приобретают материальное бытие, которое позже становится достоянием слышащего [3, с. 83]. По

мнению Гумбольдта, сущность мышления состоит в рефлексии, мыслящего и предмета мысли. Язык возникает с первым актом рефлексии, объект поглощён субъектом, пробуждается к самосознанию [9, с. 301-302]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что репликанты обладают не только сознанием, но и самосознанием, так как имеют представление о мире и о своём месте в нём. «Я мыслю, Себастьян, значит существую» – цитирует репликант Прис слова знаменитого философа Рене Декарта [14].

Подводя итоги, мы определили аспекты идей гуманизма, методы и формы гуманности, проявление гуманизма в речи. Дали понятие «языковому маркеру». Определили какие языковые маркеры помогают передать данное явление. Было выявлено, что языковые маркеры гуманизма отражают культурный фон говорящего, поэтому только понимая контекст и культуру можно утверждать, что высказывания относятся к проявлению гуманизма. Были рассмотрены вселенная «Бегущем по лезвию» и репликанты, живущие в этом фэнтезийном мире. Попытались увидеть проявление гуманизма у репликантов. Рассмотрели теории гуманизма и трансгуманизма в «Бегущем по лезвию». Сделали попытку дать ответ на вопросы о репликантах через теорию Гумбольдта о связи сознания и языка, которая определяет способ мышления и формирования самосознания.

В целом, данная работа показала, что гуманизм проявляется не только в поступках, но и в речи. Проявление принципов гуманизма происходит различными способами и имеет значительное влияние на межличностные отношения и отражает наше культурное восприятие мира. В данном контексте, сознание, язык, культура и речь – это неразрывные друг с другом понятия. Культура задаёт ориентиры и влияет на то, как мы используем язык и речь. Язык и сознание тесно сосуществуют вместе: язык используется для выражения мыслей, а сознание влияет на способность мыслить. Речь – результат взаимодействия языка, сознания и культуры.

Список литературы

1. Чебунин А. В. Смысл и функции гуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 2. С. 3–16.
2. Гельфонд М. Л., Мищук О. Н., Мирошина Е. Ю. Новый гуманизм или общество потребления: альтернативы современной цивилизации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 4 (апрель). С. 1-10.
3. Зиямухамедова Ш., Адилбекова Ж. Влияние языка на сознание, культуру и мировоззрение // Academic research in educational sciences. 2022. №1. с. 537-546.
4. Шафиков С.Г. Язык, мышление и язык мышления // Вестник Башкирского университета. 2019. Том 24. №4. С. 947-952.

5. Болдачев А. В. Эссе: мифы и тупики искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2020. №2 (18). С. 27-41
6. Эверетт Д. Л. Как начинался язык. История величайшего изобретения / Издание на русском языке, перевод, оформление «Альпина нон-фикшн», 2019. 424 с.
7. Пилецкий С. Г. О гуманизме и трансгуманизме // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. С. 166–180.
8. Черкашина Т. Т. Языковые маркеры в практике коммуникативного лидерства как элемент эффективного управления // Вестник Московского университета Сер. 21. Управление (Государство и общество). №3. 2015 июль-сентябрь. с. 112.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Список источников

10. Толковый словарь Ожегова [электронный ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5909>
11. Арутюнова Н. Д. ЯЗЫК // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4924604>
12. Арутюнова Н. Д. РЕЧЬ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3508251>
13. Дик, Филип К. Мечтают ли андроиды об электроовцах? / Филип К. Дик; [перевод с английского М.А. Пчелинцева]. - Москва: Эксмо, 2022. 320 с.
14. Бегущий по лезвию («Blade Runner», реж. Ридли Скотт, 1982).
15. Бегущий по лезвию 2049 («Blade Runner 2049», реж. Дени Вильнёв, 2017).

УДК 81'42

Григорова В. А. Метафорическая модель «Биосфера – это живое существо» в экологическом дискурсе (на материале понятийной области «антропогенное воздействие на биосферу»)

Григорова Виктория Антоновна

студент кафедры Высшей школы международных исследований и дипломатии
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», РФ, г. Хабаровск
gviktoria000@gmail.com

Metaphorical model "Biosphere is a living being" in ecological discourse (on the subject of the conceptual field of "anthropogenic impact on the biosphere")

Grigorova Victoria Antonovna

Student of the School of International Studies and Diplomacy
FSBEI HE, Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Объект данного исследования – метафорические средства репрезентации понятийной области «антропогенное воздействие на биосферу» в англоязычном экологическом дискурсе. Материалом послужили англоязычные статьи, видео- и аудиоматериалы, относящиеся к вышеупомянутой понятийной области. Цель – выявить средства структурирования метафорических моделей в англоязычном экологическом дискурсе. Было собрано и проанализировано более 40 статей и 10 видео- и аудиоматериалов. Анализ 140 метафор позволил выявить метафорические модели, указаны источники метафорической экспансии, фреймы метафорической модели и составляющие каждый фрейм слоты. Сделан вывод о функционировании метафорических моделей в экологическом дискурсе, выявлены дискурсивные особенности и продуктивность метафорических моделей.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, экологический дискурс, дискурсивные особенности модели.

Abstract. The object of this study is metaphorical means of representation of the conceptual field "anthropogenic impact on the biosphere" in the English-language ecological discourse. The research material was English-language articles and reports, video and audio materials related to the abovementioned conceptual field. The purpose of the study was to identify the means of structuring metaphorical models in English-language ecological discourse. Collected and processed more than 40 articles and 10 video and audio materials, among which more than 140 metaphors were found. Metaphorical models were analyzed; sources of metaphorical expansion, frames of metaphorical model and slots composing each frame were indicated. The conclusion about the functioning of metaphorical models in ecological discourse was made, discursive features and productivity of metaphorical models were revealed.

Key words: metaphorical model, metaphor, environmental discourse, analysis of metaphorical models, discursive features of the model.

Исследование метафорических моделей в англоязычном экологическом дискурсе на материале понятийной области «антропогенное воздействие на биосферу» является актуальным и важным направлением лингвистических исследований. Данная работа становится особенно актуальной в свете недостаточной изученности экологического дискурса, метафорических выражений биосферы в современных экологических текстах. Метафоры в текстах экологической тематики становятся неотъемлемой частью языковой картины мира, средствами репрезентации экологических знаний и ценностей. Исследование метафор в экологическом дискурсе позволяет не только лучше понять языковую природу экологических проблем, но и продвигать более эффективные методы воздействия и просвещения общества на экологические темы.

Исследование продиктовано и экстралингвистическими факторами, связанными с текущей экологической обстановкой в мире. В свете нарастающих экологических проблем и потребности в разработке новых стратегий борьбы с негативным антропогенным воздействием на биосферу, изучение метафорических моделей в экологическом дискурсе может способствовать разработке более эффективных стратегий коммуникации и повышению осознания глобальной экологической обстановки.

Проблему функционирования метафорических моделей в экологическом дискурсе затрагивали такие ученые-лингвисты, как: Дж. Лакофф и М. Джонсон [16], Е. В. Иванова [1], А. В. Зайцева [2], А. А. Громорушкина [3] и другие. Однако, несмотря на значительный объем исследований в данной области, многие аспекты функционирования метафор в текстах экологической тематики остаются недостаточно изученными.

Для формирования метафорической базы понятийной области «антропогенное воздействие на биосферу» (human impact on the environment / anthropogenic impact on the biosphere) необходимо провести компонентный анализ данной лексической единицы [4, с. 20].

Под антропогенными воздействиями понимают «деятельность, связанную с реализацией экономических, военных, рекреационных, культурных и других интересов человека, вносящих физические, химические, биологические и другие изменения в природную среду» [5]. Антропогенные воздействия могут носить как позитивный (повышение плодородия почв, восстановление природно-ресурсного потенциала, использование возобновляемых источников энергии, снижение выбросов вредных веществ в биосферу, внедрение малоотходных и безотходных

технологий и другое), так и негативный характер (засоление почвы и опустынивание земель, загрязнение окружающей среды, перенаселение, закисление океана, утрата биоразнообразия, обезлесение, разрушение озонового слоя и другое).

Проведя компонентный анализ определения «антропогенное воздействие на биосферу», мы можем выделить следующие семы дефиниции: «воздействие на природу / environmental impact», «целенаправленное воздействие / purposeful influence», «положительные, отрицательные воздействия человека / positive, negative human impacts», «загрязнения / pollution» и др.

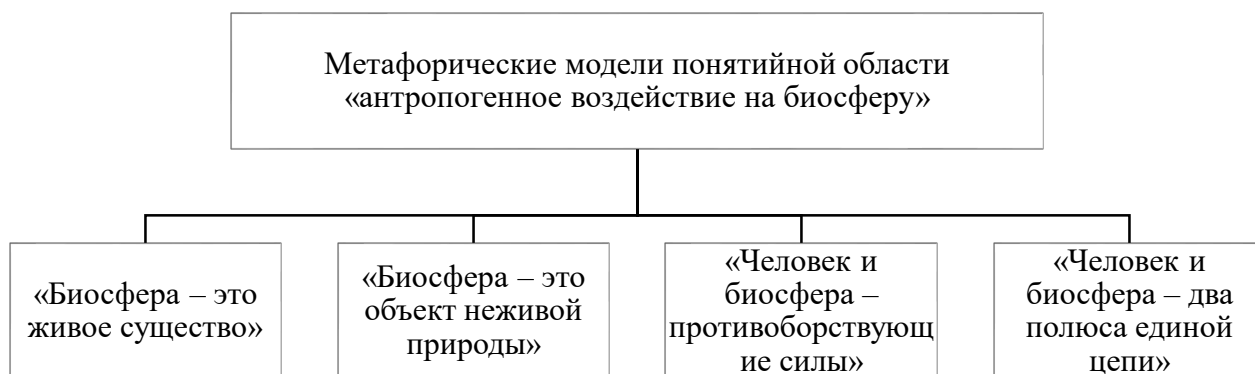
Цель исследования – выявление средств структурирования метафорических моделей в текстах экологической тематики. Для реализации цели необходимо провести анализ метафорических моделей с точки зрения функционирования в экологическом дискурсе. Отметим, что под экологическим дискурсом понимается «сложное коммуникативно-речевое явление, представляющее собой вид социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов» [2, с. 23]. Е. В. Иванова дает следующую дефиницию экологического дискурса – «совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы. Ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды» [1, с. 4]. В своих работах экологический дискурс рассматривают А. В. Зайцева [6], В. В. Власичева [7], П. А. Яркин [8], М. А. Курочкина [9], Е. Б. Павлова [10], И. А. Зачесова [11] и другие.

Анализ метафорических моделей осуществлялся по методике, предложенной А. П. Чудиновым. Охарактеризованы следующие признаки метафоры:

1. Исходная понятийную область.
2. Новая понятийную область.
3. Принадлежащие к данной модели фреймы.
4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты.
5. Компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.
6. Дискурсивная характеристика модели.
7. Продуктивность модели [12, 13].

В ходе анализа выделены четыре метафорические модели: «Биосфера – это живое существо», «Биосфера – это объект неживой природы», «Человек и биосфера – противоборствующие силы», «Человек и биосфера – два полюса единой цепи» (табл. 1). Было собрано и проанализировано более 40 статей и 10 видео- и аудиоматериалов, среди которых было найдено более 140 метафор.

Таблица 1. Метафорические модели понятийной области «антропогенное воздействие на биосферу»

В статье мы анализируем метафорическую модель «Биосфера – это живое существо». Модель представлена более 40 метафорическими единицами, в ней взаимосвязаны две понятийные области: исходная (сфера-источник, или сигнификативная зона) и новая (сфера-магнит, или денотативная зона). Исходной понятийной областью является биосфера – «оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой определяются и преобразуются совокупной деятельностью живых организмов. Биосфера – это биогеоценотический покров Земли» [14, с. 24]. Компоненты биосферы включают в себя литосферу, гидросферу, атмосферу, а также биоту – живое вещество, образованное совокупностью организмов.

В процессе анализа текстов экологического дискурса были выделены следующие новые понятийные сферы, являющиеся основой для метафорической экспансии: «Человек и его личностные характеристики», «Социальные роли и статус природы», «Состояние экосистем», «Организм человека» (табл. 2).

Таблица 2. Компоненты метафорической модели «Биосфера – это живое существо»

Фрейм «Человек и его личностные характеристики»

- Слот «Социальные роли и статус»
- Слот «Поведение»

Фрейм «Состояние экосистем»

- Слот «Здоровье»
- Слот «Заболевание»

Фрейм «Организм человека»

- Слот «Части тела человека»

Фрейм «Человек и его личностные характеристики» представлен слотами: «Социальные роли и статус», «Поведение».

Одним из наиболее распространенных образов слота «Социальные роли и статус» становится образ Матери-Природы. Модель отражает глубокий, сакральный смысл – с древних времен существовали культы Матери-Земли, что отразилось в языковой картине мира. В текстах экологического дискурса встречаются примеры концептуализации природы через проявление социальных ролей человека, например:

1. A dying planet needs control which can co-ordinate and resuscitation of *Mother Earth* who is in dire straits.
2. Deforestation is a deep cut in *Mother Earth's flesh*, bleeding her resources dry.
3. In this powerful talk, she reminds us of the destruction that continues to happen to the world's largest tropical rainforest – and demands respect *for Mother Nature*.
4. The 2020 COVID-19 pandemic, among the many painful lessons it forced us to learn, raises a new alert for humanity: *Mother Earth* must be taken care of.
5. Even with all of the efforts every year, *Mother Earth* is suffering.

Компонентом, соединяющим первичное и метафорическое значения, является концепция уподобления природы социальному статусу матери. При описании продуктивности метафорической модели отметим, данный тип метафоры может быть использован для повышения осведомленности о негативном воздействии человека на природу, а также для содействия повышению уровня экологического сознания.

Метафорические модели слота «Социальные роли и статус» представляют собой метафоры, в которых биосфера и ее компоненты выступают как субъект

межличностных отношений и исполняют социальную роль учителя, союзника, пациента, кормилицы, например:

6. Nature might alternatively be thought of as our *provider*, or as chaotic, fragile, threatening, wicked, caring, beautiful, sublime, scary, or even fixable.

7. The Ocean – *the world's greatest ally* against climate change.

8. The forest is *our teacher*. It's time to respect it.

9. If the planet were *a patient*, we would have treated her long ago. You, ladies and gentlemen, have the power to *put her on life support*, and you must surely start the *emergency procedures* without further procrastination!

10. These ecosystems – and the biodiversity they contain – are *natural carbon sinks*, *trencherman* providing so-called nature-based solutions to climate change.

11. Peatlands – wetlands such as marshes and swamps – cover only 3 per cent of the world's land, but *these skillful bankers* store twice as much carbon as all the forests.

Компонент, связывающий первичное значение слов сигнификативной зоны и метафорические образы денотативной зоны, кроется в формировании аналогии посредством концептуального сопоставления. Например, планета Земля сопоставляется с *пациентом*, лес – с *учителем*, океан – с *мировым союзником* и др.

Дискурсивные особенности вышеописанных моделей подчеркивают связь между природой и обществом, ведущие эмоциональные характеристики – тревога и сопереживание природе, чувство неотложности, необходимости принятия срочных мер по урегулированию глобальных экологических проблем. Прагматический потенциал метафор заключается в стремлении повысить осведомленность и заинтересованность людей в решении экологических проблем; сформировать эффективную систему пропаганды идей экологической безопасности и создать соответствующую систему экологического просвещения.

Слотом фрейма «Человек и его личностные характеристики» является слот «Поведение». Под поведением понимается образ жизни, совокупность поступков и действий человека. Компоненты биосферы метафорически концептуализируются, они сознательно совершают действия с определенной целью, намерениями и последствиями. В таких метафорических моделях компоненты биосферы осознано совершают операции, связанные с разумом. Формирование концептуального метафорического поля позволяет природе обрести дар речи:

12. *Earth is screaming* with all its might.

13. Even with all of the efforts every year, *Mother Earth is suffering*.

14. So tonight some of those flooding rains are going *to submerge* probably hundreds of people and there's not a damn thing anyone can do about it.

15. For years, experts in the American West have predicted that, unless the steady overuse of water was brought under control, the Colorado River *would no longer be able to support* all of the 40 million people who depend on it.

16. "The whole of nature *cries out* at our mistreatment of her," he lamented.

17. The world's oceans *are* also *struggling*. The ocean's ability to absorb carbon dioxide, which is a key greenhouse gas, is eroding as a result of climate change.

18. "Can I really make a difference?" Our environment *sets us thinking*.

Дискурсивная характеристика вышеописанных метафорических единиц включает в себя такие концептуальные векторы, как: важность сохранения природы и окружающей среды; необходимость введения практики устойчивого использования природных ресурсов; нравственно-экологическое воспитание и просвещение. Ведущими эмоциональными характеристиками являются гнев, печаль и надежда на решение экологических проблем. Прагматический потенциал модели – побудить людей примкнуть к экологическому активизму.

Фрейм «Состояние экосистем» подразделяется на слоты «Заболевание» и «Здоровье». Фрейм широко используется в оценке экологического состояния систем биосферы.

При рассмотрении слота «Здоровье» мы находим, что составляющие экосистемы концептуализируются как живое существо, обладающее здоровьем:

19. The *health* of ecosystems on which we and all other species depend is deteriorating more rapidly than ever.

20. Overall, climate change affects *the health* of ecosystems, influencing shifts in the distribution of plants, viruses, animals, and even human settlements.

21. Biodiversity is the *immune system* of the planet, protection against threats such as disease and climate change.

22. Hope Spots are special places that are critical to *the health* of the ocean – Earth's blue heart.

Компонентом, который соединяет первичное и метафорическое значения в данной модели, является концепция, благодаря которой здоровье экосистем метафорически уподобляется здоровью человека. Данный компонент создается путем подчеркивания сходства между двумя системами, экологической и человеческой, с точки зрения защиты от внешних угроз, болезней, патогенности.

Вторым слотом во фрейме «Состояние экосистем» является слот «Заболевание». Заболевания природы выражены номинативными единицами *deep cut, wound, breakdown* и др. Они представляют Землю, как человека, подверженного заболеваниям, например:

23. *Deforestation is a deep cut in Mother Earth's flesh, bleeding her resources dry.*

24. *Is the planet truly on its last legs?*

25. *Climate crisis is suffocating the world's lakes, study finds.*

26. *Falling oxygen levels harming already struggling wildlife and drinking water supplies, say scientists.*

Компонентом, связывающим значения единиц в сигнификативной и денотативной зоне, является прием уподобления человека и природы – планету можно рассматривать как уязвимое к болезням живое существо.

Дискурсивная особенность данной модели подчеркивает потенциальные катастрофические последствия действий человека на природу. Ведущая эмоциональная характеристика – беспокойство или даже страх за выживание и благополучие планеты. Прагматический потенциал – побудить отдельных лиц и сообщества, такие как правительства или корпорации, предпринять действия по уменьшению негативного антропогенного воздействия на планету.

В процессе анализа текстов экологического дискурса был выделен фрейм «Организм человека». Данный фрейм включает в себя такой слот, как «Части тела человека». В текстах данной понятийной области широко используются соматизмы. Языковые единицы с компонентами-соматизмами создают наивную картину мира, в которой отражаются культурные особенности, обычаи и поведение людей, их отношение к миру и друг к другу. Соматическую лексику можно разделить на следующие группы: сономическая лексика (части и области человеческого тела), ангионимическая лексика (кровеносная система), спланхнонимическая лексика (внутренние органы), сенсонимическая лексика (органы чувств) [15, с. 45]. Приведем несколько примеров:

27. *Nature also changed its face through interaction with man.*

28. *Defending the Blood of Mother Earth.*

29. *Her blood flows giving life to the animals, plants, mountains, and humanity.*

30. *Seychelles President Danny Faure dived deep into the Indian Ocean Sunday to call for protection of "the beating blue heart of our planet".*

31. Soil, this amazing foundation, is the *'skin of the earth'* and is a form of life that is being stripped away by unsustainable agricultural practices.

32. Ensuring the *'lungs of the planet'* keep us alive: 5 things you need to know about forests and the UN.

33. Tropical rainforests, *'lungs'* of the planet, reveal true sensitivity to global warming.

Компонентом, соединяющим первичное и метафорическое значения, является концептуальная метафора природы как живого организма. Дискурсивная характеристика модели включает в себя эмоциональные векторы удивления, благоговения и ответственности за совершенные человеком действия по отношению к природе. Прагматический потенциал модели – замотивировать людей поддерживать усилия по сохранению окружающей среды.

Проанализировав вышеописанные метафорические модели, можно сделать следующие выводы: распространенность и большое количество метафорических единиц в текстах экологического дискурса свидетельствует о том, что модель «Биосфера – живое существо» – важный источник концептуализации окружающего мира в сознании человека. Новая понятийная область членится на три фрейма: «Человек и его личностные характеристики», «Состояние экосистем», «Организм человека». Каждый фрейм имеет собственное слотовое содержание.

Фрейм «Состояние экосистем» представлен в большем объеме (29 метафорических единиц). Фрейм «Человек и его личностные характеристики» представлен 18 метафорическими единицами, фрейм «Организм человека» – 16 метафорическими единицами.

Дискурсивная характеристика модели «Биосфера – это живое существо» включает: эмоциональные векторы (тревога, страх, сопереживание природе), прагматический потенциал – принять срочные меры по урегулированию глобальных экологических проблем, сформировать эффективную систему пропаганды идей экологической безопасности. Наиболее продуктивными являются модели с отрицательной коннотацией, раскрывающие биосферу и ее компоненты как умирающее или заболевающее существо, находящееся в отчаянном положении. Менее представлены фреймы и составляющие каждый фрейм слоты с положительной коннотацией.

Анализ исходной понятийной области позволяет интерпретировать биосферу как живое, страдающее или даже умирающее существо. Из этого следует, что функция метафорических моделей – апеллятивная (директивная), благодаря которой адресант воздействует на интеллектуальную или эмоционально-волевыми сторонами психики

адресата. Апеллятивная функция метафор в экологических текстах заключается в том, чтобы органично и эмоционально передать сложные экологические термины и понятия, привлечь внимание читателей и вызвать их эмоциональный отклик на проблемы в области экологии. Метафорические модели могут упростить сложные экологические термины и закрепить в памяти реципиентов ключевые экологические идеи, кроме того, метафоры позволяют авторам экологических текстов обращаться к эмоциональным сторонам человеческой природы, вызывая чувства сопереживания, ответственности, страха и даже гнева, что в свою очередь способствует повышению экологической осведомленности и активизирует действия реципиентов в решении экологических проблем.

Список литературы

1. Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: дис. канд. фи-лол. наук: 10.02.19. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. – 219 с.
2. Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Смоленск, 2014. – 253 с.
3. Громорушкина А. А. «Концептуальная метафора в экологическом дискурсе СМИ» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019г. – №. 4 (820). – С. 91-99
4. Парахина И. С., Бабич О. А. Концептуальная метафора как средство воздействия на читателей в медийном экологическом // БГЖ. – 2018г. – №2 (23). – С. 92-95
5. Антропогенные воздействия и их классификация: лекция СПб. ун-та ГПС МЧС России. URL:<https://studfile.net/preview/9784431/page:2/> (дата обращения: 06.04.2023).
6. Зайцева А. В. Формирование экологического сознания как основы экологической картины мира (на примере экологического дискурса фрг) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ekologicheskogo-soznaniya-kak-osnovy-ekologicheskoy-kartiny-mira-na-primere-ekologicheskogo-diskursa-frg> (дата обращения: 11.04.2023).
7. Власичева В. В. Дискурс экологических сказок // Russian Linguistic Bulletin. 2022. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-ekologicheskikh-skazok> (дата обращения: 01.04.2023).
8. Яркин П. А. Изучение экологического дискурса в контексте исследования экологического сознания // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ekologicheskogo-diskursa-v-kontekste-issledovaniya-ekologicheskogo-soznaniya>(дата обращения: 19.04.2023).
9. Курочкина М. А. Ключевые концепты педагогического экологического дискурса // Вестник экономики, управления и права. 2022. №3 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-kontsepty-pedagogicheskogo-ekologicheskogo-diskursa> (дата обращения: 11.04.2023).

10. Павлова Е. Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskaya-organizatsiya-angloyazychnogo-ekologicheskogo-internet-diskursa>(дата обращения: 21.04.2023).
11. Зачесова И. А. Линии развития обсуждения и коммуникативная структура экологического интернет-дискурса // Инновационная наука. 2022. №9-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/linii-razvitiya-obsuzhdeniya-i-kommunikativnaya-struktura-ekologicheskogo-internet-diskursa>(дата обращения: 21.04.2023).
12. Чудинов А. П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий; языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб, 2001, 227с.
13. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248с.
14. Современная иллюстрированная энциклопедия. Биология / гл. ред. А. П. Горкин. – М.: Росмэн-Пресс, 2006. – 560 с.
15. Кочеваткин А. М. Соматическая лексика эрзянского языка. – Саранск: Красный Октябрь, 2001. – 208 с.
16. Lakoff G. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 2013. – 352 р.

УДК 81'255.2

Левина Д.А. Особенности перевода детской польской поэзии на русский язык (на основе произведений Яна Бжехвы)

Левина Дарья Александровна
студентка, Южный федеральный Университет
РФ, г. Ростов-на-Дону
dar1alev1na111@gmail.com

**Features of translation of Polish children's poetry into Russian
(based on the works of Jan Brzechwa)**

Levina Daria Alexandrovna
student, Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don

Аннотация. Данная статья посвящена анализу специфики перевода поэтических текстов, написанных для детской аудитории, с польского языка на русский. Отдельно рассматриваются методы, применяемые для перевода стихотворений (независимый и подчиненный), и делается вывод, какой из них оптимален. Выясняются трудности, связанные с переводом поэзии в межславянском литературном пространстве (в контексте русско-польской традиции), а также особенности детской поэзии и ее адаптации. В работе исследованы переводы стихотворений Яна Бжехвы в антологии «Бесконечная дорога», выявлено, какие приемы использует переводчик для воплощения формальных и содержательных характеристик оригинала.

Ключевые слова: перевод, поэзия, стихотворение, Ян Бжехва, польский язык.

Abstract. This article concentrates on the analysis of the specifics of poetic texts written for children's audience and its translation from Polish to Russian. The methods used to translate poems (independent and subordinate ones) are considered separately, and it is concluded which of them is optimal. The difficulties associated with the translation of poetry in the inter-Slavic literary space (in the context of the Russian-Polish tradition), as well as the peculiarities of children's poetry and its adaptation are clarified. The work examines translations of poems by Jan Brzechwa in the anthology "The Endless Road", reveals what techniques the translator uses to embody the formal and meaningful characteristics of the original.

Keywords: translation, poetry, poem, Jan Brzechwa, Polish.

Произведения Яна Бжехвы уже долгие годы популярны и за пределами родной страны. Это один из самых известных детских поэтов Польши, стихотворения которого не единожды были переведены на различные языки мира, в том числе на русский.

Существует множество работ, ориентированных на изучение поэтических переводов в целом, однако полноценных исследований, связанных непосредственно с переводами стихотворений Яна Бжехвы на русский язык, нет. В тех же работах, где

отчасти проводится анализ его стихов, фокус внимания, как правило, смещен на иной объект изучения. Хотя творчество поэта популярно, можно судить о том, что степень разработанности темы в отечественной и мировой науке невелика.

Перевод поэзии по праву считается сложнейшим видом художественного перевода, что обусловлено, в первую очередь, специфической формой. Мысль автора выражена емко, в рамках композиции, где каждое слово занимает свое место неслучайно, а значит, невычленимо. Как осуществить перевод таким образом, чтобы в условиях чужеродной среды другого языка суметь передать авторский замысел? Нет универсального подхода, который бы удовлетворил всех.

Вопрос этот довольно сложен, поскольку на протяжении всей истории развития переводоведения неоднократно высказывалась мысль о невозможности адекватного перевода стихов в принципе.

Считая, что поэтический перевод все-таки осуществим, можно выделить два метода: независимый и подчиненный [1, с. 100]. Следуя первому, переводчик воссоздает мысли и идеи из оригинала в новом по форме воплощении; следуя второму, он сохраняет и саму форму, стараясь передать авторский идиостиль.

Таким образом, придерживаясь одного или другого метода, переводчик совершает лингвокультурный перенос в следующих направлениях: он переносит или иностранного автора к своему читателю, или наоборот. В первом случае задача переводчика проявляется в уподоблении культуры страны оригинала принимающей культурной традиции, приближении подлинника к своему родному языку и ментальности. Во втором же случае читатель должен иметь четкое ощущение, что к нему обращается иностранец, и, следовательно, воспринять новые, незнакомые ему формы, средства выражения и мысли, воспринять поэтический портрет другого народа [1, с. 100-101].

Многие формальные признаки стихотворения являются ключевыми элементами пространственно-временной организации художественного текста [2, с. 9] и участвуют в создании внутреннего мира литературного произведения, а значит, не должны быть устранены и полностью видоизменены переводчиком. Лингвистические признаки, составляющие структурную основу стиха, по своей сути двойственны и выражают не только формальную характеристику, но и поэтичность, как единство духовности, образности и их эстетически ценной языковой (в узком смысле стиховой) объективации [3, с. 92].

Таким образом, оптимальным можно назвать подчиненный метод перевода: сохранение изначальной формы стихотворения необходимо, поскольку без нее не

может быть полноценно выражен смысл, заложенный автором в первоисточник, не может быть воссоздан исходный образ речи, непременно разрушаемый за пределами родного языка.

На первый взгляд может показаться, что поэтический перевод со славянских языков на русский и с русского на славянские языки прост благодаря их генетической близости, однако и он имеет свою специфику. «Профессиональные переводчики знают, – пишет М. О. Алексеева, – что их сходство в ряде случаев может затруднять перевод: в попытках использовать аналогичную языковую конструкцию переводчик теряет стилевое и ритмическое соответствие, нарушает органичность построения фразы, грамматические и лексические нормы» [4, с. 164]. Русский и польский языки, хоть и родственны, имеют свои особенности, проявляющиеся на разных уровнях: от фонетики (например, разница в акцентуации) до системы стихосложения (для польского более естественна силлабическая система, не свойственная русскому). Нельзя забывать и про отличия культур, прямым отражением которой язык является. Специфическая национальная речь, выраженная в поэтическом тексте, всегда будет сопротивляться чужеродной среде иного языка, несмотря на их генетическую близость. Кроме того, польский – это западнославянский язык, в то время как русский – восточнославянский, что проясняет их отдаленность и в лингвистическом плане, и в плане культурном. Также русский язык не обнаруживает такой тесной связи с польским, как, например, украинский и белорусский, тоже относящиеся к восточнославянской группе, и это объясняется уже экстралингвистическими факторами.

Разность просодий в русском и польском языках создает определенные трудности для переводчика, в большей степени связанные с ударением. В польском языке фиксированное ударение, которое всегда (за редким исключением) падает на предпоследний слог; в русском же языке оно свободное (не прикреплено к определенному слогу) и подвижное (может меняться в разных формах слова). Однако такая особенность языка создает формальные сложности скорее при переводе с русского на польский, чем наоборот. В этом смысле творческие возможности русского поэта будут значительно шире, т.к. для польских стихов в принципе невозможны, например, такие явления, как дактилическая и гипердактилическая рифмы, а мужская рифма и ямбический метр используются крайне редко, ведь осуществимы лишь с использованием односложных слов, которых не так много.

Переводчику приходится решать многокомпонентную задачу: сохранить форму так, чтобы, оставаясь польской, она не выглядела или не звучала чужеродно на

русском языке, сохраняя при этом смысл подлинника [5, с. 213]. Необходимо определить жанр оригинала, изучить авторский идиостиль в связи с исходным языком и, наконец, выбрать для перевода те стилистические приёмы, которые способствуют реализации эстетического замысла, вложенного в первоисточник, в связи с целевой аудиторией.

Адресат, то есть читатель, – тот, о ком переводчик забывать не может. Любое художественное произведение создается не просто так, а для определенной аудитории. На особенности восприятия литературы аудиторией ориентируется автор при написании исходного текста, и, следовательно, должен опираться переводчик. Он становится посредником между автором и читателем, и особенно ответственна данная роль, если этот читатель – ребенок. В детском возрасте психика человека формируется особенно активно, и литература способствует ее развитию, поскольку художественное произведение «вводит подрастающую личность во взрослый мир» [6, с. 182], знакомит с основами человеческих отношений, сочетая в себе и познавательную, и воспитательную, и эстетическую, и развлекательную функции. Е. Г. Эткинд в работе, посвященной исследованию переводов С. Я. Маршака, высказывает мысль о том, что «дети – самые взыскательные и самые беспощадные, но и самые благодарные читатели». [7, с. 345].

Детской поэзии свойственна специфика, связанная с возрастными особенностями художественного восприятия ребенка. Для младших дошкольников элементы формальной структуры стиха, ритм, и особенно рифма, играют не просто развлекательную, а вспомогательную роль в восприятии произведения [8, с. 82].

Так, ритм отличен от того, который встречается в поэзии, ориентированной на взрослых, по своему устройству и функционалу. Он создается на основе приемов детского фольклора и приобретает игровой характер [8, с. 83], в результате чего в сознании ребенка при восприятии поэтических произведений поэзия ставится в один ряд с игровым процессом.

Рифма же – ключевой способ построения строфы. Разные виды рифмовки используются в зависимости от возраста детей, для которых написан текст. В стихотворениях для младших дошкольников используется только смежная рифмовка (ААВВ), поскольку она делает восприятие текста значительно проще за счет усиления его динамичности. Иные виды рифмовки, перекрестная (АВАВ) и кольцевая (АВВА), более сложны для восприятия; связь строк уже не так очевидна и явна, а значит, требует более глубинного понимания поэзии.

Специфика поэзии для детей состоит еще и в том, что чтение литературы – одно из средств формирования эмоционального слоя в психике ребенка, мира чувств личности. Подражательная активность проявляется в общности с героями литературного произведения [9, с. 231].

Как уже упоминалось ранее в работе, при переводе литературного произведения, фрагмента некоторой культуры, где все было взаимосвязано, текст «вклинивается» в чужую культуру, в искусственную, непривычную для его функционирования среду. Чуждое в переводе всегда присутствует (и должно присутствовать). Потенциальные носители чуждого – имена, реалии, топонимы и т.д. В зависимости от их употребления речь может идти о нейтрализации реалий или об экзотизации текста на их основе [9, с. 231]. Ребенок непременно обращает внимания на непривычно звучащие слова и выражения, и переводчику необходимо упростить их понимание. В переводах на русский язык нередко выступает явление нейтрализации реалий, но встречаются и попытки внедрить чуждое, адаптировать. При экзотизации нужно учитывать, на чем сделать акцент, как соблюсти оптимальные пропорции, чтобы вынужденные, неизбежные изменения не противоречили культурным особенностям исходного текста, а также вписывались в уже сформировавшееся восприятие мира ребенка. В случае адаптации произведение становится более понятным, однако возникает несоответствие с оригиналом в плане содержания.

Проследить особенности поэтического перевода детской литературы с польского на русский язык предлагается на примере произведений Яна Бжехвы.

Обращаясь к тому или иному методу перевода, независимому или подчиненному, переводчики преследуют разные цели. При отборе материалов для анализа не учитывались работы Бориса Заходера, хотя это, наверное, самые популярные и известные переводы стихов Яна Бжехвы на русский язык. Поэтом искажаются зачастую не только содержание стихотворения, но и его форма; то есть он изменяет, иногда полностью, метрику и строфику стиха. Как уже было рассмотрено ранее, такие переводы слишком отличаются от оригинала и, следовательно, в большей степени являются творчеством русского поэта, а не польского. Сам сборник даже называется: «Ян Бжехва. Пересказал Борис Заходер». Это независимые переводы, которые сам поэт резонно назвал пересказами. Пересказ – очень подходящее слово, поскольку это отдельные, самостоятельные произведения, вдохновленные текстом оригинала. Для анализа необходимы подчиненные

переводы, позволяющие оценить адаптацию польской поэзии на русской почве, а не русские стихотворения, вдохновением для которых послужили польские.

Потому в качестве исследуемого материала использованы стихотворения Яна Бжехвы из антологии польской поэзии для детей «Бесконечная дорога» в переводе Игоря Белова, который избирает стратегию подчиненного перевода. Так как это детская поэзия, то сохранение изначальной ритмики и метрики стихотворения – задача в действительности первостепенная. Игровой формат и простота исполнения – ключевые факторы понимания поэзии детьми.

В «Бесконечной дороге» представлено несколько стихотворений Яна Бжехвы, два из которых будут подвергнуты глубокому анализу. Первое из них – «Утка-баламутка» («Kaczka dziwaczka»).

«Nad rzeczką opodal krzaczka «Жила у реки одна утка –
Mieszkała kaczka dziwaczka, чудачка и баламутка.
Lecz zamiast trzymać się rzeczki А чтоб ей не скучно было,
Robiła piesze wycieczki...» [10] она на прогулки ходила...» [11]

Формальные признаки оригинального стихотворения по преимуществу сохраняются, что обусловлено избранным методом перевода. «Kaczka dziwaczka» представляет собой дольник, то есть сочетает в одном стихе стопы трехсложного и двусложного метра (в данном случае амфибрахий и хорей). Хотя в русской версии порядок трех- и двусложных стоп иной, в переводе передана структура дольника:

«Martwiły się inne kaczki: – – ´ – / – – ´ – / – ´ –
"Co będzie z takiej dziwaczki?"» [10] – – ´ – / – ´ – / – – ´ –

«Брюзжали утки всё злее: – – ´ – / – ´ – / – – ´ –
"Намылит ей кто-то шею!"» [11] – – ´ – / – – ´ – / – ´ –

Смежная рифма и использование в большом количестве такого вида строф, как двустишие, облегчают понимание текста детской аудиторией. Формальная структура принимает форму игры, призванной заинтересовать и развлечь ребенка.

Словесная игра проявляется не только в плане формы, но и в плане содержания. В детских стихотворениях частотна такая разновидность языковой игры, как приложение. Оно встречается уже в заглавии «Kaczka dziwaczka», дословно «Утка-чудачка». Игорь Белов прекрасно справляется с задачей адаптации данного приема и дает стихотворению название «Утка-баламутка»; в этом варианте сохранены оригинальная семантика и рифма. И хотя лексемы «чудак» и «баламут» не синонимичны, они воспринимаются носителями языка приблизительно одинаково.

Данные слова называют человека, чье поведение отличается от остальных и зачастую подвергается осуждению, а это соответствует образу персонажа, описанного в произведении.

В одной из строф, когда прочие утки осуждают героиню стихотворения, звучит фраза: «A niech tę kaczkę gęś kopnie!» [10], что дословно можно перевести следующим образом: «Да чтоб эту утку гусь лягнул». Это распространенное польское выражение-проклятие. К сожалению, адекватного аналога этого устойчивого оборота, который был бы связан с птицей или животным вообще, в русском языке нет. Ближайшая по значению версия – «черт тебя дери» – звучит жестко и грубо, что делает ее неподходящей для детской поэзии. Перевод, представленный в антологии: «Ворчат остальные утки: / «Что за дурацкие шутки!» [11], разительно отличается от оригинальной фразы с формальной точки зрения, но сохраняет ее эмоциональную окраску.

Очередная игра слов встречается в следующих строках: «Kupiła raz maczku raczkę, / By pisać list drobnym maczkiem» [10]. То есть, утка купила пачку мака, чтобы писать письмо мелким почерком. Слово «maczek» в польском языке называет не только растение, мак, но и аккуратный, «бисерный» почерк, что дословно передать по-русски невозможно. Переводчик полностью изменяет строки: «В газету статью написала – / и уткой газетной стала» [11], но сохраняет игру слов как прием, в результате чего стихотворение не теряет своей образности и комичности.

В тексте присутствует и нейтрализация понятий: так, польские золотые («A gdy połknęła dwa złote» [10]) при переводе становятся просто «монетой» («Вчера проглотила монету» [11]). Это, очевидно, сделано для упрощения понимания переводного стихотворения детской аудиторией, для которой оно и написано.

Для раскрытия образа утки-чудачки автор описывает ее поступки, несвойственные обычным уткам. При переводе же перенести их все напрямую невозможно, поскольку это бы разрушило форму стихотворения. Белов не дословно переводит чудачество героини, а лишь использует схожие образы, которые бы вызывали подобные оригиналу ассоциации. Как пишет Е. Г. Эткинд: «поэт-переводчик не имеет права не видеть за деревьями леса. Деревья могут быть и другие: вместо сосны – ель, вместо березы – клен. Был бы лес, – это главное. Поэт-переводчик, гонящийся за каждым отдельным деревом, сбивается с ног и теряет дорогу» [7, с. 348].

«На прилавке» («Na straganie») – еще одно произведение Яна Бжехвы, вошедшее в антологию «Бесконечная дорога». При переводе Беловым также в

основном сохраняются формальные элементы стихотворения, то есть смежная рифмовка, строфика (двустипшие), чтобы основанная на них словесная игра, заложенная автором, осталась неизменной.

«Na straganie w dzień targowy «На прилавке в день базарный
Takie słyszy się rozmowy: слышен разговор престранный:

"Może pan się o mnie oprze, – Пан Шпинат, – сказала Мята, –
Pan tak wiedenie, panie koprze." что-то нынче вы помятый.

"Cóż się dziwić, mój szczypiorku, – Это у меня мигрень.
Leżę tutaj już od wtorku!"»... [10] Я лежу здесь третий день!..» [11]

Произведение строится на описании разговора овощей, лежащих на прилавке. Переводчику приходится заменить названия некоторых овощей на близкие: зеленый лук (szczypiorek) – мята, укроп (koper) – шпинат, кольраби (kalarepka) – помидор, горох (groch) – укроп, сельдерей (seler) – чеснок. Так как все эти слова составляют единое семантическое поле – «овощи», то лексико-семантическая потеря при переводе, в сущности, не так велика и полностью оправдана задачей сохранения формальной структуры стихотворения.

Не все названия овощей заменяются при переводе, используются и другие способы интерпретации, например, когда в произведении разворачивается лирический диалог между свеклой и луком. Дело в том, что в польском языке «свекла» (burak) – мужского рода, а «лук» (cebula) – женского. Переводчику приходится поменять «пол» персонажей, чтобы сохранить смысл оригинальной сцены:

«Burak stroni od cebuli, «Ссохшись от любовных мук,
A cebula doń się czuli: к Свекле сватается Лук.

"Mój Buraku, mój czerwony, На его прямой вопрос
Czybyś nie chciał takiej żony?" затыкает Свекла нос:

Burak tylko nos zatyka: – Не считите за обиду,
"Niech no pani prędzej zmyka, замуж я за вас не выйду!

Ja chcę żonę mieć buraczą, Кто бы ни связался с вами,
Bo przy pani wszyscy płaczą."» [10] плачет горькими слезами!» [11]

В данном тексте присутствует и экзотизация перевода. Игорь Белов сохраняет традиционное польское обращение «пан», не заменяя его на более понятное русскоговорящему ребенку: «– Пан Шпинат, – сказала Мята, – / что-то нынче вы помятый» [11]. Такой прием не только привлекает внимание детской аудитории за счет чужеродного звучания, делая произведение более развлекательным и игровым, но и знакомит с традициями, культурой другой страны, что очень важно при переводе поэзии.

Кроме того, в стихотворении используется лексический повтор: «"A to feler" / - Westchnął seler» [10] («– Мир жесток, – / вздохнул Чеснок» [11]). Данная стилистическая фигура также представляет собой форму языковой игры, задавая специфический дополнительный ритм всему тексту и делая его более простым для запоминания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что польская поэзия, написанная для детей, при переводе на русский подвергается множественным трансформациям, обусловленным «возрастной» спецификой и лингвокультурными особенностями языка оригинала и языка перевода. Стихи Яна Бжехвы, представленные в антологии, являются примером хорошей адаптации, так что можно судить о высоком качестве работы, проведенной И. Беловым.

Список литературы

1. Магомедзагиров Р. Г. Методы и принципы поэтического перевода. Переводческие преобразования при переводе поэзии // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2016. – № 4. – С. 100-108.
2. Тихомиров Ю. А. Авторская онтология в поэтическом тексте через время и пространство: перевести, не потеряв // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2013. – № 3 (7). – С. 6-22.
3. Алексеева М. Л. Существует ли поэтический перевод? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 87-93.
4. Алексеева М. О. О проблемах перевода русской поэзии на польский язык и о стихах Юлиана Тувима в русских переводах // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2014. – № 4. – С. 162-171.
5. Зими́на Е. В. Особенности перевода современной польской поэзии // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова – 2016. – № 5. – С. 211-213.
6. Голубь М. С., Карпенко А. С. Особенности влияния художественной литературы на развитие личности ребёнка дошкольного возраста // Инновационная наука. – 2019. – № 4. – С. 181-182.

7. Эткинд Е. Г. Для маленьких читателей // «Поэзия и перевод». – М.-Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1963. – С. 345-379.
8. Зайцева Н. В. Приемы создания поэтического образа в произведениях для детей // Региональная Россия: история и современность. Материалы III Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре, 2020. – С. 82-87.
9. Кульпина В. Г., Татаринов В. А., Урбанек Д. Международная конференция «Языковая картина мира в оригинале и переводе» (25-27 ноября 2005 г., Варшавский университет) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2008. – С. 223-237.
10. Brzechwa J. Wiersze. Warszawa: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2014. – 99 s.
11. Белов И. Бесконечная дорога // полутона URL: <https://polutona.ru/?show=0627065626> (дата обращения 27.04.2023)

УДК 81

Повелица С.И. Формирование глоссария: к вопросу о признаках термина и его отличиях от терминоподобных единиц (имя собственное, номенклатура, терминоид, профессионализмы, профессиональный жаргонизм)

Повелица Софья Игоревна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург, Россия
povelitsa.sofya@mail.ru

Glossary formation: on the question of the features of the term and its differences from terminological units (proper name, nomenclature, terminoid, professionalisms, professional jargon)

Povelica Sofya Igorevna

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Ural Humanitarian Institute, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. В связи с развитием, глобализацией и зарождением новых профессиональных областей ежегодно создается множество глоссариев различных тематик. Основной вопрос, возникающий при формировании глоссария – какая лексическая единица должна входить в содержание глоссария. Целью данного исследования является определение термина как элемента глоссария. Были проанализированы труды лингвистов и филологов для выявления основных признаков термина, а также рассмотрены терминоподобные единицы и их отличия. В процессе исследования была предпринята попытка установить, является ли «термин» как лексическая единица языка и «термин» как элемент глоссария идентичными понятиями.

Ключевые слова: глоссарий, термин, терминоподобные единицы, имя собственное, номенклатура, терминоиды, профессионализмы, профессиональный жаргонизм.

Abstract. Due to the development, globalization and the emergence of new professional fields, many glossaries of various topics are created annually. The main question that arises when forming a glossary is which lexical unit should be included in the content of the glossary. The purpose of this study is to define the term as an element of the glossary. The works of linguists and philologists were analyzed to identify the main features of the term, as well as terminological units and their differences were considered. In the course of the research, an attempt was made to establish whether the "term" as a lexical unit of the language and the "term" as an element of the glossary are identical concepts.

Keywords: glossary, term, terminology-like units, proper name, nomenclature, terminoids, professionalisms, professional jargon.

Глоссарий – инструмент переводчика любой области. Формирование глоссария происходит путем конструирования перечня узкоспециализированных терминов, которые содержатся в переводимом тексте. Данный перечень также подлежит переводу для его дальнейшего использования в процессе интерпретации текстов. Поэтому глоссарии применимы в различных областях знаний, а некоторые из них являются результатом специальных исследований [1, с. 102]. Глоссарии создаются как для широкой аудитории – общие глоссарии, так и для специфической аудитории – специальные глоссарии, которые чаще всего являются приложением к документам и его содержание зависит от текста предшествующий ему. Специальные глоссарии сфокусированы только на тех терминах, которые имеют отношение к чтению данного документа. Чаще всего глоссарий определяют как список терминов, требующих комментариев и пояснений. Некоторые специалисты помимо терминов добавляют в глоссарии названия продуктов, аббревиатуры, сокращения и т.п.

Наиболее широко определяются глоссарий в работе Каруссо, где глоссарий – это мини-словарь расположенный либо в начале, либо в конце документа [2, с. 264]. С.В. Гринев-Гриневиц определял глоссарии как *«словари незнакомых или трудных слов, сложившиеся из подстрочных переводов к незнакомым словам латинских текстов; перечни таких переводов давались в конце текстов»* [3, с. 41], *«словарь узкоспециализированных терминов»* [3, с. 43] и *«перечень терминов»* [3, с. 182]. В.М. Лейчик также указывал глоссарий как *«перечень терминов»* [4, с. 206]. Обобщая вышесказанное, то глоссарий можно идентифицировать как приложенный к тексту перечень незнакомых и узкоспециализированных терминов. Таким образом, глоссарии состоят именно из терминов.

Исследованию понятия термина посвящено множество трудов. И.С. Кудашев в своей монографии определяет термин как *«общие специальные понятия и категории, объем которых включает в себя более одного объекта и также фундаментальные понятия»* [5, с. 102], т.е. термины – это те понятия, которые лежат в основе знаний какой-либо области. Шире понятие «термин» определяет Б.Н. Головин: *«это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними»* [6, с. 5]. С точки зрения Л.М. Алексеевой, термин это – языковой знак, являющийся семантическим конденсатом какого-либо научного или технического понятия и включающийся в построение нового научного понятия [7, с.

15]. Развитие понятия термина, как главного объекта терминоведения, продолжает эволюционировать и в настоящее время [8, с.79].

Термины наделены рядом признаков. С.В. Гринев-Гриневиц выделяет следующие признаки [9, с.720-723]:

1. термин обозначает понятие;
2. термин принадлежит к специальной области знания;
3. термин имеет дефиницию – т.е. границы его применения;
4. термин имеет точное значение;
5. термин контекстуально независим;
6. термин конвенционален и имеет целенаправленный характер появления;
7. термин устойчив и воспроизводим в речи;
8. термин номинативен, служит для обозначения явлений, предметов и т.д.;
9. термин стилистически нейтрален.

В.М. Лейчик считает, что термин наделен такими особенностями, как [4, с. 32]:

1. термины обладают всеми семантическими и формальными признаками слов и словосочетаний естественного языка;
2. термины фигурируют как таковые именно в лексике языка специальных целей, а не в лексике того или иного естественного языка в целом;
3. в лексике языка специальных целей термины служат в качестве средства обозначения специальных общих понятий – результата когниции в специальных сферах знаний и (или) деятельности;
4. термины представляют собой элементы терминосистем, моделирующих теории.

Помимо исследований, посвященных определению «термина» и его признакам, в лингвистической среде неоднократно поднимался вопрос о терминоподобных единицах. Наиболее полное собрание исследований терминоподобных единиц собрано в монографии И.С. Кудашева. К таким единицам он относит: имена собственные, номенклатуру, терминоиды, профессионализмы и профессиональный жаргонизм.

Имя собственное, по И.С. Кудашеву – это понятие, объем которого включает в себя один-единственный объект [5, с. 100]. Имя собственное, как отдельную терминоподобную единицу, выделяет только И.С. Кудашев. Большинство лингвистов

склонны включать имя собственное в состав такого понятия как «номенклатура». Например, В.М. Лейчик определяет номенклатуру как «совокупность названий технических продуктов, специальные имена собственные, называющие наиболее важные единичные объекты науки и производства» [4, с. 222]. Точку зрения В.М. Лейчика также можно подкрепить исследованиями А.А. Реформатского и О.С. Ахмановой. А.А. Реформатский, указывая на различия номенклатурных слов и термина, выделяет следующие различия:

- значение номенклатурных слов точнее и конкретнее значения терминов;
- номенклатурные слова обозначают предметы единичные и могут быть именами собственными.

О.С. Ахманова идентифицирует номенклатуру как «совокупность специальных терминов-названий». Такие термины-названия употребляются для обозначения типичных объектов данной науки. То есть, по О.С. Ахмановой, алфавит – термин, русская «а» – номенклатурный знак. Это же применимо и для определения А.А. Реформатского, гора – термин, Эльбрус – номенклатурный знак [6, с. 16-17]. Таким образом, при выявлении отличий понятия имени собственного от понятия термин, будут использоваться принципы дифференциации номенклатурного знака от термина.

Следующей терминоподобной единицей И.С. Кудашев называет терминоиды. Данное понятие ввел А.Д. Хаютин и определял как «лексические единицы, либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам». Терминоидами называют определения, которые еще не вполне классифицированы, у них нет четких различий, а системные связи только зарождаются. И.С. Кудашев наделяет терминоид такими признаками, как [5, с. 103-105]:

- неустойчивость содержания;
- временный характер;
- излишняя длина описательности;
- неустойчивая форма.

Л.М. Алексеева считает, что терминоиды – это совокупное определение для терминоподобных единиц, и включает туда номенклатуру, профессионализмы и профессиональный жаргон. По мнению Л.М. Алексеевой, терминоиды не могут участвовать в дальнейшем приращении знания, т.к. у них наблюдается преобладание номинативной функции над когнитивной функцией [10, с. 15].

Профессионализмы – лексические единицы свойственные и существующие в определенной профессиональной среде, имеют несколько признаков [4, с. 78]:

- они наделены фонетическими особенностями;
- грамматически и лексически архаичны;
- полны упрощений.

Не существует одинакового мнения касательно классификации профессионализмов. Одни лингвисты отождествляют их с терминами, другие относят их к единицам ремесленной лексики, третьи исследуют критерии их разграничения в употреблении (например: степень образности, точность, временной статус). Основным признаком профессионализмов – наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций. Поскольку обычно профессионализмы (например: баранка) появляются с соблюдением всех норм языка, но отличает их только то, что они вызывают больше эмоциональных коннотаций, чем несомненные термины (например: рулевое колесо). Некоторые исследователи среди признаков профессионализмов указывают на их практическую значимость, так как появляются они в процессе предметно-практической деятельности [11 с. 121]. Также очевидным отличием профессионализма от термина, является ограниченность употребления, но при том условии, что у профессионализма существует параллельный термин, в противном случае профессионализмы приобретают статус терминов.

Профессиональные жаргонизмы определяются как разновидность профессионализмов. Их главное отличие от профессионализмов – невозможность приобретать нормативный характер, границы их употребления ясно ощущается только говорящими. Таким образом, профессиональный жаргонизм – это просторечия, слова «своего» профессионального языка [12, с.43-47].

Как указано выше, номенклатура, профессионализмы, профессиональный жаргонизм имеют свои признаки, позволяющие отличить их термина, они будут рассматриваться как самостоятельные лексические единицы языка специальных целей, а не подтипом терминоидов.

Возвращаясь к вопросу формирования содержания глоссария, то данный процесс был рассмотрен именно с точки зрения дефиниции самого глоссария. На самом деле, на сегодняшний день не существует ясных и четких границ к содержанию глоссария именно как к однотипному набору лексических единиц. Например, проанализировав глоссарий по машинному обучению (Machine learning glossary), составленный компанией Google [13], и глоссарий терминов PDF, от PDF Association [14], то в качестве термина используются различные типы лексических единиц, такие

как терминоиды, номены и т.д. Следовательно, понятие «термина», применимое непосредственно к самому глоссарию отличается от понятия «термина» как к самостоятельной лексической единицы. Джон М. Ланнон предлагает три принципа, для определения лексических единиц, требующих включения в глоссарий [15, с. 376]:

1. лексическая единица не должна быть знакома предполагаемому читателю;
2. лексическая единица должна иметь особое значение в документе;
3. лексическая единица нуждается в объяснении.

Основываясь на результатах анализа теоритической базы и принимая во внимание содержание существующих глоссариев, было сформировано определение «термина» как элемента глоссария. В результате данного исследования, были сделаны выводы о том, что «термин» как элемент глоссария – незнакомая общей аудитории лексическая единица языка специальных целей занимающая ключевое значение в полном познании текста.

Список литературы

1. Monica Olvares Leyva Translators and glossaries for bilingual literary books: a methodological proposal // The Translator: studies intercultural communication. 2019. Vol. 25. № 2. P. 101 – 117. <https://doi.org/10.1080/13556509.2019.1650628> (дата обращения: 08.04.2023)
2. Carusso Rebecca B. Technical communication. – Belmont, CA: Wadsworth, 1986. – 214 p.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: Учебное пособие.. 3-е изд., доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
5. Кудашев И.С. Проектирование словарей специальной лексики: Монография. – Факультет перевода Хельсинского университета: Helsinki University print, 2007. – 445 с.
6. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
7. Алексеева Л.М. Термин и метафора. – Пермь: Изд-во Перм. университета, 1998 – 250 с.
8. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Путь к дискурсивному терминоведению (к 90-летию В. М. Лейчика) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/put-k-diskursivnomu-terminovedeniyu-k-90-letiyu-v-m-leychika> (дата обращения: 10.04.2023).
9. Гринев-Гриневиц Сергей Викторович, Сорокина Эльвира Анатольевна, Молчанова Мария Александровна ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-k-voprosu-ob-opredelenii-termina> (дата обращения: 09.04.2023).

10. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: Учебное пособие по спецкурсу. – Пермь: Изд-во Перм. университета, 1998. – 120 с.
11. Голованова Елена Иосифовна. Является ли профессионализм дублетом термина? // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-professionalizm-dubletom-termina> (дата обращения: 10.04.2023).
12. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
13. Machine Learning Glossary. URL: <https://developers.google.com/machine-learning/glossary?hl=en>
14. Glossary of PDF terms. URL: <https://pdfa.org/glossary-of-pdf-terms/>
15. Lannon John M. Technical writing. 7th ed. – New York, NY: Longman, 1997. – 693 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'33

**Андреева Е.В. Качественные прилагательные с отрицательной семантикой
в английском языке: сопоставительный аспект**

Андреева Екатерина Васильевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2
ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова», РФ, Чувашская Республика, г. Чебоксары
kate016@mail.ru

**Qualitative adjectives with negative semantics in English:
comparative aspect**

Andreeva Ekaterina Vasilyevna

senior Lecturer, department of Foreign Languages № 2, Cheboksary
Cheboksary, Russia, Chuvash Republic

Аннотация. В статье анализируются качественные прилагательные с отрицательной семантикой в английском языке в сопоставлении с чувашским языком. Известно, что значение отрицания реализуется как эксплицитными средствами, так и имплицитными. Последние представляют наибольший интерес, так как они формируют семантику отрицания опосредованно, то есть, отрицательное значение скрыто в форме слова, а иногда и в целом предложении. Цель исследования – сопоставить качественные прилагательные с отрицательной семантикой в английском и чувашском языках, также выявить вариативные соответствия при передаче аналогичной семантики в исследуемых языках. На основании сопоставительного анализа качественных прилагательных с семантикой отрицания в разноструктурных языках установлено, что разносистемные языки имеют сходства и отличия в структурно-семантическом аспекте.

Ключевые слова: английский язык, чувашский язык, имплицитный, качественные прилагательные, вариативное соответствие.

Abstract. The paper analyzes the qualitative adjectives with negative semantics in English in comparison with the Chuvash language. It is known that the meaning of negation is realized by both explicit and implicit means. The latter are of most interest because they form the semantics of negation indirectly, that is, the negative meaning is hidden in the word form, and sometimes in the whole sentence. The aim of the study is to compare qualitative adjectives with negative semantics in English and Chuvash and to identify variant correspondences in the transmission of similar semantics in the languages under study. On the basis of the comparative analysis of qualitative adjectives with the semantics of negation it has been found out that differently structured languages have similarities and differences in the structural-semantic aspect.

Key words: English, Chuvash, implicit, qualitative adjectives, variant correspondence.

Введение и описательная часть

Категория отрицания представляет собой уникальное языковое явление, так как располагает грамматическими, лексическими, синтаксическими средствами выражения. Так, эксплицитные средства выражения категории отрицания представлены отрицательными префиксами и суффиксами, наречиями и местоимениями, частицами в английском и чувашском языках. Имплицитные средства семантики отрицания выражаются иначе, что подтверждается теоретической базой данного исследования. В качестве фактического материала исследования послужили оригинальные художественные произведения английского автора О. Уайльда «Fairytale» и их перевода на чувашский язык Б. Чиндыковым «Тёлёнтермёш юмахсем», чувашский роман автора Д.А. Кибек «Кайяк тусё», онлайн словарь английского языка, онлайн словарь чувашского языка.

В научных трудах Г.П. Грайс, Е.С. Падучевой, В.З. Панфилова и др. раскрывается сущность скрытого смысла высказывания, не имеющего явно выраженных показателей отрицания. По мнению Г.П. Грайс, «импликатура подразумевает небуквальные аспекты значения и смысла, которые определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений (языковым кодом)» [5, с. 220-234]. Специальные показатели в дискурсе позволяют угадывать скрытый смысл значения отрицания. «Импликатура в целом, в отличие от пресуппозиций, не конвенциональна – она вытекает из общих постулатов коммуникации и, в принципе, не зависит от языка» [6, с. 237]. Согласно В.З.Панфилову, «импликация представляет собой вид логической связи, устанавливаемый мышлением между каким-либо событием (процессом) и условиями, в которых это событие происходит» [7, с. 116].

Значимость выражения имплицитных средств, на примере качественных прилагательных, заключается в том, что «иногда говорящий специально подбирает непрямую форму выражения. Это случается, когда есть необходимость передать смысл в подчеркнутой или смягченной форме, сделать намек или выразить иронию» [10, р. 170].

Комплексное исследование имплицитных средств выражения отрицания в английском языке представлено в научной работе А.Т. Амирова, О.А. Прокофьевой.

В чувашском языкознании не отмечено специальных трудов, в которых исследованы лексемы с имплицитным выражением значения отрицания. Поэтому сопоставительный анализ качественных прилагательных с семантикой отрицания в двух языках необходим, так как позволит выявить специфические особенности

каждого из языков.

В современном английском языке примерами имплицативов могут быть качественные прилагательные: «*absent, reluctant, hard, difficult*» [9, p. 152-153].

англ. *But it is such a very difficult pose to keep up* [Cambridge dictionary]; здесь и далее перевод автора Андреева Е.

англ. *I find that little things are so very difficult to do* [Cambridge dictionary].

В примерах из чувашского языка также отмечены слова с соответствующим значением:

чув. *Манӑн почерк япӑх, вӑл ӑна вуласа тухаяс сук, – хаш хуйхӑрса ячӗ Виктор* [Кибек, с. 229] ‘У меня плохой почерк, он не сможет прочесть его – глубоко вздохнув, опечалился Виктор’;

чув. *Униӑн чӗкеҫ айӑплӑ-и?* [Кибек, с. 233] ‘По этой причине ласточка виновата?’.

Примечательно, что качественные прилагательные с имплицитным выражением значения отрицания в исследуемых языках могут быть трансформированы в эксплицитные. В английском языке участвует показатель – отрицательная частица *not*, в чувашском – постпозитивная отрицательная частица *мар*: *Манӑн почерк япӑх, вӑл ӑна вуласа тухаяс сук, – хаш хуйхӑрса ячӗ Виктор – Манӑн почерк япӑх – лайӑх мар (таса мар), Униӑн чӗкеҫ айӑплӑ-и?–Униӑн чӗкеҫ тӑрӑс мар-и?, Анне, шурса кайнӑ пит-кусне тусанлӑ аллсемпе хупласа, йӑрсе ячӗ – Анне, лайӑхмарланса кайнӑ пит-кусне тусанлӑ (таса мар) аллсемпе хупласа, (уҫса мар) йӑрсе ячӗ.*

Примеры с качественными прилагательными с семантикой отрицания в исследуемых языках:

англ. The **poor** children had now **nowhere** to play [Wilde O., p.15];

чув. **Мӑскӑн** ачасем вара халӑ выляма пӑлмен [Уайльд О., с.24] / «Бедняжкам негде было играть».

англ. <...> but the road was very dusty and full of **hard** stones <...> [Wilde O, p.15];

чув. <...> анчах сул тӑршӑпех **йывӑр чулсем** сапланса выртнӑ, тусан мӑкӑрланнӑ [Уайльд О., с. 24] / <...> «однако по всей дороге были разбросаны острые камни и лежала густая пыль».

В примерах из английского языка значение имплицитного отрицания реализуется при помощи прилагательных **poor**, **hard** в словосочетаниях **poor children**, **hard stones** «бедняжки, острые камни». Аналогичная семантика на

чувашский язык передается при помощи прилагательного **мёскён**, **йывёр** в словосочетаниях **мёскён** ачасем, **йывёр** чулсем.

англ. What are you doing here? he cried in a very **gruff** voice <...> [Wilde O., p.16];

чув. Мён таватёр эсир кунта? - **хаярран** кашкёрса янёр Улёр <...> [Уайльд О., с. 25] / «Что вы здесь делаете?» – он прокричал раздраженно».

В оригинале словосочетание a very **gruff** voice, состоящее из качественного прилагательного **gruff** в значении «резкий, грубый» и усилителя значения определения **very** «очень» выражает имплицитное значение отрицания. При передаче соответствующей семантики на чувашский язык употребляется наречие **хаярран**, образованного от прилагательного с аналогичной семантикой **хаяр** «безжалостный, беспощадный, жестокий».

англ. He was dressed in **grey**, and his breath was like **ice** [Wilde O., p.16];

чув. Тумё унёр тёссёр пулнёр, сывлёршёр – **пёр пек сивёр** [Уайльд О., с. 25] / <...> «однако по всей дороге были разбросаны острые камни и лежала густая пыль»;

англ. Years went over, and the Giant grew very **old** and **feeble** [Wilde O., p.16];

чув. Сулсем иртёсем Улёр вёрсёрланнёр, **ватёрлнёр** [Уайльд О., с. 25] / <...> «годы шли, Великан – эгоист становился слабым».

В английских примерах имплицитное значение отрицания выражается при помощи прилагательных **grey**, **old**, **feeble** «серый, старый, слабый». В чувашском языке соответствующая семантика передается при помощи прилагательного **тёссёр**, образованного от существительного **тёс** и показателя именного отрицания аффикса -**сёр**, прилагательного **вёрсёрланнёр** от существительного **вёр** аффикса отрицания -**сёр**. Прилагательное **old** передается при помощи глагола **ватёрлнёр** «стареть» в прошедшем времени.

Таким образом, сопоставительный анализ качественных прилагательных с отрицательной семантикой показал, что в целом, семантика аналогична в исследуемых языках, но структурно отличается:

1) семантика качественного прилагательного с имплицитным значением отрицания передается наречием с аналогичной семантикой;

2) семантика качественного прилагательного с имплицитным значением отрицания передается при помощи прилагательных, образованных при помощи аффикса отрицания -**сёр** (-**сёр**);

3) семантика качественного прилагательного с имплицитным значением отрицания передается при помощи сказуемого в прошедшем времени.

Список литературы

1. Андреева Е.В. Функция отрицательной частицы *not* в структуре предложений, выражающих проблематичность в английском языке: сопоставительный аспект // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание». - 2022. - №03 (83). - С. 79 - 85. Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/?p=0000> (Дата обращения: 13.04.2023).
2. Андреева Е.В. Способы передачи английских подчинительных союзов с отрицательной семантикой на чувашский язык (очерк) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание». - 2022. - №03 (83). - С. 121 - 124. Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/?p=0000> (Дата обращения: 13.04.2023).
3. Андреева Е.В. Речь отрицательного героя в произведении О.Уайльда «Devoted friend» и ее перевода на чувашский язык // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание». - 2022. - №03 (83). - С. 115-121. Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/?p=0000> (Дата обращения: 13.04.2023).
4. Амиров А. Т. ИмPLICITное отрицание в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Амиров Асиф Танрыверды оглы. – М., 1981. – 32 с.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – С. 220–234.
6. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. – М. : Яз. славян. культуры, 2013. – 304 с.
7. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания: гносеол. аспекты / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
8. Прокофьева О.А. Функционально-семантические особенности категории отрицания в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Прокофьева Олеся Александровна. — Пятигорск, 2002. — 200 с.
9. Karttunen L. Implicative verbs / L. Karttunen // Language. – 1971. – Vol. 47, № 2. – P. 340.
10. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p.

Список источников

1. Кибек Д. А. Кайӑк тусӑ: роман / Д. А. Кибек. – Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2008. – 383с.
2. онлайн словарь английского языка (Cambridge Dictionary: – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (режим доступа 13.04.2023)
3. онлайн словарь чувашского языка URL: <https://samah.chv.su/> (режим доступа 13.04.2023)
4. Уайльд О. Тӑлӑнтермӑш юмахсем / Оскар Уайльд. – Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1986. – 127 с.
5. Wilde O. Fairy Tales / O. Wilde. – М.: Прогресс, 1979. – 212 с.

УДК 8.81

Ларина О.Р. Сопоставительный анализ контекстуальных парадигм русского числительного *четыре* и его английского эквивалента *four*

Ларина Оксана Руслановна

магистрант кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
РФ, г. Москва
oxilarina@yandex.ru

Comparative analysis of contextual paradigms of the Russian numeral *four* and its English equivalent *four*

Larina Oksana Ruslanovna

Master's student of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow

Аннотация. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу контекстуальных парадигм русского числительного *четыре* и его английского эквивалента *four*. В исследовании представлены примеры контекстуальных парадигм, демонстрирующих больший текстовый потенциал русского числительного в сравнении с его аналогом в английском языке. Статья содержит фрагмент системы упражнений и заданий, направленный на формирование и дальнейшую отработку навыка лексических трансформаций русских количественных числительных.

Ключевые слова: изосемия, контекстуальная парадигма, лексические трансформации, парадигматика, русский язык как иностранный.

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of contextual paradigms of the Russian numeral *four* and its English equivalent *four*. The study presents examples of contextual paradigms demonstrating the greater textual potential of the Russian numeral in comparison with its counterpart in English. The article contains a fragment of a system of exercises and tasks aimed at the formation and further development of the skill of lexical transformations of Russian cardinal numerals.

Keywords: isosemy, contextual paradigm, lexical transformations, paradigmatics, Russian as a foreign language.

1. Введение. Вопросы, связанные со спецификой преподавания русского языка как иностранного, в частности его лексического уровня, были и остаются актуальными темами для исследований учёных-методистов и преподавателей-практиков. Одним из основных в функционально-коммуникативной модели представления русского языка является понятие «изосемия», которое было введено в науку российским лингвистом Г.А. Золотовой: «Изосемическими являются слова, категориальный статус (частеречная принадлежность) которых соответствует категориальному явлению действительности, которое данным словом называется».

Неизосемическими являются слова, категориальный статус которых не соответствует категориальному явлению действительности, которое данным словом называется» [4, с. 9]. По словам М.В. Всеволодовой, которая развивала данную теорию в своих исследованиях, «эта фундаментальная классификация охватывает все полнозначные слова и соотносит их с внеязыковой действительностью» [3, с. 75].

2. Контекстуальная парадигма слова. Настоящее исследование посвящено явлению парадигматики слов. Так, «парадигма слова – это совокупность словоформ, выбираемых в зависимости от выполняемой синтаксической функции» [1, с.97]. Одной из её разновидностей является так называемая контекстуальная парадигма (КП) лексических единиц, которая «включает исходное изосемическое слово в составе изосемической изоморфной конструкции и его контекстуальные корреляты, включая неизосемические» [4, с.13]. Явление КП способно стать одним из эффективных инструментов в изучении трансформационных возможностей русского языка с целью дальнейшего внедрения результатов исследования на занятиях по РКИ.

3. Сопоставление контекстуальных парадигм русского числительного *четыре* и его английского эквивалента *four*. Важным условием для объединения конструкций в одну КП является тождество смыслового значения исходного слова и его коррелятов, а также единство объекта внеязыковой действительности предложений. В статье представлены результаты исследования КП русского количественного числительного *четыре* в сопоставлении с КП его эквивалента *four* в английском языке.

Ниже представлены типы соотношений между КП числительного в русском и английском языках на примере нескольких предложений, их трансформаций и английских эквивалентов.

I. Числительное: ***четыре***

1. Num (количественное числительное *четыре* в составе изосемической изоморфной конструкции): *Перед спектаклем артист повторил роль **четыре** раза.*

2. Adv (наречие *четырежды* в составе неизосемической конструкции): *Перед спектаклем артист повторил роль **четырежды**.*

The numeral: ***four***

1. *Before the performance, the actor repeated the role **four** times.*

2. *Before the performance, the actor repeated the role **four** times.*

II. Числительное: ***четыре***

1. Num (количественное числительное *четыре* в составе изосемической изоморфной конструкции): *Инвестиции США за рубеж выросли в **четыре** раза.*

2. Adv (наречие *вчетверо* в составе неизосемической конструкции): *Инвестиции США за рубеж выросли **вчетверо**.*

The numeral: **four**

1. *The USA investments abroad have increased in **four** times.*

2. *The USA investments abroad have increased in **four** times.*

III. Числительное: **четыре**

1. Num (количественное числительное *четыре* в составе изосемической неизоморфной конструкции): **Четыре** преступника были приговорены к смертной казни.

2. Num (собирательное числительное *четверо* в составе изосемической неизоморфной конструкции): **Четверо** преступников были приговорены к смертной казни.

3. Adv (наречие *вчетвером* в составе неизосемической конструкции): *Преступники **вчетвером** были приговорены к смертной казни.*

The numeral: **four**

1. **Four** criminals were sentenced to death.

2. **Four** criminals were sentenced to death.

3. **Four** criminals were sentenced to death.

IV. Числительное: **четыре**

1. Num (количественное числительное *четыре* в составе изосемической изоморфной конструкции): *Жительница Волгограда родила **четырёх** сыновей.*

2. Num (собирательное числительное *четверо* в составе изосемической изоморфной конструкции): *Жительница Волгограда родила **четверых** сыновей.*

3. N (существительное *четверня* в Р.п. в составе неизосемической конструкции): *Жительница Волгограда родила **четверню**.*

The numeral: **four**

1. *A resident of Volgograd gave birth to **four** sons.*

2. *A resident of Volgograd gave birth to **four** sons.*

3. *A resident of Volgograd gave birth to **four** sons/children.*

V. Числительное: **четыре**

1. Num (количественное числительное *четыре* в составе изосемической изоморфной конструкции): *На последнем экзамене по музыке он получил **«четыре»**.*

2. N (существительное *четвёрка* в В.п. в составе неизосемической конструкции): *На последнем экзамене по музыке он получил «четвёрку».*

The numeral: **four**

1. *At the last music exam he got a «four».*

2. *At the last music exam he got a «four».*

Обучение иностранцев навыку лексических перефразировок является важным элементом учебного процесса. В современной методике существует огромное количество учебников, учебных пособий и сборников упражнений, в которых в той или иной степени представлен материал синонимических синтаксических трансформаций [2; 5], но в них, на наш взгляд, не в полной мере отражен материал, который бы иллюстрировал явление КП лексических единиц. Ниже приводим фрагмент системы упражнений и заданий, направленный на формирование и отработку навыка передачи одного денотативного содержания посредством лексических трансформаций в иностранной аудитории (Упражнения 1; 2), а также на формирование вторичной языковой личности инофона, позволяющей лучше понимать живую речь носителей языка (Упражнение 3).

4. Фрагмент системы упражнений и заданий

Упражнение 1. Переведите на русский язык предложение различными способами, используя контекстуальные корреляты русского числительного *четыре*.

*Образец: Air ticket prices have risen **four** times.*

1. *Цены на авиабилеты выросли в **четыре** раза.*

2. *Цены на авиабилеты выросли **вчетверо**.*

1) ***Four** friends went on an exciting trip to Altai.*

2) ***Four** horses took part in the annual horse race.*

3) *The fashion magazine is published **four** times a year.*

4) *Krasnoyarsk region is **four** times bigger than France.*

Упражнение 2. Передайте смысл предложений различными способами, используя контекстуальные корреляты выделенных **жирным** шрифтом числительных.

1) *Космонавт МКС выходил **три** раза в открытый космос.*

2) *Нас тут **шестеро**, и все «за».*

3) *Число российских туроператоров в 2022 году сократилось в **два** раза.*

Упражнение 3. Заполните пропуски в устойчивых словосочетаниях (фразеологизмах), используя слова для справок. При необходимости поставьте

выбранное слово в нужную форму. Объясните значение фразеологизмов. В каких ситуациях они могут быть употреблены?

Слова для справок: **двое, седьмой, дважды, семеро, две, два, семь, второй.**

- 1) *Это так же просто, как ... два четыре.*
- 2) *Братья, как ... капли воды, были похожи на отца.*
- 3) *Отважный солдат Петька так и скакал по лесу на своих....*
- 4) *Талант у него – из ... рук, его работы всегда кого-то или что-то напоминают.*
- 5) *Вы одна на свете, я тоже один, ... сапога – пара.*
- 6) *Друг был на ... небе от счастья, сбылась его давняя мечта.*
- 7) *У хозяина уж точно ... по лавкам – и большие, и маленькие ребятишки.*
- 8) *Рассудительные и неторопливые люди следуют поговорке - ... раз отмерь, один раз отрежь.*

5. Выводы. Таким образом, на основе представленных примеров КП количественного числительного *четыре* в сопоставлении с КП его эквивалента *four* в английском языке можно сделать вывод о том, что текстовый потенциал эквивалента *four* в английском языке значительно уже, поскольку представлен исходным изосемическим словом в исходной изосемической конструкции с нулевой реализацией его коррелятов. В то же время числительное *четыре* в русском языке обладает разветвленной КП, представленной одним-двумя контекстуальными коррелятами.

Такой сопоставительный межязыковой анализ на материале числительного *четыре* и его английского эквивалента *four* позволил выявить многообразие и богатство трансформационных возможностей русского количественного числительного в сравнении с его английским аналогом.

В силу более ограниченных возможностей синонимических перефразировок числительных английского языка в сопоставлении с русским у иностранца могут возникнуть трудности в изучении темы контекстуальной парадигмы числительных, что, несомненно, может повлечь за собой явление языковой интерференции, когда меньший текстовый потенциал лексем родного языка будет препятствовать усвоению большего трансформационного репертуара изучаемого языка. Таким образом, полученные в процессе исследования результаты могут стать инструментом не только расширения словарного запаса инофона, но и предотвращения, а также устранения «отрицательного» языкового материала в речи иностранных учащихся.

Список литературы

1. Блохина Т.Г. Явления изоморфизма в парадигматических и синтагматических отношениях на разных лингвистических уровнях // Вестник ТГУ. Вып. 3(35). 2004. С. 95–104.
2. Всеволодова М.В., Бащ Е.Г., Венедиктова Н.К., Толстая И.В., Шведова Л.И. Беспредложное и предложное управление. Сборник упражнений для иностранцев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 333 с.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017. 656 с.
4. Панков Ф.И. Контекстуальная парадигма наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 2. С. 7–29.
5. Хавронина С.А., Широченская А.И. Русский язык в упражнениях. М: Русский язык, 2022. 384 с.

УДК 81'373

**Новикова Л. А., Матросова К. И. Пословицы с компонентом «дерево»
в русском, английском и удмуртском языках**

Новикова Людмила Анатольевна

кандидат пед. наук, доцент кафедры иностранных языков
Удмуртский государственный аграрный университет, РФ, г. Ижевск
l_novikova_17@mail.ru

Матросова Ксения Игоревна

студентка 2 курса факультета ветеринарной медицины
Удмуртский государственный аграрный университет, РФ, г. Ижевск
Kseniyaaaaaaaaaaaaaaaa376@gmail.com

Proverbs with the component «tree» in Russian, English and Udmurt languages

Novikova Ludmila Anatolyevna

Cand. Sci. (Pedagogy), assistant professor of Foreign Languages Department
Udmurt State Agricultural University, Russia, Izhevsk

Matrosova Kseniya Igorevna

Student of Veterinary Medicine Faculty, Udmurt State Agricultural University
Russia, Izhevsk

Аннотация. В статье исследуется один из актуальных разделов лексикологии - фразеологические единицы, поскольку они передают ценностные ориентации народа, и являются ключом к пониманию другой культуры и менталитета. В статье анализируются фразеологические единицы с компонентом «дерево» и их лексико-семантические особенности в английском, русском и удмуртском языках. Представлена классификация фразеологических единиц по способу перевода. На основе анализа выявлено их этническое своеобразие, а также сходство и различие в эмоциональной нагрузке образов деревьев в пословицах.

Ключевые слова: пословица, этническая идентичность, культурная картина мира, образ дерева, способы перевода

Abstract. The article studies one of the relevant issues of Lexicology – phraseological units, as they convey the values of people, and they are the key for better understanding of other cultures and mindset. The article analyzes phraseological units with the component «tree» and their lexical and semantic peculiarities in English, Russian and Udmurt languages. The classification of proverbs by the translation method is given. The conducted analyses revealed the ethnic peculiarity as well as the similarities and differences in emotional character of tree images in proverbs.

Key words: proverb, ethnic identity, cultural worldview, tree image, translation methods

Введение. Каждому народу и этносу присуща своя этническая картина мира, в которой акцентируется образ мира, порождаемый культурными и историческими особенностями, закрепленными в этническом языке. Этнический язык, культура, история, стереотипы поведения, дух и ментальность народа тесно взаимосвязаны, образуя ядро этнической идентичности. Этническая идентичность – осознание человеком своей этнической принадлежности – позволяет человеку понять свою родственную связь с определенным народом, обеспечивая тем самым традиции и стабильность социума [1].

Проблемы этнической идентичности приобрели сейчас особую актуальность – глобализация, интеграция, цифровизация, геополитические проблемы приводят к увеличению межкультурных контактов, в ходе которых люди постоянно сталкиваются с представителями иных культур. Для успешного и бесконфликтного межкультурного взаимодействия важно понимание себя и других. Знание культуры, традиций, образа жизни того или иного этноса способствует пониманию его менталитета, характера, что в свою очередь необходимо для успешного межэтнического и межкультурного общения в бытовой и профессиональной сфере.

Опыт народа издавна передавался в виде кратких изречений – пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки относятся к фразеологическим единицам и представляют как огромный интерес при изучении иностранного языка, так и определенную трудность в процессе межкультурной деловой коммуникации [2].

Цель исследования – проанализировать фразеологические единицы разноструктурных языков – английского, русского, удмуртского, в состав которых входят названия деревьев, способы перевода данных единиц, а также проанализировать социокультурные коннотации названий деревьев в английском, русском и удмуртском языках и культурах.

Методы и материалы. В работе были использованы методы анализа и обобщения, классификации, описательный метод, а также сравнительно-сопоставительный метод. Методом сплошной выборки были отобраны 40 английских пословиц, 40 пословиц русского языка, 30 пословиц удмуртского языка, в состав которых входят названия различных деревьев [3; 4; 5].

Результаты исследования. В лингвистике существует большое количество определений понятия «фразеологическая единица». По мнению А. В. Кунина, фразеологические единицы – это устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением [6]. В состав фразеологических единиц входят

пословицы и поговорки – широко распространенный жанр устного народного творчества. Главной особенностью пословицы является ее краткая внешняя форма, законченность и назидательное, дидактическое содержание. Поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера. Пословицы и поговорки, как правило, имеют народное происхождение, их первоисточник находится в коллективном разуме народа. В пословицах отражается национальный характер народа, его культурный код, они являются необходимым компонентом культурной и этнической картины мира того или иного народа.

В данной работе мы исследуем пословицы с названиями деревьев, либо включающие слова «дерево, лес» и рассматриваем устойчивые представления народа, связанные с этими деревьями. Следует отметить, что деревья и растения играют важную роль в жизни любого народа, но вследствие различий в окружающем мире, географическом положении, климате, мышлении, религии у каждого этноса формируется своё представление об окружающем мире, свои образы и стереотипы, связанные с деревьями. Существует много общего, но не всегда представления о растениях совпадают в разных культурах.

Анализ пословиц русского языка, содержащих названия деревьев, показал, что самую большую группу составляют пословицы с общим словом «дерево» – 74 % (Скрипучее дерево дольше стоит; Лес по дереву не плачет; Руби дерево по себе). Пословицы с компонентом «береза» составляют 7 % (Бела береза, да деготь черен; Каковы березки, таковы и отростки); «яблоня» – 5 % (Яблоко от яблони недалеко падает; И на хорошей яблоне есть гнилые яблоки); «дуб» – 4 % (Был дуб, а стал сруб; время прибудет, и того не будет); «сосна» – 4 % (Где выросла сосна, там она и красна; Когда на сосне груши будут); «осина» – 3 % (Вырос с осину, а ума с волосину; Трясется, как лист осинный); «липа» – 1 % (Была липка, стала лукошко). Названия других деревьев (ива, верба, бузина, фруктовые деревья) входят в пословицы, которые составляют самую малочисленную группу – 2 % от общего количества проанализированных пословиц.

В пословицах на английском языке также преобладает компонент «дерево»/«tree» – 80 % (He that would eat the fruit must climb the tree; The tree is known by its fruit; Great trees are good for nothing but shade; Just as the twig is bent, the tree is inclined). Далее по частотности представлены пословицы с компонентом «дуб» / «oak» – 12 % (An oak is not felled at one stroke; Great oaks from little acorns grow; Oaks may fall when reeds stand the storm; Little strokes fell great oaks). В остальной части

пословиц встречаются единичные случаи упоминания следующих деревьев – walnut tree, pears, figs, reeds, cedar, myrtle (Walnuts and pears you plant for your heirs; One cannot gather grapes of thorns or figs of thistles; A myrtle among nettles is a myrtle still).

В пословицах удмуртского народа обширную группу представляют также пословицы с компонентом «дерево» – 66 % (Каково дерево, таковы и плоды; К смолисту дереву не прикасайся – запачкаешься; Засохшее дерево второй раз не оживет; Одинокое дерево ветер легко валит; Недотёпу и дерево придавит). Пословицы с компонентом «ель» составляют 10 % от общего числа проанализированных пословиц (Шишка от ели далеко не упадет и ребенок в чужого не уродится; Шишки ели к подножию падают); с компонентом «рябина» – 10 % (От рябины яблок не жди; Несозревшую рябину не едят; Яблоки на рябине не растут); с компонентом «клен» – 6 % (Клен рубить трудно, сок его пить сладко; Без ветра и лист клена не шелохнется); с компонентом «ива» – 6 % (Иву хоть и срубись, да она вновь разрастается; От корней ивы ива же и вырастает); «сосна» – 2 % (Из одинокой сосны бревен для дома не наготовишь).

Дерево – основной элемент картины мира славянских народов. У некоторых пород деревьев сформировались устойчивые мифологические образы. Березу особенно ценили жители северных регионов и финно-угорские народы. Береза – священное дерево древней языческой Руси, ассоциировалось всегда с весной, светом, чистотой, светлыми помыслами и чувствами. Дубу также приписывались положительные качества. Дуб – растение столь же крепкое и выносливое, как и народ. Это самое почитаемое дерево у носителей анализируемых языков, которое символизирует силу и крепость. Яблоня у многих народов символизирует знание, мудрость, плодородие, здоровье, но иногда этот образ отождествляется с коварством и обманом, что отражается в пословицах.

В английской культуре дуб был любимым деревом. С древних времен дуб был в почёте и считался деревом, от которого началось все живое на земле. Дуб – символ дерева жизни, солнца; символ гордости и мощи, долговечности, целостности, здоровья. Также в пословицах и поговорках подчеркивалась сила, мощь дуба. Но в то же время жители Великой Британии заметили, что эти деревья наиболее уязвимы перед природными стихиями.

В удмуртском языке на роль космического, мирового дерева могли претендовать сосна, берёза и ель, культ которых у удмуртов получил наибольшее развитие, и именно они устойчиво ассоциировались с триадой верховных божеств,

причем у каждого из них было «своё» дерево: у Инмара – сосна, у Куазя – ель, у Кылдысина – береза. Объектами культа становились деревья, поражавшие своими размерами, необычной формой, избранные молнией одиноко растущие, как бы противопоставленные остальному лесу. Подобная традиция бытовала, по-видимому, у многих лесных народов. В разных деревнях Удмуртии сообщалось о почитаемых и уважаемых деревьях – ветвистых елях, огромных соснах. У слободских удмуртов широкую известность получил обряд «Иммалаветлон», в основе которого был культ березы, шарканские удмурты поклонялись березе, «в ведении» которой была смена времени года, она определяла даже поворот солнца на весну, то есть обладала явно космической функцией. В этой связи уместно провести параллель со священной березой коми, на которой покоилась старая вера народа, и уничтожение ее означало разрушение прежней системы мироустройства. Символом благополучия и мировым деревом в удмуртской филологии также была рябина.

Таким образом, во всех проанализированных пословицах чаще всего используется образ дерева вообще. Из названий деревьев в английских пословицах в основном представлен образ дуба. В русских пословицах используются лексические единицы – названия таких пород деревьев, как береза, яблоня, дуб, сосна, осина, липа, а в удмуртских – ель, рябина, клен, сосна, ива. Как можно проследить из мифологии народов, на протяжении тысячелетий складывались символы и представления о деревьях, «приписывание» определенных характеристик тем или иным породам деревьев, что нашло отражение в народных пословицах. Люди всегда наделяли деревья человеческими качествами. В основном данные пословицы и поговорки отражают представления, связанные с внешностью, личными качествами человека, его характером, менталитетом и поведением, трудовой активностью, бытовыми ситуациями, социальной сферой, семейной жизнью.

Употребление и перевод пословиц и поговорок представляет определенную трудность в процессе межкультурного и межэтнического взаимодействия, являясь языковым и социокультурным барьером для взаимопонимания и успешной деловой коммуникации [7]. Пословицы всегда содержат национальный оттенок, который понятен только для данной этнической группы, и без знания культурного фона понять пословицу невозможно. Основные трудности при переводе пословиц с одного языка на другой – отсутствие аналога в языке перевода, различия в эмоциональной и стилистической окраске и образности, этническое своеобразие пословиц.

По способу перевода с одного языка на другой пословицы можно условно разделить на три группы (типы межъязыковой эквивалентности) [8]:

1) полные эквиваленты – пословицы, полностью совпадающие в обоих языках, аналогичные по значению, употреблению и лексическому составу;

2) частичные эквиваленты – пословицы, передающие одну и ту же мысль, но разными лексическими средствами, то есть пословицу переводят аналогом;

3) безэквивалентные пословицы, которые не имеют ни эквивалента, ни аналога, и характерные только для одного языка и культуры; при переводе используют описательный перевод-толкование, метод лексического перевода, метод контекстуального перевода.

К первой группе можно отнести пословицы: *Such as the tree is, such is the fruit* – Каково дерево, таков и плод; *The forbidden fruit is always the sweetest* – Запретный плод сладок. Удмуртская пословица «Тӧлтэкписпу но уз выры» имеет русский перевод и эквивалент «Без ветра и дерево не шевелится» и английский вариант «*Without wind and the tree does not move*». Пословицы данной группы составляют незначительное количество – 3 % от всех анализируемых пословиц.

В основном пословицы анализируемых языков являются частичными эквивалентами – смысл пословицы передан другим образом, другими языковыми средствами: *He that would eat the fruit must climb the tree* – Без труда не выловишь и рыбку из пруда; *Little strokes fell great oaks* – Вода камень точит; *Walnuts and pears you plant for your heirs* – Деревья скоро садят, да не скоро с них плод едят; Скрипучая береза дольше стоит – *A creaking door hangs longest*; В огороде бузина, в Киеве дядька – *Apples and oranges*. Нередко одинаковая мысль передается в пословицах английского, русского, удмуртского языков разными образами: *The apple never falls far from the tree* – Яблоко от яблони недалеко падает – От корней ивы ива же и вырастает, Шишка от ели далеко не упадет и ребенок в чужого не уродится (удм); *One cannot gather grapes of thorns or figs of thistles* – Не родит верба груши; От осинки не родятся мандаринки – От рябины яблок не жди (удм.)

Третья группа пословиц малочисленная. В данных пословицах отражены факты истории и культуры народа, особенности проживания и быта, традиции, обусловленные специфическим культурно-историческим развитием этноса. К таким пословицам и поговоркам относятся: в английском языке – *in the green tree* (в расцвете сил); *to be the apple of someone's eye* (быть любимым кем-то); *life is just a bowl of cherries* (жизнь приятна и проста); в русском языке – Была липка, стала лукошко; ободрать как липку; дать дуба.

Выводы. Пословицы и поговорки являются культурным кодом народа и всегда остаются объектом внимания и исследования. Язык отражает национальную

культуру народа, являясь ее хранителем. Изучение языка позволяет понять мировоззрение народа, условия его жизни, национальный характер, образ жизни и систему его ценностей. Фразеология помогает выявить подобные лингвокультурологические особенности и глубже понять язык и мироощущение носителей языка. Пословицы как воплощение ценностей и мудрости народа, являются неотъемлемой частью этнической ментальности. Знание пословиц своего народа способствует становлению этнической идентичности, пониманию себя как части конкретного этноса; на основе положительной этнической идентичности формируется межкультурная компетентность, которая так востребована в современном мире. С другой стороны, знание пословиц и поговорок своего партнера по коммуникации приведет к лучшему пониманию его культуры, особенностей поведения, менталитета, что в конечном итоге влияет на успех межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. Новикова Л.А. Этническая идентичность как основа формирования межкультурной компетентности студентов вуза / Л.А. Новикова, О.В. Василькова, И.С. Акатьева // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31. № 2. С. 217-225. DOI 10.35634/2412-9550-2021-31-2-217-225. EDN OHSYCX.
2. Акатьева И.С. Обучение деловой коммуникации на иностранном языке в образовательном процессе вуза / И.С. Акатьева, Л.А. Новикова // Мир педагогики и психологии. 2019. № 10 (39). С. 109-114.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2003. 616 с.
4. Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Минск: Высшая школа, 1987. 298 с.
5. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки. Устинов: Книжное издательство «Удмуртия», 1987. 276 с. EDN UAJPRX.
6. Кунин А.В. Курс современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
7. Новикова Л.А. Преодоление барьеров общения как средство развития межкультурной компетентности студентов педвуза // Наука образования: сборник научных статей. Выпуск 23 / Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. С. 144-150.
8. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.92

Романов А.В., Михайлов А.С., Чернобай М.А. Особенности формирования игрового сленга в жанре МОБА и шутерах от первого лица

Романов Андрей Валерьевич

Ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Михайлов Артем Сергеевич

Студент, Поволжский государственный университет телекоммуникаций
и информатики

Чернобай Михаил Алексеевич

Студент, Поволжский государственный университет телекоммуникаций
и информатики

Methods of developing game slang in the MOBA genre and first-person shooters

Romanov A.V.

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
Volga Region State University of Telecommunications and Informatics

Mikhailov A. S.

Student, Volga State University of Telecommunications and Informatics

Chernobai M. A

Student, Volga State University of Telecommunications and Informatics

Аннотация. Статья посвящена игровому сленгу, одному из современных активно развивающихся лингвистических феноменов. Отмечается, что в последнее время благодаря рекордному росту игр и геймеров сформировался специфический игровой лексикон. Уникальная среда и общность участников игрового процесса выработали свои инструменты общения. Игровой сленг пользователей является таковым инструментом. Большинство терминов данного сленга заимствовано из английского языка. В статье рассматриваются основные способы формирования игрового сленга в жанре МОБА и шутерах от первого лица, такие как просторечие, аббревиация, заимствование или калька, аффиксальный и суффиксальный способы, а также звукоподражание. Одной из главных, определяющих характеристик игрового сленга называется краткость. МОБА представляет собой жанр компьютерных игр, сочетающий в себе элементы стратегий в реальном времени и компьютерных ролевых игр. Шутер от первого лица – жанр компьютерных игр, в которых игровой процесс основывается на сражениях с использованием огнестрельного или любого другого оружия с видом от первого лица таким образом, чтобы игрок воспринимал происходящее глазами протагониста. Актуальность данного исследования обусловлена стремительным ростом игровой индустрии, развитием компьютерно-игрового дискурса и игрового сленга и, соответственно, необходимостью исследования игрового сленга: обобщения и описания языковых особенностей языка

геймеров в разных жанрах как одной из форм их коммуникации; выявления и классификации способов формирования лексического состава игрового сленга и др. Исследование лексической системы игрового сленга в жанре MOBA и шутерах от первого лица позволит представить модель формирования других игровых языков и провести в дальнейшем их сопоставительный анализ. Теоретическая значимость работы определяется тем, что ее результаты вносят определенный вклад в разработку теории дискурса, теории межкультурной коммуникации и речевого поведения в целом, а также проблем современной лингвистики, связанных с развитием игрового сленга как способа общения пользователей, являющихся носителями разных языков. Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее результатов в курсах по языкознанию, теории дискурса, лексикологии, лексикографии, словообразованию. В лексикографической практике при составлении толковых и переводных словарей, словарей компьютерных терминов и игрового сленга.

Ключевые слова: игровой сленг, язык геймеров, компьютерный жаргон, аббревиатура, сложение, аффиксация, суффиксация, заимствования, просторечие, звукоподражание.

Abstract. The article is devoted to game slang, one of the modern actively developing linguistic phenomena. It is noted that recently, thanks to the record growth of games and gamers, a specific gaming vocabulary has been formed. The unique environment and community of participants in the gameplay developed their communication tools. Game slang of users is such a tool. Most of the terms of this slang are borrowed from the English language. The article discusses the main ways to form a gaming slang in the Moba genre and first -person shooters, such as vernacular, abbreviation, borrowing or tracing paper, affixal and suffix methods, as well as onomatopoeia. One of the main ones that determine the characteristics of the game slang is called brevity. Moba is a genre of computer games that combines the elements of strategies in real time and computer role -playing games. The first -person shooter is the genre of computer games in which the gameplay is based on battles using firearms or any other weapons with a first -person view so that the player perceives the protagonist through the eyes of the protagonist. The relevance of this study is due to the rapid growth of the gaming industry, the development of computer-game discourse and game slang and, accordingly, the need to study game slang: generalizations and descriptions of the language characteristics of the language of gamers in different genres as one of the forms of their communication; Identification and classification of methods for the formation of the lexical composition of gaming slang, etc. The study of the lexical system of gaming slang in the Moba genre and the first -person shooters will provide a model for the formation of other game languages and conduct their comparable analysis in the future. The theoretical significance of the work is determined by the fact that its results make a certain contribution to the development of discourse theory, the theory of intercultural communication and speech behavior as a whole, as well as the problems of modern linguistics associated with the development of game slang as a way of communication of users who are speakers of different languages. The practical significance of the work consists in the possibility of applying its results in linguistics, theory of discourse, lexicology, lexicography, word formation. In lexicographic practice, when compiling explanatory and translation dictionaries, dictionaries of computer terms and game slang

Keywords: gaming slang, the language of gamers, computer jargon, abbreviation, addition, affixation, suffixation, borrowings, vernacular, onomatopoeia.

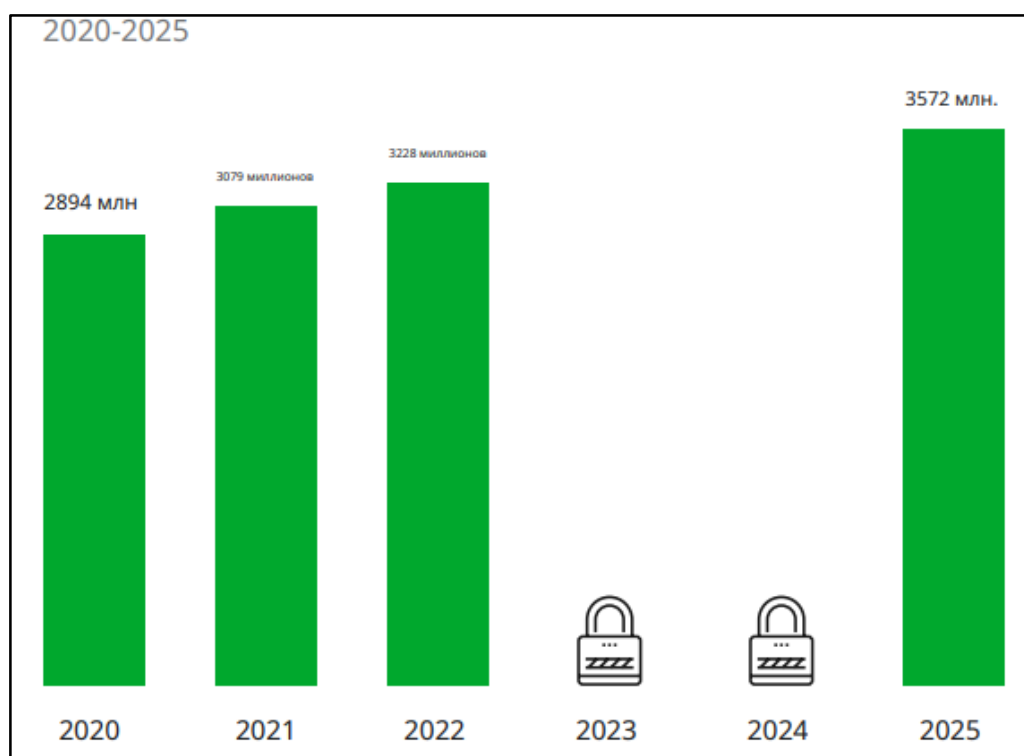
МОВА – жанр компьютерных игр, сочетающий в себе элементы стратегий в реальном времени и компьютерных ролевых игр

Шутер от первого лица – жанр компьютерных игр, в которых игровой процесс основывается на сражениях с использованием огнестрельного или любого другого оружия с видом от первого лица таким образом, чтобы игрок воспринимал происходящее глазами протагониста

В современных условиях интернет и компьютерные игры завоевывают все больше человеческого времени и пространства. Игровая индустрия является одним из популярных способов развлечься, расслабиться. В 2022 году 3,2 миллиарда игроков в общей сумме обогатили мировой игровой рынок на 184,4 миллиарда долларов, что в свою очередь больше на 4,3% по сравнению с прошлым годом. [1]

К 2025 году это число вырастет до 3,6 миллиарда игроков, что позволит рынку заработать 211,2 миллиарда долларов. Во всем мире количество игроков вырастет с 2,9 млрд в 2020 году до 3,6 млрд к 2025 году, среднегодовой темп роста за пять лет составит +4,3%.

За последние два года (2020 и 2021) были отмечены не только рекордные уровни вовлеченности и расходов, но и возвращение многих новых и бывших игроков к любимому времяпрепровождению (рис. 1).

Рисунок 1. Общее количество игроков 2020-2025, млн. игроков.

Хотя пандемия еще не закончилась, многие страны сняли свои ограничения. Это означает, что потребители больше не ограничены своими домами, они могут наслаждаться занятиями, которые были частью их жизни до COVID-19. Однако взаимодействие с играми сложное, и многие люди привязались к играм. Зависимость от игр и менее ориентированный на хиты характер означают, что даже когда пандемия утихнет, по-прежнему ожидается постоянный рост числа игроков на игровом рынке, даже в развитых регионах, таких как Северная Америка и Европа.

Очевидно, что с ростом количества игр и геймеров формируется специфический игровой лексикон. Сформировавшаяся уникальная среда или общность участников игрового процесса выработало свои инструменты и способы общения.

Речь представителей любой общности характеризуется определённым набором специфических факторов (лексических единиц, грамматических конструкций и так далее), анализ этой совокупности «языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» позволяет составить речевой портрет этой общности. [3]

Игровой сленг стал предметом изучения лингвистов, заняв свою нишу среди других видов сленга.

Язык геймеров – условный язык, при помощи которого игроки в различных играх обмениваются информацией. [4]

Игровой сленг выполняет роль способа общения пользователей, являющихся носителями разных языков.

Рассмотрим некоторые способы формирования сленга игроков в компьютерные игры.

В целом, игровой сленг разделяют на устный и графически. [2]

Графический сленг геймеров настолько сильно пытается угнаться за быстрым устным, что приводит к сокращению почти всех слов. К специфике сленга геймеров мы относим и наличие широких синонимических и антонимических рядов, а также его тенденцию к постоянному обновлению. Большинство терминов игрового сленга было заимствовано из английского языка, было сформировано большое количество аббревиатур, просторечий.

Характерной чертой игрового сленга – краткость, так как при необходимости донести информацию до игрока, нужно быстро и понятно выдать ее игроку, а потому он усваивается на лету.

Рассмотрим основные способы формирования слов в игровом сленге:

1) Просторечие.

Данный способ словообразования обусловлен тем, что большие и сложные слова упрощались до понятного и легкого в произношении синонима. Так игра Sid Meier's Civilization в игровом сленге называют «Цива», сокращённое от «Цивилизация» или World of Warcraft переименовалось в «Варик».

2) Аббревиация.

Некоторые исследователи отмечают, что аббревиация является наиболее эффективным способом образования жаргонизмов геймера. Все аббревиатуры в компьютерных играх взяты из английского языка. Так в конце игры, практически каждый геймер пишет «gg wp», что является аббревиатурой к «good game, well played», «Хорошая игра, прекрасно сыграно». GG WP это общепринятое сокращение в киберспорте, которое стало популярным среди геймеров в разных играх. Дословный перевод термина практически не используется.

В начале игры обычно пишут «GL HF», «Good Luck, Have Fun», что означает «Всем удачи, приятной игры», так, например, в грандфинале TI 8 игры «DOTA 2», в матче OG против psd.LGD игрок «Somnus» написал «GL HL», на что получил ответ «u2», что означает «тебе тоже». [5]

3) Калька с английского языка.

Достаточно часто, в игровом сленге используются слова, которые происходят от официальных английских терминов. Так, например, слово скин (англ. «skin» – кожа) означает цифровая вещь, которая меняет внешний вид предмета (оружия, части одежды и тд.). [6]

4) Аффиксация.

При данном способе словообразования используется, например, приставка de-, имеющая негативное значения.

Так, слово «debuff», означает негативный эффект наложенный на персонажа (отравление, снижение скорости передвижения, оглушение и т.д.), в отличие от слова «buff», который означает положительный эффект, наложенный на персонажа (увеличение скорости передвижение, временное увеличение урона, скорости атаки и др.), чаще используется в играх жанра RPG* и МОВА-играх. [7]

5) Суффиксация.

При суффиксальном способе, новое слово образуется добавлением к основе слова суффикса –er, и предполагает отношение к игроку.

Например, слово «Фидер» (англ. «feeder») образовано от слова «feed» – кормить и означает игрока, который прокачивает противоположную команду, путем

специального «кормления» собой. По такому же принципу были образованы слова «Роумер» (англ. «goat» – бродилка), то есть человек, который, вместо прокачивания персонажа передвигается по карте и приносит пользу команде (не дает качаться вражескому персонажу, устраивает засады в начале игры и др.) и «Дамагер» (англ. «damag» – урон), означает основного персонажа в команде с высоким уроном.

Данный способ особенно популярен в играх жанра МОВА.

6) Словосложение.

Широко представлены в игровом сленговом лексиконе слова, образованные при помощи словосложения. [8]

К примеру, такие слова, как Байбек (англ. «buyback» – обратный выкуп), означающий выкуп героя после гибели, раньше положенного времени, «Дибек» (англ. «dieback» – отмирание) – ситуация, когда герой погибает сразу после выкупа, Тимвайп (англ. «teamwire» – команда уничтожена) – смерть всей команды, образованы от формирования двух слов.

7) Звукоподражание.

Суть данного способа состоит в том, что новое слово формируется путем имитации звука. Например, слово «Динь», «Дзинь» или «dink», обозначающее выстрел в голову, производный от звука, издаваемого при попадании в шлем цели. В шутерах от первого лица, таких как CS: GO из-за быстроты изменения действий и эмоциональной составляющей игрока данный способ особенно популярен. [9]

Компьютерный игровой сленг можно разделить на т.н. «чатовый» и «устный».

Для первых характерно большая частота сокращений и аббревиатур. В устном общении чаще используются более полные формы. [10]

Другим способом классификации является разделение слова, относящиеся к социальной части игры (названия игроков, выражение одобрения и поддержки) и на часть, относящуюся к игровому процессу игры. Для первой категории характерна больше эмоциональность, так как социальное общение больше выражает отношение к другим людям, для второй краткость, так как в играх названия могут быть длинные и сложные для произношения.

Таким образом, была сформирована научная новизна исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что выявлены и классифицированы, а также описаны особенности формирования игрового сленга в жанре МОВА и шутерах от первого лица.

В последнее время отмечен рекордный рост игр и геймеров. Благодаря этому сформировался специфический игровой лексикон. Уникальная среда и общность участников игрового процесса выработали свои способы общения.

Сленг компьютерных игр является инструментом общения геймеров. Игровой сленг стал предметом изучения лингвистов и филологов. Большинство терминов данного сленга было заимствовано из английского языка.

В целом, игровой сленг разделяют на устный (чатовый) и письменный (графический). Проанализировав вокабуляр некоторых компьютерных игр мы пришли к выводу, что основными морфологическими способами образования новых слов в языке геймеров являются: просторечие, аббревиация, заимствование или калька, аффиксальный и суффиксальный способы, а также звукоподражание. Одной из главных, определяющих характеристик игрового сленга является краткость.

В рамках нашей работы затронули лишь малую часть материала исследований и не претендуем на завершенность. Описываемая нами проблематика требует дальнейших, более глубоких исследований.

Примечание:

* *RPG* – жанр компьютерных игр, основанный на элементах игрового процесса традиционных настольных ролевых игр

Список литературы

1. Игровая индустрия за 2022 год в цифрах — инфографика // DTF URL: <https://dtf.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).
2. Булочова О. В. Язык геймеров как вид современного молодежного сленга // Проблемы формирования единого научного пространства: сборник статей Международной научно – практической конференции (5 мая 2017 г., г. Волгоград). В 4 ч. Ч.3 / – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 20–22.
3. Горшков, Павел Алексеевич. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореферат дис.... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Моск. гос. обл. ун-т. — Москва, 2006. – 19 с.
4. Усманова, П. С. Языковые особенности образования лексики игроков компьютерных игр в кибер-пространстве / П. С. Усманова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 22 (312). — С. 634-636.
5. Официальный сайт игры Dota 2 // Dota 2 URL: <https://www.dota2.com/> (дата обращения: 23.03.2023).
6. Sakharova, N. English gaming slang in modern life / N. Sakharova, S. Fedorakhina, V. Belov // . – 2022. – No. 14-6(184). – P. 15-18. – EDN PXNVKD.
7. Королев, Д. А. Игровой сленг и его применение в повседневной жизни у молодежи / Д. А. Королев // Научный аспект. – 2022. – Т. 9, № 6. – С. 1162-1166.
8. Коршунов, А. О. Компьютерно-игровой сленг в рамках компьютерного дискурса / А. О. Коршунов // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 2. – С. 210-214.
9. Официальный сайт игры CS: GO // CS: GO URL: <https://www.csgo.com/> (дата обращения: 23.03.2023).
10. Шакурова, Е. С. Игровой сленг как результат студенческой языковой культуры / Е. С. Шакурова // Перспективы науки. – 2021. – № 2(137). – С. 96-100.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82

Никулина Ю.А., Рымарева Е.Н. Утопия как социокультурный феномен: типы и виды положительных утопий

Никулина Юлия Александровна

старший преподаватель кафедры филологии, лингводидактики и перевода
Нижевартовский государственный университет, РФ, г. Нижневартовск
nikylinaylia@rambler.ru

Рымарева Елена Николаевна

канд. филол. наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и туризма
Нижевартовский государственный университет, РФ, г. Нижневартовск
enrimareva@yandex.ru

Utopia as a socio-cultural phenomenon: types and types of positive utopias

Nikulina Yulia Alexandrovna

senior Lecturer of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation
Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk

Rymareva Elena Nikolaevna

candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Mass Communications
and Tourism, Nizhnevartovsk State University, Russia, Nizhnevartovsk

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса классификации утопий как социокультурного феномена по различным основаниям: хронологический подход, классовый подход, – но более подробно рассматривается классификация утопий польского социолога и историка, профессора Е. Шацкого. Статья углубляет представления о тесной взаимосвязи утопического мышления с пространственно-временными категориями и социально-политическими характеристиками общества, доказывает, что все утопические учения пытаются найти ответы на злободневные вопросы времени. Авторы обосновывают, что с появлением литературного жанра антиутопии на первый план вышел конфликт между человеческой личностью и бесчеловечным общественным укладом.

Ключевые слова: классификация утопий, антиутопия, утопическое мышление, антиутопическая литература.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the classification of utopias as a socio-cultural phenomenon on various grounds: chronological approach, class approach, but the classification of utopias by the Polish sociologist and historian, Professor E. Shatsky, is considered in more detail. The article deepens the understanding of the close relationship of utopian thinking with the space-time categories and socio-political characteristics of society, proves that all utopian teachings are trying to find answers to topical questions of time. The authors substantiate that with the advent of the literary genre of dystopia, the conflict between the human personality and the inhuman social order came to the fore.

Keywords: classification of utopias, dystopia, utopian thinking, dystopian literature.

Термин «утопия», казалось бы, понятен для повседневного сознания, но дать ему определение довольно сложно. Он был заимствован Т. Мором из греческого языка и дословно означает «место, которого не существует» [1, с. 499]. Определение утопии зависит и от типа социального мышления, и от роли утопии в обществе. К примеру, советский и российский историк А.Э. Штекли понимает «утопию как объект истории общественной мысли — это, прежде всего сочинение о наилучшем государственном устройстве, а в еще более узком смысле — идеальное общество, представленное в рассказе о вымышленном путешествии» [2, с. 75]. Профессор МГИМО Э.Я. Баталов понимает ее как «вымышленную страну, воображаемое общество, которому отдается предпочтение перед реальным, и в образе которого с большей или меньшей полнотой воплощается представление о современном обществе и человеке о социальном идеале» [3, с. 11]. Самое лаконичное определение утопии представлено в статье современных ученых-исследователей Тверского государственного университета: «Утопия – позитивная проекция от настоящего к будущему» [4, с. 29]. Современный исследователь Т.С. Паниотова полагает, что «утопию можно понимать...как некую утопическую интенцию, выражающую стремление к счастью, мечту о лучшем мире» [5, с. 54]. Пожалуй, самым цитируемым в научной литературе является определение утопии, данное Л. Сарджентом: «Утопия – это подробное и последовательное описание изображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного как на уровне институтов, так и человеческих отношений, – совершеннее, чем то общество, в котором живет автор [6, с. 13]. Именно этого значения термина мы и будем придерживаться в данной статье.

В современном литературоведении интерес к проблемам изучения утопии не ослабевает. Об этом свидетельствуют исследования С.С. Неретиной, которая анализирует двойственную темпоральность утопии [7, с. 109-132], Г.В. Драч, Т.С. Паниотовой [8]. Авторами выпущен сборник избранных трудов, в котором представлены работы, посвященные многообразию утопических миров. Интересные работы, посвященные утопическому дискурсу в литературе конца XIX-XXI века, представлены в коллективной монографии, изданной по результатам Международной научной конференции «Современная русская утопия: трансформация метажанра», посвящённой памяти Б. Ф. Егорова, одного из самых значительных отечественных учёных-филологов современности [9].

В литературе известны десятки классификаций утопий. Рассматривая их, необходимо понимать ее духовно-практическую природу, форму выражения, ориентиры, модели идеального общественного и государственного устройства с практической направленностью утопического мышления [10, с. 33]. Самый простой и распространенный подход к классификации утопий связан с их распределением по времени возникновения. Эта классификация предполагает деление утопий на возникшие в древности и утопии современности. Появление древних утопий относит нас в далекие исторические времена [11, с. 21]. В античности утопическое построение фиксируется у Гесиода в его рассуждениях о «золотом веке», «идеальное государство» описано и в трудах Платона. Если говорить о средневековье, можно отметить народные представления о фантастических странах и регионах, где существует отличная от действительно реальной счастливая и безмятежная жизнь. К примеру, сказочная страна блаженства и изобилия Кокейн [12, с. 64], где царит изобилие, нет тяжелого и подневольного труда.

Утопия современности представляет собой утопию, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени, и связана с появлением произведений Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и других авторов вплоть до наших дней [13, с. 34].

Все возникшие в тот или иной исторический период утопические учения тесно связаны со своим временем, страной, народом, социально-политической ситуацией. В этих учениях рассматриваются попытки ответить на поставленные временем и ситуацией вопросы. Рассматривая и сопоставляя утопические произведения друг с другом, мы имеем возможность понять не только утопию, но и пространственно-временные отношения общества людей [14, с. 31].

В предшествующих исторических периодах в нашей стране был распространен и идеализирован классовый подход к типологии утопий. Он учитывал временной критерий деления утопических решений. Утопии разделялись по принципу классовой принадлежности на рабовладельческие, феодальные и крестьянские. При этом вершина развития общества прослеживалась в утопическом социализме, который рассматривался как необходимый источник научного социализма и представлял собой сокращенное изложение основных положений на поставленные утопистами вопросы [15, с. 49].

Наиболее интересную и приемлемую классификацию утопий содержит работа ученого Е. Шацкого. Он выделяет эскапистские и героические утопии. Под эскапическими понимаются (утопии-идеалы), а под героическими (утопии-проекты). Главным отличием автор считает отношение к практике реализации утопических

идей. К эскапистским утопиям Е. Шацкий относит все нереализованные мечты о лучшей и прекрасной жизни, в которых нет призывов к борьбе за их воплощение в действительность [16, с. 62]. К героическим утопиям относятся проекты по переустройству общества, призывы к трансформации общества. Эти типы утопий, утопии-идеалы и утопии-проекты, в полном объеме удовлетворяют противоположные внутренние потребности. Эскапистские утопии открывают человеку возможность не думать о заботах и тревогах в его жизни, обрести истину, покой, познать самого себя. Героические утопии позволяют воплотиться идеалам, надеждам, предвосхищениям в общественной жизни и направлены на внутренний мир человека.

Конечно, автор не останавливается только на этих двух типах. К примеру, в героических утопиях он выделяет своеобразные подтипы или разновидности утопий, такие как утопии места, времени, утопии вневременного порядка, утопии ордена и утопии политики. В своих работах исследователь подробно рассматривает каждую из этих разновидностей. К примеру, согласно его теории, утопии места рассказывают нам о странах, островах, краях, где живут счастливые люди без насущных проблем. Утопии времени повествуют нам об идеальном мире, идеальном обществе, в которых видны максимально возможные совершенствования и развития. При этом временные представления могут быть такими же фантастичными, как и пространственные измерения. Отличие лишь в том, что происходит замена пространственных спецификаций временными. Это специфические острова, существующие словно бы вне времени. Мифологема утопии времени присутствует почти у всех народов, в их сознании, в теоретических и идеологических представлениях о мире. Это несчетные произведения утопического жанра, такие как «Год две тысячи четыреста сороковой» Л.С. Мерсье, «Через сто лет» Э. Беллами, «1984» Дж. Оруэлла и многие другие [17, с. 144].

Под утопией ордена можно понимать определенные идеальные социумы, обособленные в форме общины или тайного общества, это могут быть различные сообщества, скрывающиеся от мира в монастырях или в религиозных сектах. Сюда же можно отнести и относительно обособленное сообщество иммигрантов, продвигающее свою культуру в ином культурном окружении. При этом утрачиваются специфические особенности утопии и утопического образа мыслей. Первостепенную роль в таких группах людей играют познавательные и просветительские цели и задачи. Главная задача, которая стоит перед иммигрантами, – это интегрироваться и адаптироваться в новом обществе для сохранения самобытности и ценности их

коренной культуры. Если говорить о религиозных сектантах, то они изначально рассматриваются как самоизолированные сферы реальности, которые живут по совершенно иным законам, чем окружающий мир, как инородное тело в окружающем мире зла, но которые могут стать новой клеткой для социума, а в случае конфликтной ситуации трансформацией добра в мир, погрязший в греховной пропасти [18, с. 105].

Утопия политики – это утопия в ее социально-практической значимости, здесь сконцентрированы все самые важные характерные черты утопии. Мировые войны обнаруживают несостоятельность рациональных утопий (невозможно социальное братство и равенство в мире вражды и раздора). Сама установка на переустройство общества, начиная с самых основ, без оценки социальной действительности и формы государственности, уже является политикой утопии [19, с. 226]. Если характеризовать представителей, то это и законодатели, которые хотят сделать справедливое правление; и политики, которые хотят решительно изменить политические отношения; и философы, которые предлагают свое видение разумного общества, а также многие другие, которые одержимы духом начинать все сначала.

Стоит отметить, что все это упорядочивание утопий несет внешний характер. Оно не объясняет многие первопричины появления отличительных признаков различных видов утопий. В эскапистских утопиях сопоставление идеала и действительности, утопистская модель, альтернативная по отношению к моделям государственным и общественным, максимализм приводят к уходу от действительности, а в героических утопиях происходит установка на перестройку и переустройство неприемлемой утопистом реальности. Суть еще в том, что все характеристики утопии аргументируют лишь логическую форму допустимого отношения носителя утопического сознания и утопических идей к реальности. Расхождение идеала и реальности еще не значит что это уход, бегство от действительности или указание на борьбу с имеющимся положением дел. Характер отношения утописта к действительности может дать объяснение характера по отношению к практике воплощения идеала в реальность, его реальной возможности. Все это зависит от того, как утопист понимает саму реальность, характер и природу идеала. Именно это обуславливает, придет ли утопист к выводу о необходимости перестройки мира или о невозможности этого в настоящий момент либо в ближайшем будущем.

Так, в жанр утопии вплетаются мотивы антиутопического характера [20, с. 116]. Это послужило появлению нового литературного жанра в России, «антиутопии».

Писатели берут в счёт не только проблемы государственного и общественного устройства, но и жизнь человека, живущего в нём [21, с. 76]. Человек становится в центр культурного общества, которое проникает во все сферы жизнедеятельности. В данном контексте культура является историческим и антропоцентрическим феноменом и на первое место выводит литературу как вид искусства, в центре которой стоит человек со своими потребностями, слабостями и, по мнению Г.Г. Шпета, является отражением «культурно-философского» сознания в его единстве, целостности и многообразии [22, с. 18]. В антиутопической литературе на первое место выходит конфликт между человеческой личностью и бесчеловечным общественным укладом. Вывод утописта о неосуществимости в определенных условиях или в определенное время воплощения своих идей в жизнь может быть понят на основе учета практического плана действий утопических построений. В полной мере это можно применить к героическим утопиям.

Утопия современными критиками чаще понимается как общеинтеллектуальный дискурс, но не следует забывать о том, что это еще один из популярных метажанров в современной литературе, со своими жанровыми характеристиками и со своей неразрывной связью с социокультурным пространством. Осознание утопии как социокультурного феномена открывает новые вероятности для ее типологизации и классификации, появляются содержательные различия утопических разновидностей. Метод упорядочивания лежит в основе любой классификации, и, безусловно, он применим и к массиву утопических произведений. В любом случае все это относительно и носит условный характер, но ни в коем случае не отменяет важной и полезной роли классификаций. Безусловно, любая типология базируется на теоретических интересах исследователя. Типизация происходит на основе вычленения определенных черт, зафиксированных во множестве утопий, и многообразие существующих типологий свидетельствует о разноплановом широком диапазоне утопий.

Список литературы

1. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 588 с.
2. Штекли А.Э. Утопия Т. Мора и социалистическая мысль // Коммунист. – 1978. – №8. – С. 69-81.
3. Баталов Э.Я Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
4. Волков В.В., Волкова Н.В. Литературная утопия и антиутопия: жанровое своеобразие, аспекты герменевтического исследования // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2020. – № 3 (66). – С. 26-40.
5. Паниотова Т.С. Утопическое измерение культуры: теория и социальные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – №5 (109). – С. 53-62.
6. Sargent L. Introduction // British and American Utopian Literature, 1516-1978. – Boston, 1979. – 324 p.
7. Неретина С.С. Двойственная темпоральность Утопии // Человек. – 2021. – № 4. – С. 109-132.
8. Паниотова Т.С. Утопические миры: избранные труды / отв. ред. и авт. предислов. Г.В. Драч. – Ростов-н/Д. – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022. – 352 с.
9. Утопический дискурс в русской культуре конца XIX-XXI веков: литература, живопись, кинематограф: монография / науч. ред. Н.В. Ковтун. – М.: Флинта, 2021 – 283 с.
10. Долгина Е.С. Проблема дефиниций «утопия» и «научная фантастика» в историческом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6(37). – С. 32-33.
11. Долгина Е.С. Проблемы культуры в русской литературной утопии: дисс. на соискание ученой степени канд.культурологии. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. – 134 с.
12. Мортон А. Английская утопия. – М.: Иностранная литература, 1956. – 272 с.
13. Долгина Е.С. Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX–XX веков: монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневрт. гос. гуманитар. ун-та, 2009. – 111 с.
14. Павлова А.О. Методическая система изучения утопической и антиутопической литературы в старших классах средней школы. // Школа. – № 2. – М., 2004. – С. 28-32.
15. Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии, 2001. № 7. – С. 47-58.
16. Шацкий Е. Утопия и традиции. – М.: Прогресс, 1990. – 454 с.
17. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия (очерки русской философии и культуры). – М.: ВЛАДОМ, 1995. – 208 с.

18. Павлова А.О. Включение произведений утопического и антиутопического жанров в школьные программы XX века // Научное исследование и российское образование: идеи и ценности XXI века. Материалы VII междисциплинарной научно-практической конференции аспирантов и соискателей. – М.: АПК и ПРО, 2004. – С.103-109.
19. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире // Иностранная литература. 1990. №1. – С. 207-232.
20. Долгина Е.С. Проблема формирования личности в рамках тоталитарного государства на примере антиутопического проекта «Мы» Е.И. Замятина // Дискуссия. 2016. № 10 (73). – С. 116-122.
21. Долгина Е.С. Место мифа и фантастики в утопических произведениях // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию высшего филологического образования в Ханты-Мансийском округе-Югре / Отв. редактор А.В. Себелева. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – С. 74-77.
22. Патрахина Т.Н. Герменевтическая философия Г.Г. Шпета: дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-т, 2005. – 150 с.

УДК 821.131.1, 821.161.1

Сергиенко Е.Е. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» глазами его итальянских современников

Сергиенко Елена Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, РФ, г. Нижний Новгород
elserguienko@yandex.ru

B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago" from the standpoint of his Italian contemporaries

Sergienko Elena Evgenyevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of the Department of Theory and Practice of French, Spanish and Italian Languages, Nizhny Novgorod Linguistic University
N.A. Dobrolyubov, Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. Б. Пастернак широко известен в Италии, где его книги активно переводились и переиздавались. Очевидно, что он занял прочные позиции и в этом новом культурном контексте, однако сформировавшееся в сознании иностранных читателей восприятие данного автора отличается от принятой в русской традиции точки зрения. Ответу на вопрос, почему так произошло и в чем состоит специфика «итальянского взгляда» на творчество Б. Пастернака, и посвящена данная статья. Акцент сделан на романе «Доктор Живаго», так как именно это произведение из всего творческого наследия писателя стало предметом наиболее активных дискуссий на итальянской почве.

Ключевые слова: инокультурная рецепция, социально-политический контекст, соотношение реализма и модернизма, национальные традиции, переосмысление.

Abstract. B. Pasternak is widely known in Italy, his works were actively translated and republished. It is obvious that he occupied a highly important place in that new cultural context, but the perception of the author formed in the minds of foreign readers differs from the point of view adopted in the Russian tradition. So, the article answers to the question why this happened and what is the specificity of the "Italian view" of B. Pasternak. The emphasis is placed on the novel "Doctor Zhivago", since this book of all the creative heritage of the writer became the subject of the most active discussions in Italy.

Keywords: foreign cultural reception, socio-political context, correlation between realism and modernism, national traditions, revaluation.

Прошло уже более шестидесяти лет со времени выхода романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и присуждения писателю Нобелевской премии. С первой публикации романа, осуществленной Дж. Фельтринелли в Италии в 1957 г., начался его мировой триумф.

Один из самых компетентных исследователей творчества Пастернака в Италии, Чезаре Г. Де Микелис, в предисловии к очередному переизданию стихов русского поэта, подчеркнул, что по иронии судьбы он провел в его стране очень непродолжительный период в юношеские годы, но именно Италии «было суждено сыграть особую роль в интеллектуальных и политических перипетиях его жизни», поскольку именно отсюда начала свой путь «великая слава писателя, распространившаяся по всему миру после издания “Доктора Живаго”» [10, р. 6].

Таким образом, очевидно, что Б. Пастернак занял достаточно прочные позиции в итальянском культурном контексте. Однако сформировавшееся в сознании иностранных читателей восприятие данного автора отличается от принятой в русской традиции точки зрения. Специфика «итальянского взгляда» на творчество Б. Пастернака максимально наглядно прослеживается именно в оценке романа «Доктор Живаго», так как именно эта книга из всего творческого наследия писателя в силу ряда причин стала предметом наиболее активных дискуссий на итальянской почве.

О творчестве Б. Пастернака и о его романе написано множество книг, статей и диссертаций, и новизна представленного в статье подхода обусловлена тем, что в центре внимания находится его восприятие носителями иной культуры и преобразование, которое претерпевает художественное произведение иностранного автора, становясь её частью.

Изучение процесса восприятия того или иного писателя носителями другой культуры вбирает в себя целую серию аспектов: исследование состава библиотечных хранилищ, частных собраний, подсчет количества выполненных переводов, выяснение популярности автора или произведения среди разных возрастных групп и т.п. Как отметила М.В. Цветкова, ряд этих направлений больше относятся к сфере социологии, чем литературоведения [1, с. 6]. В данной статье источники исследования ограничены: внимание уделяется литературоведческим трудам, откликам профессиональных читателей (писателей и литературоведов), отзывам в прессе. Именно их анализ позволяет проследить динамику репродуктивной инокультурной рецепции романа «Доктор Живаго» со стороны итальянских современников Пастернака, выявляя наиболее дискуссионные аспекты.

Итальянская журналистка М. Сери, комментируя отзывы на роман Б. Пастернака, отмечает тот факт, что растущая волна компетентных суждений о нем начала распространяться только после присуждения писателю Нобелевской премии [23, р. 3]. На основе данного мнения можно сделать предположение, что, в отличие от широкой публики, «литературная элита», в той ли иной степени знакомая с

поэтическим творчеством русского автора, довольно настороженно отнеслась к его роману, подвергшись меньшему влиянию всеобщей ажитации вокруг истории публикации. Кстати, поэт Е. Монтале во вступительной статье к «Доктору Живаго» издания 1964 года подчеркнул, что, на его взгляд, основная причина ажиотажа вокруг этого произведения – привлекательность всего запретного. Кроме этого, с точки зрения Монтале, проза Пастернака гораздо доступнее его поэзии, «написанной для избранных», для «счастливого меньшинства, обладающего приближенным к авторскому культурному уровню» [18, р. 7].

И все же, более детальное изучение итальянской прессы конца пятидесятых годов показывает, что многие крупные итальянские писатели приняли участие в дискуссиях о «Докторе Живаго» еще до октября 1958 г., то есть, до объявления Б. Пастернака Нобелевским лауреатом. Кстати, известный русист С. Гардзонио назвал 58 г. «годом Пастернака» для итальянского литературного мира. По его словам, возникло «чисто “итальянское” истолкование Доктора Живаго, которое значительно уже тем, что отражает целый пласт литературно-идеологических вопросов, касающихся самосознания итальянской литературы в послевоенные годы» [2, с. 221].

Первые отклики на роман Пастернака в итальянской литературной среде появились сразу же после выхода его перевода в конце 1957 г., и на протяжении последующего года писательские статьи и рецензии регулярно появлялись в прессе. Мнения были далеко не однозначными. Ряд писателей сразу приняли его. Одной из первых – уже в декабре 1957 г. – появилась статья литератора К. Бо «Пастернак просит, чтобы его оценивали непредвзято» [6, р. 12]. Критик назвал «Доктора Живаго» самой настоящей литературой опровергнув его пропагандистский характер. В авторе романа Бо особенно восхищает интеллектуальное сопротивление внешнему давлению, что наталкивает его на параллель с позициями довоенной итальянской литературной группы «Литература как жизнь» (*Letteratura come vita*) и поэтов-герметиков с их апологией молчания и пассивного неповиновения фашизму.

Отозвался на выход романа и прозаик А. Моравиа: «Это мощное произведение, не имеющее соответствий в современной европейской художественной прозе» [19, р. 16]. По его мнению, роман строится главным образом на противопоставлении истории и личности заглавного героя, отличающегося «неискоренимой и по-своему положительной иррациональностью человеческих чувств» [19, *ibid.*].

С одобрением писал о «Докторе Живаго» журналист и литератор Н. Кьярамонте, отстаивая его эстетическое значение и называя его «важнейшим романом века после “В поисках утраченного времени” Пруста» [8, р. 967]. Критика

привлекали «глубокие раздумья об истории и непреодолимом конфликте между человеческой совестью и насилием, сопровождающим ход исторического развития» [8, *ibid.*]. Цель Пастернака, как писал Кьярамонте в своем более позднем исследовании, – «противопоставить «официальной» правде правду и свободу личности и в то же время показать на примере плачевного конца Юрия Живаго, что подобные действия всегда заканчиваются трагедией» [9, р. 181].

Поэт Ф. Фортини (автор посвященного Пастернаку стихотворения, появившегося еще до публикации «Доктора Живаго») указал на новаторские черты и художественное богатство книги, отмечая также и особенную гуманистическую позицию её автора. По его наблюдениям, говорить о свободе в советском обществе было задачей отличной от той, что стояла перед западными писателями. Литературу он считает единственной для Пастернака «возможностью выступить против лжи и преступлений государства» [12, р. 246]. Были предприняты и попытки символической расшифровки романа: беллетрист В. Вольпини назвал Живаго «аллегорией русского народа в его нравах, верованиях и надеждах» [25, р. 6], литератор Г. Ла Рока воспринял книгу Пастернака как «роман о вечной женственности» [17].

На страницах журнала «Иль Мондо» (*Il Mondo*) с оценкой книги Пастернака выступил зять Бенедетто Кроче, польский эмигрант Г. Герлинг [13, 14], который особо выделил авторскую концепцию истории – результата противостояния скрытых сил, сил природы, которые доминируют над политической и личной жизнью. Отсюда, считает критик, происходит пассивность Живаго, сопоставимая с мироощущением другого персонажа русской литературы – Обломова.

В том же журнале опубликовал свою статью о романе писатель Т. Ландольфи, мнение которого особенно ценно тем, что он являлся профессиональным переводчиком с русского. Для него «Доктор Живаго» - это «эстетический трактат», основанный на определении искусства как «недифференцированной формы, которая делает несущественным повествовательное или причинно-следственное содержание произведения» [15, р. 8]. Но, возможно, размышляет итальянский писатель в своем более позднем эссе, требования Пастернака к мыслительным способностям читателя несколько завышены [16, р. 413-414].

С другой стороны, встречались и негативные оценки «Доктора Живаго». Так, по свидетельству переводчика романа на итальянский П. Цветеремича, русист А.М. Рипеллино, пожалуй, самый известный в Италии знаток и почитатель поэтического творчества Пастернака, заявил, что не дочитал книгу и до половины [26]. С. Гардзонио зафиксировал мнение критика Дж. Вигорелли, посчитавшего роман

«бесконечно далеким от современной России», которая «сегодня похожа на большие часы, изготовленные, конечно, не для того, чтобы отбивать тайные часы сердца поэта» [2, с. 225-226]. Писатель Р.Бакелли хоть и отметил «непоколебимую и одновременно безмятежную силу мысли и убеждения» автора, но, будучи сторонником реалистического направления в искусстве, осудил роман за «излишнюю символичность и неправдоподобие» [2, с. 225].

Крупный критик и литературовед К. Салинари в статье «Шолохов и Пастернак», написанной, как отметил сам автор, по случаю первого полного итальянского издания «Тихого Дона», совпавшего со скандалом, связанным с выходом «Доктора Живаго», и поэтому «незаслуженно» оставшегося без внимания, назвал книгу Пастернака реакционной в духе русских и европейских декадентов, «замкнувшихся в иррационализме, мистицизме и самом отчаянном индивидуализме» [22], отдав, таким образом, предпочтение произведению М. Шолохова. Авторы сборника «А за мною шум погони...» отмечают, что именно Шолохова Салинари считал продолжателем «реалистической традиции великих писателей XIX века», в то время как литературные истоки Пастернака, по его мнению, были заключены в декадентском и символистском искусстве начала двадцатого века. Этим итальянский критик объяснял принципиальное отличие их стилей и образа мышления: «Идеология Шолохова исторична и материалистична, идеология Пастернака сводится к мистическому идеализму. Повествовательный стиль Шолохова основан на фактах, непосредственно почерпнутых из действительности, в то время как стилистическая манера Пастернака основана на впечатлениях и литературных ухищрениях. Шолохов верно отражает противоречивую и бурную действительность, показывая её в движении и развитии. Пастернак искажает действительность, и она у него распадается на фрагменты, утратившие связь друг с другом, лишённые рационального обоснования» [3, с. 119-123].

Неоднократно высказывался о романе Пастернака известный писатель и публицист И. Кальвино. Примечательно, что его суждение претерпело эволюцию: в самом начале, будучи консультантом издания Эйнауди (Einaudi), он открыто выступил против публикации «Доктора Живаго», однако, все последующие статьи писателя, посвященные этому произведению, уже не содержали в себе ярко выраженной критики.

С апреля 1958 г. известный литературный журнал «Иль Понте» (Il Ponte) в течение нескольких месяцев печатал ответы писателей и критиков на заданные редакцией вопросы о «Докторе Живаго», подытожившие основные подходы к

роману: 1) является ли это произведение «романом века», 2) можно ли его считать модернистским, 3) вписывается ли он в русскую традицию, 4) как он соотносится с советской литературой [11, № 4-7]? Эта дискуссия собрала таких писателей, как К. Кассола, А. Банти, П. Милано, Г. Петрони, М. Каноньи, И. Кальвино, А. Моравиа, Ч. Казес, Ф. Фортини и др.

По представленным выше отзывам и по формулировке вопросов «Иль Понте» и ответам на них можно сделать вывод о том, какие именно аспекты романа были наиболее интересны и актуальны для итальянской творческой элиты. Во-первых, в центре внимания находилась проблема чисто литературного порядка – к какому направлению следует отнести роман, написан ли он в традиционном ключе, или его следует рассматривать в контексте «модернизма». С другой стороны, итальянскую общественность волновали вопросы идеологического порядка: является ли книга Пастернака антикоммунистической, каково отношение героя и автора к недавним историческим событиям и к идеалам социализма.

Проблема соотношения «традиционного реалистического» и «нового модернистского» романов встала перед итальянскими литературными деятелями еще в двадцатые годы после выхода «Сознания Дзено» И. Звево, вызвавшего полемику своей близостью к европейской литературе (Прусту и Джойсу) и удаленностью от национальной веристской традиции. Именно на сопоставлении «Доктора Живаго» с новыми литературными веяниями и классическими образцами и строится большинство ответов участников опроса. Первым в дискуссии принял участие прозаик К. Кассола. Он с восторгом отозвался о романе, подчеркивая его преимущество перед западной «литературой кризиса» (Мальро, Камю, Манн, Сартр) своей традиционностью. Особую эстетическую завершенность, по его мнению, придает произведению генетическая связь с русскими классиками – А.П. Чеховым и Л.Н. Толстым. Влияние Толстого и Достоевского на Пастернака отметила и писатель А. Банти, указавшая на отсутствие «нарочитой оригинальности» как на наиболее привлекательную сторону романа. М. Канконьи также не оспорил тезис о традиционализме «Доктора Живаго», напротив, он противопоставил его главного героя персонажам Манна, Пруста, Жида. По его мнению, Живаго – это настоящий чувствующий человек, а не кукла как Лафкадио у Жида или Я в «Поисках утраченного времени». Выделил критик роман Пастернака и как более созвучный времени и на фоне продукции советской литературы.

Менее восторженно, чем в первом отклике на выход романа, прозвучал в ответах на анкету А. Моравиа, заявивший, что в двадцатом веке вышло несколько

книг, которые или лучше («В поисках утраченного времени» Пруста), или важнее («Улисс» Джойса). И «Доктор Живаго», по его мнению, – это своеобразный «гибрид», сводящий воедино русскую классическую традицию XIX века и элементы европейского модернизма. Писатель полагает, что необходимо принимать во внимание замкнутость и изолированность советской культуры, в рамках которой поэзия разрабатывалась более интенсивно, чем проза. Таким образом, считает Моравиа, Пастернак-поэт являлся большим новатором, чем Пастернак-прозаик, чья манера как бы застыла на уровне начала века. По мнению итальянского писателя, о «вторичности» «Доктора Живаго» неопровержимо свидетельствуют «литературность» его героев, мелодраматичная атмосфера, наличие таких традиционных приемов, как узнавание, *dues ex machina*, психологическая тайна в стиле Достоевского, натуралистические описания в манере Чехова, философско-исторические пассажи в духе Толстого, построение фабулы на канве интриг как в прозе Пушкина.

Кстати, через несколько месяцев писатель опять заговорил о Пастернаке, отвечая на вопросы литератора М.Сократе в интервью по поводу статьи советского критика В. Ермилова, раскритиковавшего суждения Моравиа о русской литературе в книге «Месяц в СССР» (*Un mese in URSS*, 1958). Полемика шла о герое русского романа, которого Ермилов вписывал в «оптимистическую перспективу духовного возрождения», в то время как итальянский писатель считал центральным персонажем русской литературы скорее антигероя, такого как Чичиков или Раскольников. Отвечая Ермилову, Моравиа возвел современный роман в «эссеистском» варианте (Камю, Кафка) к Достоевскому и определил Живаго как классического русского антигероя, воплотившего борьбу человеческих чувств против рационализма истории [24].

Что касается трактовки «Доктора Живаго» с точки зрения его идейного содержания, она становится понятной, если обратить внимание на тот социально-политический контекст, в котором происходила его рецепция. Ведь незадолго до появления романа в стране развернулась жесткая идеологическая борьба, которая завязалась вокруг конфликта ведущих культурных деятелей и Коммунистической партии Италии, «завоевавшей большой авторитет в годы Соппротивления, но к 50 гг. начавшей терять свое влияние» [20, р. 507-532]. Речь Хрущева на XX съезде с разоблачениями Сталина положила начало открытой конфронтации, а в октябре 1956 г. многие представители творческой интеллигенции со скандалом вышли из партии, выразив таким образом протест против осуждения итальянскими коммунистами

вооруженного восстания в Венгрии, оккупированной советскими войсками. Это повлекло за собой своеобразное разделение общества по идеологическому принципу и разрыв отношений многих бывших союзников.

Вполне вероятно, что эта ситуация наложила отпечаток на восприятие событий романа, за которыми, благодаря прессе, еще до публикации закрепилось политическое значение. Так, убежденный коммунист Рипеллино при всем своем трепетном и восторженном отношении к лирике русского писателя так никогда и не принял «крамольного» «Доктора Живаго», по его собственным словам «более всего подходящего для книжных полок мещан и филистеров» [21, р. 43]. Салинари, также оставшийся в партийных рядах, утверждал, что роман Пастернака – это «спекуляция» на «вымыслах о провале опыта социалистического государства, о терроре и тирании», целью которого была намеренная «скандальная кампания, имевшая целью использовать содержание книги, позиции и суждения автора, вложенные им в уста своих персонажей, для возобновления антикоммунистической борьбы» [3, с. 116]. Официальную советскую позицию поддержали и другие «партийные» исследователи. Так, славист Э. Баццарелли, не отрицая полностью художественного значения романа, сделал упор на его «досоветской идеологии», подтвердив свою позицию цитатами из «Литературной газеты» [5, р. 85-95]. А критик Д. Монтальто назвал книгу Пастернака «возвращением к романтизму и “сумеречничеству” (crepuscularismo)», выделяя при этом пародийность ряда персонажей (Антипов – «явная пародия на настоящих революционеров») [2, с. 224].

И. Кальвино же, напротив, был одним из первых итальянских писателей, высказавших свое несогласие с партией и оставивших ее. Поэтому можно выдвинуть гипотезу, что его первая реакция на «Доктора Живаго» была обусловлена чисто политическими причинами: еще не зная содержания произведения и, по всей видимости, не следя за освещением связанного с ним скандала в печати, он, вероятно, просто попытался воспрепятствовать опубликованию работы советского писателя. Вероятно, некоторые итальянские литераторы не сразу поняли, что за произведение представляет собой работа Пастернака. Первый читатель романа, С. Д'Анджело, во время своего пребывания в Москве по заданию издательства Фельтринелли – поиска литературных новинок, которые могли бы быть интересны в Италии, – увидел в 1954 г. лишь его малую часть, отдельные стихотворения, составлявшие заключительную главу, поэтому он, естественно, не мог составить полного представления о характере всей книги. Но о том, что Фельтринелли, в отличие от более демократичного Эйнауди, было издательством коммунистического толка знали все, поэтому, вероятнее всего, от

русского писателя изначально ждали именно «советское», а не «антисоветское» произведение.

Но уже через полгода после выхода книги Кальвино написал о ней подробную статью с положительной оценкой: «Смысл романа, как это всегда происходит в творениях великих прозаиков, нужно искать не в сумме изложенных идей, а в совокупности образов и впечатлений...» [7, р. 360-374]. Хотя название его публикации, «Пастернак и революция» (*Pasternak e la rivoluzione*), все же указывает на то, что акцент итальянский исследователь сделал именно на политическом аспекте произведения. Участвовал Кальвино и в дискуссии «Иль Понте». Восхищаясь глубиной и масштабностью романа, он, однако же, полемически подошел к его идейному содержанию, не принимая пассивное восприятие истории, означающее смиренное подчинение судьбе и отречение от опыта революции.

Акцентирование вопросов идеологического порядка вокруг произведения Пастернака, с одной стороны, легко объясняется тем, что именно этот аспект романа спровоцировал скандал, а значит, представлял наибольший интерес для исследования. Но с другой стороны, подобное восприятие могло быть и естественным следствием переосмысления произведения иной национальной культуры с точки зрения «своих» норм. Ведь тенденция оценивать творчество Пастернака с точки зрения национальной неореалистической традиции наметилась еще до выхода романа. Так, в 1957 г. в Риме была проведена конференция на тему «поэзия и современность», где А.М. Рипеллино сделал доклад о вкладе Бориса Леонидовича в русскую литературу, подчеркнув, что «... при всех его исканиях и колебаниях... эпоха ясно и точно выступает в его стихах, как только может она выступать в искусстве художника, который, ослепленный ее светом, стремится понять великие процессы истории...» [4, с. 38].

Таким образом, в литературных кругах Италии проблематика романа Пастернака естественно воспринималась в политическом ключе в связи с определенными социокультурными позициями, продиктованными конкретной исторической реальностью, повлиявшей на прочтение «Доктора Живаго». По мнению С. Гардзонио, полемика вокруг Пастернака подготовила почву для развернувшейся впоследствии дискуссии вокруг романа Т. Ди Лампедузи «Леопард» (*Il Gattopardo*), вышедшего (уже после смерти автора) в том же 1958 году и поставившего ряд схожих вопросов, как этических (об отношении к истории), так и формальных (классическая форма романа versus новаторская).

Итак, можно сделать вывод, что отклики на роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в итальянской литературной среде были противоречивыми: одни литераторы сразу приняли его, другие раскритиковали, причем в последнем случае причины неприятия носили скорее политический характер. Акцентировка идеологической стороны романа со стороны некоторых итальянских критиков и писателей была во многом обусловлена внутренними причинами – той социально-политической ситуацией, в которой происходила его рецепция (противостоянием ведущих культурных деятелей и Коммунистической партии Италии). С другой стороны, разгоревшаяся вокруг романа оживленная дискуссия выявила, что помимо вопросов идеологического порядка интересными для итальянской творческой элиты оказались, также, некоторые проблемы художественного свойства. Участники полемики решали, к какому направлению отнести роман, написан ли он в традиционном ключе, или его следует рассматривать в контексте «модернизма». Таким образом, при обсуждении романа и его художественной сущности итальянских интеллектуалов больше всего волновали вопросы, продиктованные культурной и политической ситуацией в собственной стране, благодаря чему Б. Пастернак приобрел в Италии совершенно иной облик в результате переосмысления «своего» на фоне «чужого».

Список литературы

1. Цветкова М.В. Рецепция поэзии М. Цветаевой в Великобритании. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.03. – М.: МПГУ, 2003.
2. Гардзонио С. 1958 год – год Пастернака. Итальянские отклики // В кругу Живаго. Пастернаковский сборник. – Stanford: University Press, 2000.
3. «А за мною шум погони...». Борис Пастернак и власть. Документы 1956-1972/ Под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.
4. Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака. – Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1962.
5. Bazzarelli E. Pasternak come Zivago // Il Calendario del Popolo, Dicembre 1958.
6. Vo C. Pasternak chiede di essere giudicato senza preconcetti // L'Europeo, 08.12.1957.
7. Calvino I. Pasternak e la rivoluzione // Passato e presente, 3 maggio-giugno 1958.
8. Chiaramonte N., Negri A. Il Dottor Zivago e la sensibilità moderna // Tempo presente, dicembre 1958.
9. Chiaramonte N. Pasternak fra la natura e la storia // Credere e non credere. – Milano: Rizzoli, 1971.
10. De Michelis C. Prefazione // Boris Pasternak. Poesie. – Torino: Giulio Einaudi editore, 1992.
11. Dibattito sul "Dottor Zivago" // Il Ponte, 1958, XIV, № 4. P. 526-538; № 5. P. 708-718; № 6. P. 843- 852; № 7. P. 992-997.

12. Fortini F. Rileggendo Pasternak // Verifica dei poteri. – Milano: Mondadori, 1974.
13. Herling G. Poesia e storia // Il Mondo, 28.01.1958.
14. Herling G. L'inquieto Zivago // Il Mondo, 04.02.1958.
15. Landolfi T. Il Dottor Zivago // Il Mondo, 07.01.1958.
16. Landolfi T. Il romanzo di Pasternak // Landolfi T. Gogol a Roma. – Firenze: Vallecchi, 1971.
17. La Rocca G. Il Dottor Zivago. Romanzo dell'Eterno Femminino // Gazzetta di Mantova, 31.10.1958.
18. Montale E. Prefazione // Pasternak B. Il Dottor Zivago. – Milano: Giulio Einaudi editore, 1964.
19. Moravia A. Il dottor Zivago di Boris Pasternak // Corriere della sera, 11.01.1958.
20. Procacci G. Dal fascismo alla guerra // Storia degli italiani. – Milano: Edizione CDE, 1968.
21. Ripellino A.M. Appunti delle lezioni del prof. A.M. Ripellino su B. Pasternak, anno 1972-73. – Roma, 1973.
22. Salinari C. Sciolochov e Pasternak // Il Contemporaneo, 18.01.1958.
23. Serri M. Uno scandolo di nome Zivago // La stampa, Tuttolibri – La lingua russa, 30.07.1998.
24. Socrate M. Moravia risponde al sovietico Ermilov // Italia domani, 23.11.1958.
25. Volpini V. Il romanzo di Pasternak // Il nostro tempo, 09.01.1958.
26. Zveteremich P. Gli anatemi per Zivago. Il centenario della nascita di Pasternak // La Sicilia, 15.02.1990: <http://www.russianecho.net/contributi/speciali/zveteremich/anatemi.asp>

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 81.42

**Подсви́рова А.С. Жанрово-стилистические особенности фэ́нтези
(на материале трилогии С. Гарбер «Караваль»)**

Подсви́рова Анна Сергеевна
магистрант кафедры теории и практики перевода
Северо-Кавказский федеральный университет, РФ, г. Ставрополь
ann-stav@yandex.ru

**Genre and stylistic features of the fantasy genre (on the material of trilogy
"Caraval" by S. Garber)**

Podsvirova Anna
graduate student of the Department of Translation Studies
North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные жанровые особенности фэ́нтези, а также исследуются лингвостилистические средства, повышающие экспрессивность повествования. На материале трилогии С. Гарбер «Караваль» описываются особенности употребления метафор, сравнений, эпитетов и авторских окказионализмов.

Ключевые слова: фэ́нтези, жанровые особенности, лексические особенности, стилистические средства.

Abstract. The article studies the main genre features of fantasy, as well as linguistic and stylistic features of this genre. The features of the use of metaphors, comparisons, epithets and author's nonce words are described on the material of S. Garber's "Karaval" trilogy.

Key words: fantasy, genre features, lexical features, stylistic devices.

В наши дни жанр фэ́нтези набирает все большую и большую популярность. Реализацию его различных модификаций можно в литературных произведениях, кинофильмах, живописных полотнах и видеоиграх. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что, несмотря на «молодость» данного литературного жанра, книжный рынок наполнен большим количеством разноязычной литературы, свидетельствующем о ее огромной популярности у широкого круга читателей, что, несомненно, привлекает внимание представителей многих гуманитарных наук, в том числе и лингвистов.

Задача данной статьи – выявить основные лингвостилистические особенности жанра фэ́нтези на материале трилогии Стефани Гарбер «Караваль».

Фэ́нтези берет свое начало в первобытных мифах, эпосе и легендах. Миф – это древнейшее сказание, представляющее собой художественное повествование о

важных природных, физиологических, социальных явлениях, происхождении мира, загадке рождения человека и человечества, подвигах богов, королей и героев, об их победных сражениях и горьких поражениях. Главной особенностью мифа является тесная слитность в нем различных элементов – художественного и логически обусловленного, повествовательного и ритуального [1, с. 210]. Необходимо отметить важность разграничения мифа и фэнтези. Мифы описывали реальный мир так, как видел его человек и тем самым выполняли утилитарную функцию, позволяя человеку ориентироваться в окружающей среде [2]. В фэнтези, напротив, рассматривается выдуманный фантастический мир, выполняющий эстетическую функцию вместо утилитарной. По мнению писателя А. Сапковского, именно легенда о короле Артуре, которая включила в себе магию и приключения, оказала огромное влияние на становление фэнтези как жанра [3].

Термин «фэнтези» произошел от английского слова «fantasy» (фэнтези), обозначающего «литературный жанр, возникший в первой половине XX столетия в англоязычной прозе; занимает промежуточное положение между научной фантастикой и сказкой, ведет свою родословную от народных эпосов европейских стран» [4, с. 451]. Согласно С.П. Белокуровой, фэнтези – это разновидность фантастики: произведения, изображающие вымышленные события, в которых главную роль играет иррациональное, мистическое начало, и миры, существование которых нельзя объяснить логически [5, с. 256].

Можно выделить следующие отличительные признаки, которые определяют фэнтези как литературный жанр:

1. Действия разворачиваются в вымышленном мире, для которого характерны не реальные свойства и явления.
2. Для фэнтези характерно наличие богов, демонов, доброго и злого, волшебников, гномов, великанов, говорящих животных и предметов, мифологических и сказочных существ.
3. Наличие авантюрного сюжета (война, странствие, поиски сокровища, путешествия). Необходима определенная цель, которая будет развивать сюжет.
4. В центре сюжета находится романтический герой, который сталкивается со множеством препятствий и трудностей.
5. Борьба добра и зла – неотъемлемая часть любого произведения в жанре фэнтези. При этом четкое разграничение Добра и Зла облегчает самоидентификацию героя, определение его целей.

6. Свобода автора. В отличие от научной фантастики, где автор вынужден давать научные обоснования каждому событию, в фэнтези автор ничем не ограничен.

7. Роль судьбы – это важная составляющая для любой приключенческой книги, в которой каждый неожиданный остросюжетный поворот сродни маленькому чуду, определяет связь с трансцендентным, свойственную фэнтези (см.: Дж. Р.Р. Толкин «Властелин колец» (1954-1955), Ли Бардуго трилогия «Тень и Кость» (2012-2014)).

Фантастическая трилогия «The Caraval» («Караваль») американской писательницы Стефани Гарбер повествует о приключениях двух сестер Скарлетт и Донателлы в Меридианной империи. Основные события разворачиваются вокруг магической игры Караваль, которая каждый раз проходит в разных местах. Данная трилогия включает в себя все признаки жанра фэнтези:

- События разворачиваются в вымышленном мире – Меридианной империи, которая расположена на нескольких островах.
- Существуют магические существа, ведьмы, боги и полубоги.
- На протяжении всех 3 книг главные герои имеют несколько целей, к которым они стремятся.
- Главные герои постоянно сталкиваются с опасностями, предательствами и обманом.
- В качестве антагонистов выступают мифические существа Мойры.

Рассмотрим далее характерные для данного жанра лингвостилистические средства, используемые автором для создания и описания уникального вымышленного мира, быта и культуры его обитателей.

На лексическом уровне для текстов жанра фэнтези характерно употребление многочисленных окказионализмов (квазилексем), которые наполняют вымышленный мир героями и локациями, где и происходят основные события. Окказионализмы в текстах жанра фэнтези можно объединить в несколько тематических групп:

1. Топонимы: *The Meridian Empire* (Меридианная империя); *Isla de los Sueños* (Исла-де-лос-Суэньос/ Остров Грез), *the Conquered Isle of Trisda* (Покоренный остров Трусда), *Valenda* (Валенда), *the Satine District* (Атласный Квартал), *the Temple District* (Район Храмов), *The Spice Quarter* (Квартал Пряностей), *Idyllwild Castle* (Замок Идиллуайлд), *Elantine's palace* (Дворец Элантины), *del Ojos beach* (пляж Дель-Охос).

2. Антропонимы: *Donatella Dragna* (Донателла Дранья), *Scarlett Dragna* (Скарлетт Дранья), *Legend* (Легендо), *Julian Bernardo Marrero Santos* (Хулиан Бернардо Марреро Сантос), *The Fallen Star* (Упавшая Звезда), *Jacks* (Джекс), *Paloma Dragna* (Палома Дранья), *Nicolas d'Arcy* (Николя д'Арси), *Aiko* (Айко), *the Assassin* (Наемный Убийца), *the Maiden Death* (Дева Смерти), *the Undead Queen* (Неупокоенная Королева).

3. Названия фантастических существ: *witch*, *demigod*, *half-human*, *half-Fate*, *the Fates* (Мойры).

4. Этнографические реалии: *The Deck of Destiny* (Колода Судьбы), *Map of All* (Карта всего).

5. Общественно-политические реалии: *empire*, *heir*, *empress*, *Trisdaian*, *Valendian*, *Southern*.

Несмотря на то, что мир, созданный Стефани Гарбер, является вымышленным, большинство топонимов и антропонимов созвучны с испанскими названиями. Они переносят читателя в некое подобие Средиземноморья. Для романов С. Гарбер характерен авантюрно-бытовой хронотоп, так как, помимо постоянной борьбы главных героев со временем, в их жизни вмешиваются иррациональные силы. Магия в мире Каравалья основана в первую очередь на времени, крови и эмоциях участников игры. Чем сильнее эмоции игроков, тем могущественнее становится магистр Каравалья, Легендо. Магией также обладают различные фантастические существа и магические предметы. Наличие разнообразных артефактов позволяет более детально передать действие магии в данном мире.

Мир, созданный Стефани Гарбер, изобилует вымышленными локациями и именами, однако, все они приближены к реальности. Большое количество островов свидетельствует об тропическом островном климате.

Фантастический мир описывается в трилогии с использованием разнообразных стилистических средств – метафор и сравнений, которые усиливают экспрессивность повествования и позволяют описать вымышленный мир во всем его многообразии. Употребление метафор способствует более полному и глубокому выражению смыслового и эмоционального содержания. Метафоры могут сделать что-то обычное необычным [6, с. 17].

Олицетворяя такое явление, как «беспокойство», автор передает волнение главной героини в момент, когда она подслушивает за дверью:

*A smoky-ginger prickle of discomfort crawled down Scarlett's neck as she put her ear closer to the door [7, с. 110]. – Чувствуя, как **по шее ползет сероватая рыжая тень беспокойства**, она приложила ухо к двери.*

Через метафору С. Гарбер показывает, насколько быстро бежала главная героиня. Метафора позволяет ощутить физическое состояние, в котором она пребывала:

*The air still burned, but Scarlett managed the words: "You left me" [7, с. 55]. – Хотя **легкие у Скарлетт все еще горели огнем**, она сумела выговорить: «Ты меня бросил!».*

Сравнение является одним из самых распространённых средств выразительности и экспрессии. Главной целью сравнения является объяснение того или иного явления, при этом они могут формировать мысли, так как способны заставить думать читателя об изображаемом мире другим способом, а именно с использованием сравнения, создающего отношения подобия. Так, сравнивая форму магазина с круглым циферблатом, автор создает связь места с основным товаром магазина – часами. Не только часы были круглыми, но и само место напоминало об этом:

The shop was round, like a clock's face [7, с. 61]. – Комната была круглой, как циферблат.

Писательница, сравнивая воздух с густым бульоном, описывает, насколько плотным был туман. Сравнение запаха во дворе со временем после полудня позволяет автору более выразительно передать дневной зной:

Outside, the air was as thick as soup, and the open courtyard smelled like afternoon – damp, salty, and pungent [7, с. 30]. – Из-за повышенной влажности воздух на улице был густым точно кисель, и во дворе уже пахло морской солью, как обычно после полудня.

Ещё одним прагматически значимым лингвостилистическим средством в жанре фэнтези являются эпитеты, которые позволяют подчеркнуть характерный признак или свойство объекта, а также создать атмосферу и вызвать необходимые эмоции. Описательные элементы наполняют произведение красками, запахами, вкусами и эмоциями. С помощью эпитетов, выполняющих, в основном характеризующую функцию, автор сравнивает свет в помещении с драгоценным камнем в дверной ручке, чтобы читателю было легче представить свет в комнате:

Emerald-green light, the color of the gem-shaped doorknob, seeped from the other side like fog [7, с. 123]. – *Из-за приоткрытой двери струился туманный свет – изумрудно-зеленый, как дверная ручка в виде драгоценного камня.*

В следующем ниже контексте эпитет «неистовый» указывает на неестественно-яркий жёлтый цвет, который чаще всего встречается в оперении птиц:

The frenzied yellow of a flapping bird's feathers [7, с. 12]. – *Неистовая желтизна оперения летящей птицы.*

Эпитеты придают негативный оттенок положительным абстрактным понятиям «воспоминания» и «мечтания», а также усиливают коннотативное значение для слова «сплетни»:

Brownish green, the color of forgotten memories, abandoned dreams, and bitter gossip [7, с. 190]. – *Коричневато-зеленая, цвета забытых воспоминаний, отринутых мечтаний и горьких сплетен.*

Во вселенной С. Гарбер не существует вымышленного языка, для которого было бы характерно необычное звучание. Однако, на фонетическом уровне в рассматриваемой трилогии распространено использование звукоподражания и звукописи, позволяющих автору более наглядно и выразительно передать некоторые звуки, окружающие главных героев. Так, используя звукоподражание «тик-так», автор пытается передать атмосферу магазина часов: внутри никого не было, и ритмичный бой часов был единственным звуком, наполнявшим магазин:

Tick-tock. Tock-Tick. Only gears and cogs answered back [7, с. 61]. – *«Тик-так, тик-так», – ответили ей шестеренки.*

Используя звукоподражание «кхе-кхе», С. Гарбер показывает присутствие кого-то, кто нарушил тишину на балконе:

Ahem. From the back of the balcony someone cleared his throat [7, с. 91]. – *«Кхе-кхе» – раздалось чье-то покашливание в глубине балкона.*

В одной из сцен Теллу похищают. Похититель закрывает ей рот, однако героиня, пытаясь вырваться, требует, чтобы ее отпустили. Соединив слова в предложение, автор пытается через невнятное бормотание героини, передать её попытки высвободиться:

Takeyourhandsoffme! [8, с. 35]. – *Немедленноотпустименя! – захлебываясь словами, невнятно пробормотала она.*

В заключение подчеркнем, что в настоящее время фэнтези является полноправным жанром со своими признаками и особенностями. Наиболее распространенными лингвостилистическими средствами в трилогии С. Гарбер являются звукоподражание, окказионализмы, метафоры, сравнения и эпитеты, которые позволяют более наглядно и выразительно воссоздать вымышленный мир и передать его читателю с задуманным настроением и атмосферой.

Список литературы

1. Книгин И. А. Словарь литературоведческих терминов / И. А. Книгин. – Саратов: Лицей, 2006. – 270 с.
2. Косиченко Е. Ф. Ономастические средства актуализации мифологических мотивов в художественной литературе // *NaukowcywposzukiwaniuMagicznegoPierwiastka*. No 9. Olsztyn: WydziałhumanistycznyUniwersytetuWarmińsko-MazurskiegoOlsztynie, 2016. P. 130–138.
3. Сапковский А. Нет золота в серых горах = *Nie ma złota w gorach szarych*; Мир короля Артура = *Świat króla Artura*; Критические статьи = *Krytyka*; Бестиарий = *Bestiariusz* / Анджей Сапковский; [Пер. с пол. Е.П. Вайсброта]. – М.: АСТ, 1993. – 374 с
4. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – Москва: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 669 с.
5. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – Санкт-Петербург: Паритет, 2006. – 314 с.
6. Wowo, T. A., Kurniadi, D., Lubis, D. F. Metaphors and Similes in Peter Lerangis' Novel "The Curse of the King" // *Pioneer: Journal of Language and Literature*, [S.l.] – 2022. – Vol. 14 – No. 1. – P. 15-30.

Список источников

7. Garber, S. *The Caraval: Caraval*. Hodder&Stoughton, London, 2017, 407 p.
8. Garber, S. *The Caraval: Legendary*. Hodder&Stoughton, London, 2018, 423 p.
9. Garber, S. *The Caraval: Finale*. Hodder&Stoughton, London, 2019, 468 p.

УДК 821.111

**Хасанова И.И., Шкилев Р.Е. Особенности перевода комического
в художественной прозе на примере романа
Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс»**

Хасанова Ильдана Ильгизовна

студент отделения иностранных языков, Елабужский институт Казанского
(Приволжского) федерального университета, РФ, г. Елабуга
ildana.xasanova10@gmail.com

Шкилев Роман Евгеньевич

канд. филол. наук, доцент отделения иностранных языков, Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета, РФ, г. Елабуга
schkilef@gmail.com

**Features of comic translation in fiction on the example
of H. Fielding's novel "Bridget Jones's Diary"**

Khasanova Ildana Ilgizovna

the student of the Foreign language department
Yelabuga Institute of Kazan Federal University, Russia, Yelabuga

Shkilev Roman Evgenievich

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Foreign language department
Yelabuga Institute of Kazan Federal University, Russia, Yelabuga

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема перевода комического в художественной прозе. Комичность - это явление, которое представляется разноаспектным феноменом, охватывающим все сферы жизни человека, именно это объясняет актуальность данной темы. Основное внимание в данной работе авторы акцентируют внимание на перевод иронии с английского языка на русский. На данный момент интерес представляет выявление способов создания комического эффекта в популярных произведениях современных авторов. К таким авторам относится английская писательница Х. Филдинг, чей роман-дневник «Дневник Бриджит Джонс» ("Bridget Jones's Diary") рассмотрен в данной статье.

Ключевые слова: комическое, ирония, самоирония, перевод, переводческие трансформации.

Abstract. This article discusses the problem of translating the comical in fiction. Comicality is a phenomenon that seems to be a multi-faceted phenomenon covering all spheres of human life, this explains the relevance of this topic. The authors focus on the translation of irony from English into Russian. At the moment, it is of interest to identify ways to create a comical effect in popular works by modern authors. Such authors include the English writer H. Fielding, whose novel-diary "Bridget Jones's Diary" ("Bridget Jones's Diary") is considered in this article.

Keywords: comic, irony, self-irony, translation, translation transformations.

Актуальность данной работы обусловлена, с одной стороны, интересом к реализации комического в художественной литературе и, с другой стороны, к проблемам перевода комического в тексте художественного произведения.

Цель исследования, которая состоит в том, чтобы выявить особенности перевода комического в художественной прозе на примере романа Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс»

Объект исследования – перевод комического в художественной прозе.

Предмет исследования – приемы перевода комического в тексте художественного произведения.

Тема комического и юмористического остается интересной и актуальной, большое количество лингвистов и филологов занимались проблематикой данной темы: С.И. Походня, В.А. Разумовская, Ю. Б. Борев, Б. Дземидок, Л. В. Я. Пропп, В. И. Тюп, И. В. Арнольд, В. В. Виноградов и др.

Явление комичности как особый феномен представляется разноаспектным, охватывающим все сферы жизни человека. Комическое всегда существовало в обществе, на разных этапах его развития. Именно этим объясняется непреходящая актуальность данного феномена. Безусловно, у комического существуют виды: юмор, ирония, сатира, сарказм и др. [4].

Ирония – это литературный прием, при котором противоречивые утверждения или ситуации раскрывают реальность, отличную от того, что кажется правдой, а самоирония – это уже разновидность иронии, когда сам человек, становится центром обсуждения или смеха [1].

В романе английской писательницы Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» приемы иронии и самоиронии встречаются часто, поэтому для нашего исследования мы выбрали данные средства комического.

В оригинальном тексте автор смог достичь полного функционирования приема иронии и самоиронии, тем самым у читателей осталось приятное «послевкусие» от прочтения романа, в чем и состоит главная функция иронии.

На примере перевода данного романа А.Н. Москвичевой, мы рассмотрим и проанализируем удалось ли автору перевода достигнуть комического эффекта и показать иронию и самоиронию, и какими способами и приемами пользовался автор для достижения комизма в тексте перевода.

Средствами достижения иронии могут быть как основные единицы языка (слова, выражения, идиомы, предложения и тексты), так и стилистические приемы

(метафоры, метонимии, сравнения, эпитеты и др.) Тем самым, возможности, вытекающие из комбинации этих элементов, безграничны.

Иронический смысл предложения может быть выражен с помощью «качества» лексики, то есть выразительности ее единиц, стиль, к которому она принадлежит, сочетаемость с другими единицами лексики [2].

“Mum, with dazzling bravado, has planned schmaltzy family Christmas...” [6].

«Мама с блестящей бравадой планирует устроить смачное семейное торжество.» [2]

В этом примере ирония иллюстрируется особым языком, который автор выбирает для описания Пэм, матери Бриджит, пытающейся собрать семью вместе на Рождество, как будто у нее никогда не было отношений с Джулиусом. Х. Филдинг с иронией раскрывает желание Пэм создать в семье настоящее счастье вскоре после таких событий.

А.Н. Москвичева также подчеркивает отношение главной героини к своей матери и ее настроению создать «смачное семейное торжество». Слово «смачное», которое несет в себе негативные коннотации и является словом разговорного стиля, автор перевода использует корректно и актуально для данной ситуации.

Ирония также может быть представлена новыми авторскими формулировками, так называемыми неологизмами, выражающими отношение говорящего к собеседнику или явлению [4]:

“-...How are the ear-hair clippers? – Oh, marvelously – you know – clippy” [6].

«...А как тебе приспособление для стрижки волос в ушах? - О, чудесно, знаешь, оно – способное.» [2].

Эта ситуация комична сама по себе – Бриджит Джонс дарит отцу на Рождество машинку для стрижки волос в ушах. Слово *‘marvelously’* означает высшую похвалу чему-либо, а слово *‘clippy’* отсутствует в словаре, но может пониматься непосредственно как сама функция этой машинки, которая никак не может быть такой приятной. Автор перевода, в свою очередь, перевел неологизм Х. Филдинг *‘clippy’* словом «способное». Использование данного эквивалента разумно и логично, а также слово в переводе поддерживает иронический смысл предложения, так как для такого аппарата эпитет «способный» не подходит, но подчеркивает комизм.

С.И. Походня считает, что нужно выявлять такие новообразования и неологизмы авторов для превращения скрытой иронии в явную. [3].

Но недостаточно выразить сарказм только риторическими средствами, поэтому следующий уровень понимания смысла иронии — синтаксический. По мнению

Походня, модели, связанные с эмоциональным синтаксисом, наиболее эффективны для создания иронии [3].

Ирония может выражаться восклицаниями. Сюда входят предложения, которые не отмечены восклицательными знаками, но на их эмоциональное значение указывает либо местоимения, либо интонация [5].

“She was wearing a crocheted mini-dress with a floppy straw hat and an orange Bri-nylon saddle-stitched blouse on the top. As if the things I used to wear in my teens were a hilarious joke.” [6].

«На ней было вышитое тамбуром платье-миди под оранжевой нейлоновой блузой со стеганой подкладкой и соломенная шляпка с обвислыми полями. Кажется, наряды, которые я носила в юности, были невинной шуткой.» [2].

Бриджит удивляет неуместность вызывающего и безвкусного наряда коллеги по офису. В этом предложении отсутствуют любые виды восклицательных знаков, однако, читатель чувствует восклицание и самоиронию, которая выражена в эмоциональной шутке, осуждение и неодобрение Мисс Джонс.

В тексте перевода также отсутствуют восклицательные знаки препинания, но шутка и эмоциональность сохранены, благодаря использованию переводческих трансформаций, как калькирование и модуляции.

Ирония также может быть выражена авторским комментарием в скобках. Общий смысл основного и вводного предложений помогает понять истинную картину ситуации и отношение к ней автора.

“Mum, with dazzling bravado, has planned schmaltzy family Christmas with her and Dad pretending the whole of last year never happened ‘for the sake of the children’ (i.e. me and Jamie, who is thirty-seven) [6].

«Мама с блестящей бравадой планирует устроить смачное семейное торжество. Они с папой будут делать вид, что всего прошедшего года никогда не было, и все это «ради детей» (т.е. меня и Джейми, которому тридцать семь).» [2].

В этом предложении авторский комментарий в скобках позволяет отвлечься от повествования и акцентировать внимание на абсурдности высказывания *‘for the sake of the children’* («ради детей»), хотя главной героине и ее брату больше тридцати лет, они совсем не дети.

А.Н. Москвичева сохранила данный прием в своем переводе, благодаря которому прослеживается прием сарказма и иронии.

Ирония может выражаться с помощью сравнительных конструкций:

“She was so tall and thin she hadn’t felt the need to put the heels on, so could walk easily across the lawn without sinking, as if designed for it, like a camel in the desert” [6].

«Она была такая высокая и стройная, что у нее не возникало необходимости надевать туфли на каблуках - ей удавалось идти по траве легко, не утопая в земле, словно она была создана для этого - как верблюд в пустыне.» [2].

В данном примере используется комичное и необычное сравнение девушки Наташи с верблюдом, несмотря на то, что грациозность девушки сложно сравнить с образом верблюда. Данное сравнение может говорить о чувстве зависти главной героини, Бриджит, к Наташе, обладающей модельной внешностью и грацией.

В тексте перевода также чувствуется завистливое отношение Бриджит к этой девушке. Образ сравнения сохранен дословно, но пунктуация заменена на более подходящую к узусу русского языка.

Ирония может быть продемонстрирована посредством синтаксической конвергенции. Субъективная оценочная информация активно усиливается за счет семантической неоднородности синтаксически однородных членов [4].

Ведется расследование по исчезновению Пэм:

“Where is your mother now?’ I don’t know. Portugal? Rio de Janeiro? Having her hair done?’ [8].

«Не знаю. В Португалии? В Рио-де-Жанейро? В парикмахерской?» [2].

В данном случае ирония представлена хаотичным списком. Ироничное искусство подкрепляет образ матери Бриджит как женщины, от которой можно ожидать чего угодно, совершенно нелогичной в своем поведении.

А.Н. Москвичева, как и автор оригинала, использует синтаксическую конвергенцию для перевода данного предложения, тем самым сохранив ироничный смысл, но переводчик использовала грамматическую трансформацию, точнее грамматическую замену в конце выражения: *‘Having her hair done?’* – «*В парикмахерской?*». Замена грамматического глагольного оборота *‘having something done’* на существительное в родительном падеже с предлогом.

Итак, благодаря представленным примерам можно сделать вывод, что комическое, в частности иронию, можно выразить большим количеством средств и приемов на всех языковых уровнях. Однако, перевод иронии на другой язык может быть сложным или невыполнимым процессом, так как переводчик должен обладать не только профессиональными качествами и знаниями, но и чувством юмора. У переводчика А.Н. Москвичева получилось достичь и сохранить комического эффекта в тексте перевода.

Список литературы

1. Скибин С. М. Проблема иронии в современном литературоведении // Национальная ассоциация ученых: сетевой журнал. 2020. URL: <https://national-science.ru/problema-ironii-v-sovremennom-literaturovedenii-38-41/> (дата обращения: 03.03.2023).
2. Москвичева А. Н. Дневник Бриджит Джонс. СПб.: Амфора, 2010. 320 с.
3. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии: Киев: Наукова думка, 1989. 126 с.
4. Горностаева А. А. Ирония как культурный и языковой феномен // КиберЛенинка: электронная библиотека. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-kulturnyy-i-yazykovoy-fenomen/viewer> (дата обращения 03.03.2023).
5. Разумовская В. А. Симметрия художественных текстов и переводов. М.: Язык и культура, 2010. № 4. 8 с.
6. Fielding H. (Eds.). Bridget Jones's Diary. L: Macmillan, 2019. 120 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81.373.7

Лысенкова В. Н. Репрезентация пространственного кода культуры в английской фразеологической картине мира (на материале английских фразеологизмов с компонентами *home, house*)

Лысенкова Виолетта Николаевна

Аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
РФ, Брянск
viole.lysenkova@yandex.ru

Representation of the spatial code of culture in the English phraseological world picture (based on the material of English phraseological units with *home, house* components)

Lysenkova Violetta Nikolaevna

Postgraduate, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Russia, Bryansk

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема места пространственного кода культуры в английской фразеологической картине мира. Основное содержание исследования составляет анализ английских фразеологических оборотов с компонентами *house, home*. Данный анализ подчеркивает специфику культурологического наследия британского этноса в рассматриваемых компонентах устойчивых оборотов. Демонстрируется особая ценность фразеологических единиц как одного из неотъемлемых источников исторической и культурной жизни английского народа, информацию о котором можно получить через понимание пространственного восприятия мира, закрепленного в языке.

Ключевые слова: фразеологизм, культурный код, пространственный код культуры, компонент фразеологизма, лингвокультурология, картина мира

Abstract. This article deals with the problem of the place of the spatial culture code in the English phraseological world picture. The main content of the study is the analysis of English phraseological units with the components *house, home*. This analysis emphasizes the specific character of the cultural heritage of the British ethnic group by studying considered components of the phraseological units. The special value of phraseological units is demonstrated as one of the integral sources of the historical and cultural life of the English people information about which can be obtained through understanding the spatial perception of the world, enshrined in the language.

Key words: phraseological unit, culture code, spatial culture code, phraseological unit component, cultural linguistics, world picture

В настоящее время лингвокультурологическое направление занимает особое положение во фразеологии, поскольку синтез знания лингвистического и культурологического определяет национально-культурную специфику устойчивых оборотов, отражает особенности культурного мировидения народа во

фразеологических знаках и объясняет влияние культурно-исторических процессов на формирование фразеологического фонда языка [1, с. 181].

Ценностное содержание культуры народа кодируется во фразеологическом слое языка как одним из способов хранения информации и образует систему кодов культуры, которые составляют картину мира этого народа. Культурные коды являются основным источником сохранения и функционирования культуры, структурируя смысловую непрерывность ее развития [4, с. 41]. Таким образом, *код культуры* – система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; способ хранения и передачи культурной информации [4, с. 40].

Выделяют несколько базовых кодов культуры, свойственных любой культуре: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [2, с. 54].

Пространственный код культуры является одним из ключевых элементов, определяющих характеристики и особенности культурного наследия и общественной жизни в целом. Он является своеобразным отображением культурных процессов в пространственной среде, которая может быть представлена как физическая (город, здания, места) и социокультурная (традиции, обычаи, обряды).

Пространственный код культуры может быть использован для создания определенной атмосферы и настроения, вызывающих определенные эмоции и отражающих ценности и традиции, которые связаны с культурой. Он способствует формированию общественной идентичности и культурного наследия определенного региона или народа.

Более широко, пространственный код культуры во фразеологии может использоваться для описания социальных отношений и мест, где они происходят.

Наиболее яркими примерами пространственного кода культуры являются фразеологические обороты, содержащие в своем составе компоненты *house, home*. Эти знаки становятся носителями культурной значимости, ценностного содержания, выявленного в ходе освоения и осознания человеком мира. Понятие дома, жилища – одно из самых архетипических знаний человека о выживании в природе. Древний человек определял *дом* как символ безопасности, порядка, место с определенными правилами поведения.

В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть английские фразеологические обороты, содержащие пространственный код культуры, который, в свою очередь, передается компонентами *house, home*.

В английской фразеологической картине мира компоненты *house, home* несут на себе большую смысловую нагрузку в культурном пространстве, поскольку: 1) являются сакральным местом, энергетическим центром человека; 2) регулируют социальные отношения между хозяевами дома и гостями; 3) символизируют успешное или неуспешное выполнение поставленных задач; 4) ассоциируются с приятным времяпрепровождением.

Анализируемый материал позволил объединить фразеологические обороты с компонентами *house, home* в следующие группы, характеризующие культуру английского народа через пространственный код культуры: духовный центр, гостеприимство, развлечение.

Духовный центр. Образ дома в английской фразеологической картине мира рассматривается как символ ценностей, традиций, веры. Компоненты *house, home* соединяют лексическое значение слова дом и символическую, духовную коннотацию. Фразеологические обороты данной группы используются для обозначения значения, связанного с духовностью, духовным здоровьем и благополучием человека. Имеется в виду, что, находясь дома, субъект способен генерировать новые идеи или преодолевать жизненные трудности. Например, *close to home* [5, с.212] (букв.: близко к дому) – ‘что-либо доставляет человеку неудобство и дискомфорт, так как это личная тема’, *hit home / strike home* [там же] (букв.: ударить в дом) – ‘заставить человека понять, насколько на самом деле какая-то вещь является трудной или неприятной’, *on home ground* [5, с.213] (букв.: на домашней земле) – ‘чувствовать себя уверенно и защищенно, потому что человек работает вблизи дома или делает что-то знакомое ему очень хорошо’, *nothing to write home about* [там же] (букв.: нечего писать домой) – ‘неинтересный, не имеющий ничего необычного’.

Развлечение. В культурной жизни английского народа дом являлся не только местом жительства, но и центром социальной жизни, где проходили различные общественные мероприятия и вечеринки. Представим некоторые фразеологизмы, которые отражают эту традицию и связывают дом с развлечениями, весельем и досугом: *house specialty / specialty of the house* [5, с. 212] (букв.: особенность дома) – ‘это то, чем особенно знаменит ресторан и именно ради этого блюда многие люди посещают его’, *house wine* [там же] (букв.: домашнее вино) – ‘это самое дешевое вино в ресторане, и оно предлагается под маркой конкретного ресторана’, *house music* [там же] (букв.: домашняя музыка) – ‘музыкальный жанр, который бывает в дискотеках и клубах’, *fullhouse* [там же] (букв.: полный дом) – ‘аншлаг, полный зал’, *house party* [там же] – ‘домашняя вечеринка’, *a public house* (букв.: общественный дом) – ‘бар, паб,

пивная, закусовая, трактир' [3, с. 403], *bring down the house* (букв.: снести дом) – 'покорить весь зал, вызвать бурные аплодисменты, гром аплодисментов' [там же, с. 401], *dress the house* – 'заполнить театр зрителями' [там же].

Гостеприимство – форма ритуального поведения, соединяющая сферы «своего» и «чужого». Фразеологические обороты с компонентами *house*, *home* отражают пространственный код культуры, в котором дом – символ доброжелательного отношения к гостям.

Приведем некоторые примеры: *be at home to smb.* (букв.: быть дома для кого-либо) – 'быть готовым принять кого-л.' [3, с. 393], *at home* (букв.: дома) 'приём гостей, званый вечер' [там же, с. 392], *keep a good house* (букв.: содержать хороший дом) – 'в значении хорошо принимать гостей' [там же, с. 402], *keep open house* (букв.: держать открытый дом) – 'в значении держать двери открытыми для гостей, жить на широкую ногу, устраивать приемы, отличаться гостеприимством' [там же], *make smb. free of one's house* (букв.: делать кого-либо свободным в чьем-то доме) – 'в значении радушно принимать кого-л., предоставить свой дом в чье-л. распоряжение; сделать так, чтобы гости чувствовали себя как дома' [там же], *make yourself at home* (букв.: делать самого себя дома) – [5, с. 212], *on the house* (букв.: на дому) – 'за счёт фирмы, фирма оплатит; за счёт хозяина, бесплатно' [3, с. 403].

Английский фразеологический оборот *not to give someone house room* [5, с. 219] (букв.: не дать кому-либо комнату в доме) – 'отказываться принимать человека, не желать иметь с ним ничего общего' подчеркивает особенную роль пространственных параметров жилья для человека. Позволить постороннему находиться в доме означает показать насколько хорошо хозяин доверяет этому человеку. Нежелание владельца дома делить свое жилое пространство с другим человеком вполне естественно, так как два субъекта не имеют общей аксиологической базы.

Таким образом, пространственный код культуры в английской фразеологической картине мира является одним из ключевых элементов, определяющих стереотипы мышления и привычки речи. С помощью этого кода можно интерпретировать некоторые культурные и социальные аспекты жизни людей, которые закрепились во фразеологическом фонде английского языка. Анализ фразеологических оборотов, в которых отражается пространственный код культуры через компоненты *house*, *home*, показал, что дом для британца является центральным местом для хранения, передачи энергии, идей и ценностей.

Например, изучение оборотов, принадлежащих к группе дом как *духовный центр*, помогает понять значимость религии и культовых мест в жизни британского народа. Исследование устойчивых оборотов, отражающих *гостеприимство*, способствует пониманию особенностей поведения и мировоззрения британцев, а также их отношения к незнакомцам. Анализ фразеологических единиц, которые составляют группу *развлечение*, позволяет понять различные типы досуга, характерные для уклада жизни носителей английского языка, и узнать некоторые интересные исторические и культурные факты.

Список литературы

1. Зыкова И.В. Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии. *Przegląd wschodnioeuropejski* VI/1, 2015. – С. 181-195.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012; 2016. 456 с.
3. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Просвещение, 2005. – 1214с. – ISBN: 5-9576-0208-6.
4. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2018. – 192 с.
5. Collins Cobuild Dictionary of idioms / Glasgow : HarperCollins Publishers, 2012. – 528 p.

УДК 811.161.1

Пасевич З.В., Мидзуки Ф. Концепт «Работа» в русской языковой картине мира (по данным ассоциативных словарей)

Пасевич Заряна Васильевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии
Тихоокеанский государственный университет, РФ, Хабаровск
pasevichzara@mail.ru

Фурия Мидзуки

магистрант кафедры русской филологии
Тихоокеанский государственный университет, РФ, Хабаровск
2017105278@pnu.edu.ru

**The concept of "Work" in the Russian language picture of the world
(according to associative dictionaries)**

Pasevich Zariana Vasilievna

PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian Philology
Pacific National University, Russian Federation, Khabarovsk

Furuya Mizuki

Magistrates of the Department of Russian Philology
Pacific National University, Russian Federation, Khabarovsk

Аннотация. Статья посвящена описанию концепта «Работа» в русской языковой картине мира. Материалом исследования послужили реакции на стимул «работа», представленные в русских ассоциативных словарях разных лет. В статье классифицированы реакции на стимул «работа». Сопоставление реакций на стимул «работа» показало наличие устойчивых представлений о работе, характерных для носителей русского языка: работа – деятельность, требующая усилий; деятельность, циклически сменяющаяся отдыхом; тяжелое занятие; деятельность, к которой русские люди относятся эмоционально и наделяют оценочными характеристиками: трудная – легкая, интересная – скучная, хорошая – плохая, любимая – не любимая; социальная норма. Анализ частотности реакций на стимул «работа» в ассоциативных словарях разных лет показал, что в 1998-1999 году произошли изменения в русском национальном сознании: материальное вознаграждение за работу выходит на первый план.

Ключевые слова: концепт, работа, ассоциативный словарь, метод ассоциативного эксперимента, русская языковая картина мира, семантика

Abstract. The article is devoted to the description of the concept of "Work" in the Russian language picture of the world. The research material was reactions to the stimulus "work" presented in Russian associative dictionaries of different years. The article classifies reactions to the stimulus "work". Comparison of reactions to the stimulus "work" showed the presence of stable ideas about work, characteristic of native speakers of the Russian language: work is an activity that requires effort; activity that cyclically alternates with rest; hard work; the activity to which Russian people relate emotionally and give evaluative

characteristics: difficult – easy, interesting – boring, good – bad, beloved – not beloved; social norm. Analysis of the frequency of reactions to the stimulus "work" in associative dictionaries of different years showed that in 1998-1999 there were changes in the Russian national consciousness: material remuneration for work comes to the fore.

Key words: concept, work, associative dictionary, method of associative experiment, Russian language picture of the world, semantics

Концепт *работа* относится к универсальным концептам, присутствующим в языковой картине мира разных народов. Активно изучаются культурно-семантические признаки концепта *работа* на материале пословиц и поговорок [1], [2], [3], фразеологизмов [4], [5], аксиологические признаки концепта *работа* на материале текстов разных жанров [6], [7]. Актуальным представляется изучение признаков концепта *работа* на материале данных ассоциативных словарей.

Целью данной статьи является описание ассоциативного слоя концепта *работа* в русской языковой картине мира.

Материалом для исследования послужили реакции на стимул *работа*, представленные в трех словарях, составленных в разные периоды времени: «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. Леонтьева А. А. (далее – САНРЯ или L), «Русский ассоциативный словарь» под ред. Караулова Ю. Н. (далее – РАС или R), «Славянский ассоциативный словарь» под ред. Уфимцевой Н. В. (далее – САС или S). САНРЯ составлен на базе эксперимента, проведенного в 1967-1973 гг. В нем приняли участие 77 носителей русского языка и получено 208 реакций на слово-стимул *работа* [8]. РАС составлен на базе данных ассоциативного эксперимента, проведенного в 1988-1997 гг. В нем приняли участие 310 человек, получено 714 реакций [9]. САС составлен на базе эксперимента, проведенного на русском, белорусском, болгарском и украинском языках в 1998-1999 гг. В нем приняли участие 207 русских респондентов, получено 590 реакций [10]. Так как в ассоциативных экспериментах приняло участие разное количество респондентов, при анализе данных мы будем указывать количество реакций в процентах.

Проведенный анализ реакций позволяет увидеть базовые признаки концепта *работа* и изменения в концепте, происходящие с течением времени.

Первую, самую большую группу представляют ассоциаты, которые отражают данные лексикографических толкований, где в качестве первичного значения отмечен ЛСВ – *работа как действие по знач. глаг. работать; деятельность, занятие, труд* [11]. Эта группа многообразная и разнородная.

В рассматриваемую группу входят ассоциаты, представляющие собой синонимы к слову *работа*. Во всех словарях присутствуют реакции

- *труд* (11,54% – 2,8% – 6,27%);
- *дело* (5,29% – 1,26% – 4,75%);
- *занятие* (3,37% – 0,42% – 0,68%).

В словаре L реакция *труд* является первой по частотности реакцией на стимул *работа* (такой ответ дали 24 респондента). В словарях R, S реакция *труд* также возникает значительно чаще по сравнению с другими синонимами. Слова *труд* и *работа* особенно тесно связаны в сознании носителей русского языка. Не случайно слово *труд* используется для определения слова *работа* в толковых словарях русского языка Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, А.П. Евгеньевой.

Ю.Д. Апресян называет синонимы *работа* – *труд* ключевыми в синонимическом ряду, указывая в качестве общего признака то, что и работой, и трудом может называться такая деятельность, которая требует усилий [12, с.910]. К единичным относятся реакция *занятость* (S: 0,68 %), реакции с отрицанием – *не отдых* (R: 0,14%), *не безделье* (S: 0,17%).

В рассматриваемую группу входят также ассоциаты, представляющие собой антонимы к слову *работа*. В трех словарях присутствуют реакции

- *отдых* (2,4% – 2,24% – 2,71);
- *безделье* (0,96% – 0,28% – 0,85%).

В двух словарях отмечена реакция *лень* (R: 0,84% – S: 0,85%), в словаре R – *тунеядство* (0,14%), в словаре L окказиональная реакция *лентяйничество* (0,48%). Можно отметить, что самая частотная реакция *отдых*, воспринимаемая носителями русского языка, как антоним к слову *работа* отсутствует в «Словаре антонимов русского языка» Львова М.Р. (где указаны пары *работа* – *безделье*, *работа* – *праздность*, *работа* – *бездеятельность*) [13].

Кроме того, во всех словарях присутствует реакции *учеба* (1,44% – 1,54% – 1,86%) и *наука* (0,48% – 0,14% – 0,17%), в связи с тем, что *работа*, *учеба* и *наука* противопоставлены как разные виды деятельности человека.

Среди ассоциатов выделяются те, которые демонстрируют культурную память носителей русского языка. Это компоненты фразеологизмов со словом *работа*: *кипит, по душе, адская, черная, грязная, до седьмого пота, на износ, на убой, не сахар, не бей лежачего, лошадь, ишак*. Также ряд ассоциатов *не убежит, лес, волк, не волк, не медведь, подождет*, которые отсылают к пословице – *Работа не волк, в лес не убежит* (и ее варианту: *Работа не медведь, в лес не убежит*), представляющей собой шуточный совет не торопиться с выполнением работы, потому что еще будет время ей заняться. М.А. Бердис указывает, что конденсированная идея вариаций

русской пословицы выражается фразой «*Работа может подождать*» [14, с.146]. Названная пословица сохраняет особую актуальность для русских людей – это единственная пословица, представленная среди реакций на стимул *работа*. Кроме того, об этом свидетельствует распространенность связанных с ней ассоциатов: реакция *не волк* в словаре R занимает второе место по частотности – 4,62% (так ответили 33 респондента); в словаре S реакция *не волк* занимает третье место по частотности – 5,42% (так ответили 32 респондента). Таким образом, и в 1998-1999 гг. когнитивный признак концепта *работа*, выраженный данной пословицей, сохраняет свою значимость. Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин отмечают, что названная пословица отражает своеобразие отношение русского сознания к работе – нелюбовь к систематическому напряженному труду. «В русском сознании действует принцип «*работа не главное*» [15, с. 117]. О том, что работа для русского человека не главное свидетельствует и то, что понятие *работа* не входит в ядро языкового сознания русских, но входит в ядро языкового сознания других славянских народов (болгар, украинцев, белорусов) по данным Славянского ассоциативного словаря.

Особое место в ассоциативном слое концепта *работа* занимают качественные и оценочные характеристики, которыми наделяется *работа*. Среди реакций на стимул *работа* оценка, приписывание признака, занимает 29,3 % от числа всех реакций. В этом проявляется такое неотъемлемое свойство русского менталитета как стремление все оценить, всему приписать определенное качество [16, с.145]. В анализируемых ассоциативных словарях можно выделить характеристики, представляющие собой противоположные парные реакции.

Первая по частотности характеристика может быть обобщенно представлена парой *трудная – легкая*. Рассмотрим, как она представлена в ассоциативных словарях разных лет:

L: *трудная, тяжелая* (6,25%), *забота* (1,44%) – *легкая* (0,96%);

R: *трудная* (7%), *тяжелая* (4,62%), *забота* (3,8%), *сложная* (0,98%), *тяжкая, адская, каторга* (0,42%), *зверская, до седьмого пота, на износ, трудоемкая* (0,28%), *каторжная, тяжелый, тяжело, до изнеможения, изнурительная, на убой, не из легких, не сахар* (0,14%) – *легкая* (1,26%), *простая, халява, без заботы, не бей лежачего, не бей сидячего* (0,14%);

S: *трудная* (2,8%), *тяжелая* (2,37%), *забота* (2,2%), *каторга* (0,51%), *сложная, тяжесть* (0,34%), *тяжело, трудна, трудно, ишак, бремя, обуза, в тягость, заботы, рабство, утруждает* (0,17%) – *легкая* (0,34%).

В словаре R реакция *трудная* занимает первое место по частотности (такой ответ дали 50 респондентов). Кроме того, реакция *трудная* возникает в шесть раз чаще, чем реакция *легкая* в анализируемых словарях, и выражена большим числом лексических единиц, среди которых есть эмоционально-оценочные реакции (*адская, каторжная, зверская, каторга, бремя, обуза, рабство и др.*). Приведенные данные позволят говорить о том, что работу носители русского языка зачастую воспринимают как тяжелую обязанность, неволю. Если оценивать результаты диахронически, то по сравнению с 1967–1997 годами в 1998–1999 годы процент подобных реакций уменьшается более, чем в два раза.

Вторую по частотности характеристику можно обобщенно представить парой *интересная – скучная*. В словарях она представлена следующим образом:

L: *интересная* (4,81%), *увлекательная* (1,92%), *интерес* (0,96%) – *надоела* (2,88%), *нудная* (0,96%), *тоска* (0,48%);

R: *интересная* (3,36%), *увлекательная* (0,42%), *занимательная, заинтересованность, увлекательный, увлекает, затягивает, зов* (0,14%) – *скучная, нудная* (0,56%), *надоела, неинтересная* (0,28%), *нудно, скука, зевота* (0,14%);

S: *интересная* (1,86%), *интересно* (0,51%) – *надоела* (1,02%), *скучная* (0,51%), *скука* (0,17%).

Третью частотную характеристику представляет пара *хорошая – плохая*:

L: *хорошая* (3,37%) – *плохая* (0,48%);

R: *хорошая* (1,4%), *лучшая, очень хорошая, отличная, хороша, хорошо, клад* (0,14%) – *плохая* (0,56%), *гадость, дрянь, ужас, вешалка, поганая, скверная, дурная, ужасно, безобразный* (0,14%);

S: *хорошая* (3,22%), *хорошо* (0,51), *прекрасная, только хорошая, хороший* (0,17%) – *плохая* (0,51), *ужас* (0,51), *мрак, фу!* (0,17%).

Четвертую по частотности характеристику представляет пара *любимая – нелюбимая*:

L: *любимая* (2,4%), *по душе* (1,44%), *любимый, приятная, удовольствие* (0,96%) – *заклятая, не нравится, неудовлетворяющая* (0,48%);

R: *любимая* (3,36%), *нравится* (0,98), *по душе* (0,7%), *радость* (0,56%), *любовь* (0,28%), *с охотой, по призванию* (0,14%) – *неохота* (0,27%), *не хочется, не хочу, мука, заела, не нравится, нелюбимая* (0,14%);

S: *любимая* (3,56%), *удовлетворение* (0,34%), *должна быть любимой, любимое дело* (0,17%) – *не хочу, ненавижу, достала, терпеть* (0,17%).

В представленных выше парных характеристиках *интересная – скучная, хорошая – плохая, любимая – нелюбимая* во все анализируемые периоды времени наблюдается смещенность оценки в сторону положительного признака. В восприятии носителей русского языка идеалом выступает интересная, хорошая, любимая работа.

Наряду с парными характеристиками есть непарные: *будущая, большая, пыльная, грязная, монотонная, однообразная, одинаковая*.

Единичными реакциями в первой группе представлены ассоциаты, называющие естественную функциональную деятельность какого-либо жизненно важного органа тела человека или животного: работа *сердца, мозга* (R); обозначающие умственное напряжение, которое направлено на решение какой-либо проблемы: работа *мысли*; механическую деятельность какого-либо устройства: работа *машины* (R); называющие созидательную деятельность человека, которая направлена на достижение какого-либо результата: *долгая работа, работа по дому, на кухне, с книгой* (R); обозначающие практическую деятельность человека по созданию материальных ценностей, распространению знаний: *умственная, научная, физическая работа* (R, S).

Во вторую группу были выделены ассоциаты, представляющие ЛСВ работа – *служба: выполнение кем-либо его служебных обязательств за материальное вознаграждение; а также время, занятое такой службой* [11]. В 1988-1999 гг. появляются реакции – *служба, зарплата, высокооплачиваемая, низкооплачиваемая, прибыльная, сдельная, рабочее место* (R: 0,14%), *должность, зарплата, прибыль, высокооплачиваемая, оплачиваемая, хорошо оплачиваемая, бизнес, выгодная, денежная, доходная, перспективная, временная, постоянная, престижная* (S: 0,17%). Наиболее ярко об изменениях, которые произошли в русской языковой картине мира, свидетельствует то, что в 1998-1999 гг. самой частотной реакцией на стимул *работа* становится реакция *деньги*. Такой ответ дали 38 респондентов (6,44% опрошенных). Реакция *деньги* демонстрирует, что второстепенность материального, характерная для русского национального сознания, уходит в прошлое. «Деньги в сознании современного носителя языка представляются закономерным результатом работы (труда), а их наличие считается свидетельством успеха в карьере, признаком власти и безграничных возможностей» [17, с.166].

Ко второй группе относятся ассоциаты, характеризующие работу как социальную норму:

L: *необходимость* (0,96%);

R: *есть работа* (0,84%), *жизнь* (0,56%), *долг, нужная* (0,42%), *и дом, необходимость* (0,28%), *всякая нужна, необходимая, нужна, нужный, обязаловка, обязанность* (0,14%);

S: *дом* (1,19%), *жизнь* (0,68%), *долг, нужна* (0,51%), *необходимость* (0,34%), *надо, обязанность* (0,17%).

Ко второй группе также относятся ассоциаты *профессия, профессионализм, специальность, по специальности, специалист* и наименования профессий или должности:

L: *горняк, учитель, рабочие, столяр* (0,48%);

R: *учителя* (0,42%), *ученого, физика, учитель, инженер, инженерная, педагог, рабочий в спецодежде, руководитель* (0,14%);

S: *учитель* (0,68%), *адвокат, учителем* (0,17%).

Единственной профессией неизменно присутствующей среди реакций на стимул *работа* является реакция *учитель*, что свидетельствует об особом отношении к этой профессии русских респондентов.

Во вторую группу входят наименования мест работы:

L: *завод, на заводе* (1,92%), *на производстве* (1,44%), *в институте, цех, склад* (0,48%);

R: *школа* (0,84%), *завод* (0,56%), *в школе* (0,42%), *на заводе, в поле, на картошке, офис, фабрика, редакция, больница* (0,14%);

S: *завод, офис* (0,51%), *на заводе* (0,17%).

В третью группу мы включили ассоциаты, представляющие ЛСВ *работа – продукт труда, изделие, произведение* [11]. Она представлена небольшим числом реакций:

L: *книга* (0,96%), *научная* (0,48%);

R: *над ошибками* (0,42%), *классная, курсовик, письменная, самостоятельная* (0,14%);

S: *домашняя* (0,51%), *курсовая, по истории* (0,17%).

Проанализированные реакции на стимул *работа* позволяют выделить следующие базовые ассоциативные признаки концепта: *работа – деятельность, требующая усилий; работа – деятельность, циклически сменяющаяся отдыхом; работа – тяжелое занятие; работа – деятельность, к которой русские люди относятся эмоционально и наделяют оценочными характеристикам: трудная – легкая, интересная – скучная, хорошая – плохая, любимая – не любимая; работа – социальная норма.*

Сопоставление частотных реакций словарей разных лет позволило увидеть смену приоритетов: если раньше для русского языкового сознания была характерна второстепенность материального, то уже в 1998-1999 году материальное вознаграждение за работу выходит на первый план.

Список литературы

1. Тарбеева Н. М. Лингвокогнитивный анализ концепта "работа" на материале устойчивых выражений французского, персидского и русского языков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 8(131). С. 145-148.
2. Степанова Н. С., Громенко М. В. Роль пословиц в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных студентов (на материале паремий, репрезентирующих концепт "труд / работа") // Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : Сборник научных статей / Редколлегия: И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.], под общей редакцией И.П. Зайцевой. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2020. С. 172-177.
3. Пасевич З. В., Фурия М. Культурно-семантические составляющие концепта «работа» в русском языке // Эпоха науки. – 2023. – № 33. – С. 326-330.
4. Левина Л. М., Львова Ю. Н. Лингвокультурная специфика фразеологических единиц, вербализующих концепт "труд / работа" (на материале английского, испанского и русского языков) // . Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2020. № 3(32). С. 240-245.
5. Скачева Н. В. Смысловое значение концепта "работа" во фразеологической картине мира русского и немецкого языков // Филология: научные исследования. 2019. № 4. С. 114-119.
6. Биджиев З. А. п. Вербализация концепта "работа" в пьесах А.П. Чехова // Традиции и инновации в системе образования, Карачаевск, 16–28 июля 2017 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2017. С. 81-84.
7. Волошина С. В., Толстова М. А. Концепт "Работа" в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 12-18.
8. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / Под ред. А.А. Леонтьева; М., 1973. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения 14.03.2023)
9. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 14.03.2023)
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 792 с. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата обращения 14.03.2023)
11. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А. П. Евгеньева; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык,

- 1985-1988. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения 26.01.2023)
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. М; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. 1488 с.
  13. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар / Электронная версия, «Грамота.ру», 2002. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/lv/>
  14. Бредис М. А. Национальное и интернациональное в поговорках: пословица Работа не волк, в лес не убежит и ее аналоги в разных языках // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 143-160.
  15. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. 3-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 328 с.
  16. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139 – 162.
  17. Пашнева С. А., Умеренкова А. В. Динамика ассоциативного поля лексемы ДЕНЬГИ в языковом сознании носителей русского языка // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2(41). С. 161-170.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 04 (96), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.05.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 11,0. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru